

МАЛАХИТНИЦА

Rideró

13 рассказов от авторов
курса Евгении Кретовой
«Бестселлер фэнтези»

**Елена Данилова
Янина Корбут
Светлана Соколовская
Гульнара Василевская
Зоя Орлова
Елизавета Фролова
Лиса Самайнская
Анастасия Голованова
Елена Гулкова
Евгения Кретьова
Андрей Епифанцев
Дмитрий Темерев
Вера Наумова
Анастасия Хабарова
Малахитница.**

**13 рассказов от авторов
курса Евгении Кретьовой
«Бестселлер фэнтези»**

Аннотация

В глубинах Уральских гор, за лесами да заповедными речками, все еще бьется сердце Хозяйки Медной горы, сказочной Малахитницы. К ней все так же стремятся мастера, а камень умеет говорить и очаровывать, как в стародавние времена. Стоит только прислушаться к клетоту птиц да шелесту камней в холодном ручье, и полетится она, настоящая уральская сказка...

Содержание

Предисловие	7
Зоя Орлова.	10
Елена Гулкова.	25
Гульнара Василевская. СИНИЛЬГА – ЦАРЕВНА ЗМЕЙ	41
Вера Наумова.	55
Андрей Епифанцев.	70
Светлана Соколовская. АТТРАКЦИОН	89
Анастасия Хабарова.	102
Дмитрий Темерев. МАЛАХИТОВАЯ МЕСТЬ	119
Лиса Самайнская.	134
Елена Данилова.	149
Янина Корбут.	166
Елизавета Фролова. МАЛАХИТОВАЯ БРОШЬ	191
Анастасия Голованова. КРОВАВОЕ ЗОЛОТО	209

Малахитница

13 рассказов от авторов курса Евгении Кретовой «Бестселлер фэнтези»

Авторы: Орлова Зоя, Гулкова Елена, Василевская Гульнара, Наумова Вера, Епифанцев Андрей, Соколовская Светлана, Хабарова Анастасия, Темерев Дмитрий, Самайнская Лиса, Данилова Елена, Корбут Янина, Фролова Елизавета, Голованова Анастасия, Кретова Евгения

Продюсерское агентство Антон Чиж Book Producing Agency

Корректор Ольга Рыбина

Дизайнер обложки Клавдия Шильденко

© Зоя Орлова, 2024

© Елена Гулкова, 2024

© Гульнара Василевская, 2024

© Вера Наумова, 2024

© Андрей Епифанцев, 2024

© Светлана Соколовская, 2024

© Анастасия Хабарова, 2024

© Дмитрий Темерев, 2024

© Лиса Самайнская, 2024

© Елена Данилова, 2024

© Янина Корбут, 2024

© Елизавета Фролова, 2024

© Анастасия Голованова, 2024

© Евгения Кретьова, 2024

© Клавдия Шильденко, дизайн обложки, 2024

ISBN 978-5-0062-6779-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предисловие

Книжная статистика подтверждает: фэнтези захватило книжный мир и сердца читателей. В 2022 — 2023 годах фэнтези стало самым популярным жанром. О причинах этого, особенностях жанра, свободных нишах и перспективах развития фэнтези мы говорили на курсе «Бестселлер фэнтези: успех автора в 2024 году».

Говорят, фэнтези – это сказка. Еще говорят, что читают фэнтези-книги только дети. С другой стороны, все еще бытует мнение, что дети (подростки, молодежь) не читают. Тогда как же объяснить тот факт, что фэнтези стало самым популярным жанром, обойдя в рейтингах классику и остросюжетную литературу? Нет, читатель прежний, не надо намекать, что читатель поглупел – это вообще дорога в никуда.

Ответ прост – фэнтези выросло. Оно давно перестало быть сугубо детской сказкой. Как сравнительно молодой литературный жанр, фэнтези впитало в себя приемы, характерные для триллера и хоррора, детектива и научной фантастики. Оно научилось говорить просто о важном, постепенно укрепляя свои позиции, завоевывая любовь самого взыскательного читателя. И вот уже сегодня фэнтези – это новые уникальные миры, новое прочтение знакомых сюжетов, это современное дыхание старины.

У фэнтези есть одно очень важное свойство: оно позволя-

ет заново осмыслить миф, применить его к современности. Вероятно, по этой причине огромную популярность сегодня приобрели так называемые ретеллинги – пересказы старых сюжетов на новый лад, их новое прочтение и переосмысление.

Курс «Бестселлер фэнтези: успех автора в 2024 году» был нацелен на авторов, желающих разобраться в особенностях жанра, понять его истоки и пути развития. Курс был построен таким образом, чтобы авторы сумели не только придумать фэнтези-сюжет, но и проработать его поэтапно, последовательно прорисовывая эпизод за эпизодом, продумывая «движок» истории, наблюдая, как работают поворотные точки. На мой взгляд, это важный навык для автора – видеть структуру своей истории, понимать не только цели и задачи (пресловутое «что хотел сказать автор»), но и осознавать, где надо «докрутить», а где изменить ход событий.

Сборник рассказов «Малахитница» – не пересказ известных сказов Павла Бажова. Да, в сборнике и про малахит, и про тропы заветные, и про мастерство утраченное, но больше всего авторы сборника пишут про мечту да про силу камня. Вы найдете истории, пропитанные духом гор, заповедных троп, живого камня, посмотрите на жизнь современного Мастера-творца и его творения.

Это очень разные истории. Какие-то льются, словно горный ручеек, искрятся на утреннем солнышке. Какие-то горят полуденным солнцем, в полный рост раскрывая красоту

русских полей да яркость уральского неба. А есть среди них и такие, от которых холодок по коже... Надеюсь, вам западут в душу эти истории.

Евгения Кротова,

*мастер курса «Бестселлер фэнтези:
успех автора в 2024 году»*

Зоя Орлова.

ЗОЛОТАЯ ДАЙКА

Позади с громким шуршанием и треском осыпалась земля. На мгновение Глаша ослепла в наступившей тьме.

– Глашка! Глафира! Ты где? Не вздумай прятаться, слышишь? – тут же раздался за спиной мужской окрик. Он прозвучал словно издалека, приглушенный рыхлыми стенами подземелья.

«Как не слышать? Слышу, Пантелей Ильич, – подумала девушка. – Только теперь уж все едино, другого исхода нет».

А там, за стеной обвала, уже стучали кирки, ругались мужики, по-черному бранился заводчик, пытаюсь выбраться из-под завала. Но Глаша уже не слушала. По земляным стенам побежали яркие огоньки малахитовых светляков, указывая путь. В лицо пахло свежим ветерком с запахом мокрой хвои, и девушка пошла ему навстречу. Земля под ногами стала твердой и ровной, стены подземелья, как живые, расступились, и вот уже впереди засеребрился лунный свет, прочерченный синими тенями деревьев.

Глаша шагнула в блестящую от росы траву и вздохнула полной грудью. За спиной, треща кореньями, сомкнулась земля, скрывая огромную нору.

«Спасибо вам, золотые дайки, сестренки мои названные!»

Девушка поклонилась на четыре стороны и, не оглядываясь, пошла с поляны только ей одной видимой тропинкой.

Видит бог, не мыслила себе Глаша такого, да выбора ей не оставили.

* * *

Глаша, младшая дочь деревенского кузнеца Михея, росла шустрой и любопытной до всего. Могла целый день в лесу играть, а когда домой возвращалась, раскладывала на полу самоцветные камешки, корешки разные и рассказывала сестрам и братьям про золотых змеек, серебряных ящерок и говорящие камни.

Отца эти игры сначала удивляли, потом начали раздражать, а потом и вовсе злить. И чем старше становилась Глаша, тем сильнее было видно, что совсем она не похожа на родителей. Уж больно яркая получилась девчонка, волосы да брови как смоль, глазища большие, карие.

Поползли по деревне слухи нехорошие, будто Глашка с рудными бесами знает, потому у ее отца и железо самое лучшее. Да много чего еще ввали.

Кузнец Михей начал жену попрекать, мол, и вправду нагуляла она младшую дочь от золотого змея Дайко, как есть бесовку горную родила.

Однажды ночью дети слышали, как за стеной отец ругается люто, а мать плачет. А на следующий день Михей унес

в кузню тюфяк да подушки с одеялом и с того дня с женой больше в одной постели не спал. Про младшую дочь решил так: подрастет Глафира до невестиных лет, тут и сбегрит ее замуж куда подальше, где про его семью никто не знает.

Тем временем матушка Глашина от обид да попреков начала хворать и чахнуть, от горьких слез стала слепнуть, а потом и вовсе померла. Михей и дети горевали сильно. Однако вечно горевать не будешь, вернулись к делам мирским.

В эту пору объявились в окрестностях монахи-бегунцы, от царевых указов прятались. Построили они скит в лесной глухомани, а по деревням ходили за подаяннем, предлагали молиться за людишек грешных в обмен на хлеб да всякую снедь. Монахи-то монахи, а сплетни собирали не хуже деревенских кумушек и про Глашку-бесовку тоже услышали. Начали они захаживать к кузнецу и уговаривать отдать им младшую дочь.

– Злыми слухами земля полнится, – говорит монах кузнецу. – А в скиту дочка твоя от людей скроется, будет ваши семейные грехи отмаливать, чистотой непорочной богу угождение сделает. Глядишь, и позабудется напраслина. Замуж-то ее все равно никто не возьмет.

Михей нахмурился, но ничего монахам не обещал.

И вот как-то говорит он младшей дочери:

– Готовь приданое, Глафира. Скоро приедут тебя сватать.

– Как же, батюшка? – удивилась она. – Еще старшие сестры не просватаны. Как же я могу поперек старших-то?

– Не твоя печаль, – ответил Михей. – В скиту сгнить за-
всегда успеешь. А так, глядишь, и хозяйкой будешь, и деток
народишь. Да и старшим сестрам легче будет женихов найти,
коли ты отсюда уедешь. И хватит об том!

«Выйти замуж не напасть, как бы замужем не пропасть», –
говаривала матушка. Глаша спорить с отцом не стала, а про
себя решила, что при первом же удобном случае сбежит
из дому. Сама она не из пугливых, а там, даст бог, все как-
нибудь сладится.

Потихоньку от старших собрала девушка себе мешочек
с одежкой да обувью, уложила вышитый кисетец, в кото-
ром хранила маленькую иконку – матушкино благословение,
утолкала кулек сухарей и соль в берестяной кубышечке. Сло-
вом, подготовилась.

Вот как-то утром Михей объявил семейству, что нынче
пожалуют к ним сваты, про Глафиру сговариваться. Сестры
весь день у печи хлопотали, братья вместе с отцом в кузне да
во дворе были, а Глаше велено было к смотринам готовиться.
Слух про то дошел и до скита. Монахам это не понравилось,
у них на Глашку-бесовку свои планы были.

Вечером собрались за столом сваты с женихом и Михей
сам со старшими детьми. Глаше сказано было сидеть в своей
каморке, пока не позовут. Но она исхитрилась подглядеть,
каков из себя жених.

Оказался здоровенный угрюмый парень, кулаки с горшок,
белобрысый, лицо жесткое. Такой и прибьет – не заметит.

Поговорили старшие, сторговались, Михей велел Глафиру гостям предъявить. И тут во дворе собаки завыли. Все кинулись к окнам, глядь, а кузница-то горит! Монахи-злыдни подожгли!

Побежали все туда, а Глаша спустилась тихонечко, подхватила мешок заплечный, выскользнула в щель заборную и помчалась без оглядки.

* * *

Зима сковала льдом воды Круть-реки, завалила сугробами железоделательный завод, крепость вокруг него и мастеровой город, что рассыпался домишками за крепостной стеной. На окраине, в избе у одинокого вдовца, деда Вавилы, прижилась Глаша. А чтобы соседи сплетен не сочиняли, объявил Вавила, что это его сродственница, сирота, аж с самого Киржача пришла.

Поначалу Глаша просто помогала по хозяйству, а дед и радехонек, намаялся в одиночку-то. Со временем дед Вавила начал Глафиру помаленьку камнерезному делу учить. Сам-то он к тому времени уже мало что мог. Нарезет на стареньком станке пластинок из самоцветных камней, а Глаша их потом пошлифует, дырочки просверлит – получаютя пряжки да пуговицы. Эту мелочь охотно скупали заводские приказчики. Тем и жили Глаша с дедом Вавилой.

Наступили святки. Собралась заводская молодежь, нарядились кто в овчину, кто в маски раскрашенные, кто в космы соломенные и пошли по дворам святочные песни петь

да колядки собирать. Пошла и Глаша с ними. Наколядовала полную котомку пирогов да лепешек, собралась было домой, но тут по улице в расписных санках промчался какой-то хмельной приказчик и чуть не сбил девушку. Снег из-под копыт метнуло Глаше в лицо, она не удержалась и хлопнулась всей маней в сугроб.

Подружки захохотали. И тут один паренек подскочил, помог Глаше подняться, собрал снедь, что из котомки вывалилась, и начал с Глашиного тулупа снег отряхивать.

– Премного благодарны, – сказала девушка. – Только со своим подолом я и сама справлюсь.

Подружки снова рассмеялись. Одна из них крикнула парню:

– Ты там полегче, Ерофеюшка! Неровен час лишку залапаешь – придется жениться!

Тут уж вся компания расхохоталась. Но парня это ничуть не смутило. Он только улыбнулся Глаше, словно солнышком осветил, и спросил вежливо:

– Это чьих же такая краля будет?

– Глафира я, мастера Вавилы сродственница, – ответила девушка. – А вас как звать-величать?

– Ерофей Марков, мастер, – ответил юноша. – Дозвольте проводить?

Глаша кивнула согласно. Ерофей подхватил тяжелую котомку и зашагал рядом. Так и познакомились.

Полюбился Глафире молодой мастер. Да и как не полюбить такого? Высокий, статный, кудри русые, глаза голубые, как весеннее небо, а как улыбнется, так сердце девичье и во все теплым воском тает.

Ерофей начал захаживать в дом деда Вавилы, да всегда с каким-нибудь гостинчиком – то пряников принесет, то кулечек орешков сахарных, то вязанку бубликов с маком. Раз вечером сидели они так, чай пили, и тут кто-то заколотил в дверь.

Ерофей поднялся, открыл. Хлынул в горницу морозный воздух студеными клубами, а следом ввалился, топоча сапожищами, бородатый мужик, один из дворовых холопов Пантелея Ильича, хозяина завода. И с порога заявил:

– Велено вашу девку в барский дом взять, на вечернюю службу.

Ерофей побледнел. Дед Вавила тоже в лице изменился, поднялся медленно и говорит:

– Никак сие невозможно. Так и скажи Пантелею Ильичу.

– Это чего ж так? – удивился мужик.

– Недужная она нынче, – заявил старик и незаметно сделал Глаше знак рукой. – Застудилась наемдни, жар у нее, лихоманка.

Глаша тут же сообразила и начала надсадно кашлять. Мужик зыркнул на нее исподлобья и брезгливо скривился. Ничего не сказал больше, повернулся и ушел. Ерофей тут же запер за ним дверь на засов. Дед Вавила, словно враз обес-

силев, опустил ся на лавку и покачал головой.

– Пришла беда – отворяй ворота, – проговорил он с горечью.

Глаша кинулась к деду.

– Да что ж такое, дедушка? Об чем ты?

– Хозяину нашему новую игрушку захотелось, – сказал Ерофей зло. – И когда только высмотреть успел?

– Что вы все загадками говорите? – забеспокоилась Глаша. – Скажите уже, что за напасть такая эта вечерняя служба?

– Такая напасть, что после нее девки брюхатые ходят. Пантелей Ильич натешится, а потом их замуж распихает али продаст кому. Для него крепостные все равно что щенки борзые, – мрачно объяснил парень и сжал кулаки.

Глаша остолбенела.

– Я не крепостная, – наконец произнесла она, – я из вольных. И отец мой вольный, и матушка, царствие ей небесное.

– Зато мы подневольные, – сказал Вавила. – На первой отбрехались, а дальше... Бог не выдаст, свинья не съест.

Еще дважды приходили за Глафирой люди Пантелея Ильича, да все никак не сподобились девку забрать. А потом все забылось как будто.

* * *

Пришла весна. Вскрылась Круть-река, с глухим треском

и гулом унесла потемневший лед. Глаша в глубине души ждала, что после поста и Светлой Пасхи посватается к ней Ерофей. Но парень о сватовстве не заговаривал, только с каждым днем все больше печалился. Не выдержала Глаша, спросила однажды, о чем он кручинится.

– Как же мне не печалиться, Глашенька? Я жить с тобой хочу, дом вести, детишек растить. Да только не бывать этому. Ежели мы с тобой повенчаемся, ты сама крепостной у Пантелея Ильича станешь, и детей наших крепостными запишут. Не хочу я этого, – ответил Ерофей, и на его лицо легла тень.

– А ежели сбежим? – предложила Глаша. – На вольные земли подадимся?

Ерофей помолчал немного, задумавшись, и проговорил:

– Всю жизнь бегать не будешь. Я тут поспрошал заводских мужиков... Говорят, барин-то наш, Пантелей Ильич, как-то перед гостями бахвалился, что, мол, он барин самый что ни на есть правильный, справедливый. И ежели кто из его мастеров предъявит хороший выкуп за себя, так он тому мастеру честь по чести вольную оформит. Так может мне попробовать? Подкоплю денег, серебряную аль золотую жилу найду и тем от барина откуплюсь. Как думаешь, Глашенька?

А у нее от этих слов глаза засияли, щеки румянцем расцвели. Бросилась Глаша любимому на шею и заговорила горячо:

– Я помогу, Ерофеюшка, коли не забоишься! Я ведь сизмальства самоцветные камни да золото знаю, чую их! Еще

маленькой была, играла в лесу с золотыми змейками-дайками, и они мне показывали, где россыпи самоцветные, а где жили золотые да рудные.

Просветлел лицом молодой мастер, обнял свою милушку и поцеловал крепко.

– Ты и есть моя золотая дайка, любушка моя, – прошептал он.

Сладко защемило Глашино сердечко. И не только от того, что его переполняла любовь, а еще и от того, что принял ее тайну Ерофей, не испугался и не обозвал ведьмой да бесовкой. На том и порешили.

В тот же вечер слуги Пантелея Ильича явились за девкой Глашкой. Отбояриться на этот раз не вышло.

Сам Пантелей Ильич сидел за накрытым столом, чай пил. Предъявили ему девушку. Он окинул ее липким взглядом и приказал:

– Нут-ка, повертись!

Глаша с места не двинулась.

– Вы, Пантелей Ильич, меня работать вызвали, – заговорила она, – так скажите, чего делать надо. А я не карусель на ярмарке, чтобы попусту вертеться.

Заводчик голову набок склонил, прищурился нехорошо так и прошипел:

– Не по чину баёшь, девка. Знаю я про ваши шашни с Ерофеевкой Марковым. Замыслила лучшего мастера у меня сманить? Думаешь, коли ты не моя крепостная, так тебе все доз-

волено?

– Намедни вы, по пьяному делу, прилюдно побожились, что ежели вам какой холоп насыплет золота столько, сколько сам весит, вы тому холопу вольную дадите, – храбро заговорила Глаша, а у самой внутри все мелким бесом дрожит. – Помните ль, барин? Люди-то слышали.

Как только Глаша про золото сказала, у заводчика глаза заблестели и лоб испариной покрылся.

– Не ты ли, красавица, мне то золото принесешь? – спросил он вкрадчиво.

– Ежели отпустите Ерофея – принесу, – ответила девушка. Заводчик ухмыльнулся, довольный, и велел своим холопам с Глафирой теперь же идти.

Под утро вернулись слуги, с ними и Глаша. Доставили барину на тележке золотой крошки. Тот аж затрясся весь. Велел песок драгоценный взвесить да в сундук ссыпать. А на Глафиру зыркнул алчно и говорит:

– Вот что, девка, ступай снова. То золото за Ерофея было, а ты еще и за себя заплати, а то обоим вам воли не видать.

Глаша отерла пот с лица и нахмурилась.

– Как же так, Пантелей Ильич? Не было такого уговора!

– Ты, девка, говори да не заговаривайся! – рыкнул тот в ответ. – Лучше в окно глянь, на полюбовничка своего.

Кинулась Глаша к окошку. А там посреди барского двора стоит у столба Ерофей, нагой по пояс, руки цепью прикованы, губы в крови. Перед ним стоит мужик, кнутом поигры-

вает. Вскрикнула Глаша. Ерофей услышал, повернул к ней избитое лицо и одними губами сказал: «Беги!»

– Стоит мне свистнуть, ему тотчас кнутом ребра пересчитают, – сказал заводчик. – А потом и тебе. Будет у вас венчание на крови. Что побелела, молодаечка?

У Глаши внутри все заледенело. Она и думать не хотела, что с ее ненаглядным такое может случиться. За себя ей не было страшно, а вот за любимого... А барин решил, что девка глупая упрямится, и махнул рукой своему подручному. Взвился в воздух черный кнут, рассек со свистом воздух и пропорол Ерофею спину. Брызнула молодая кровь на землю, повис парень на цепи в бесчувствии. Глаша закричала было, да голос пропал.

А барин глумится:

– Передумал я! Не убью Ерофейку, а покалечу. Ежели ему ноги переломать, и он тут останется, и ты завсегда рядом будешь. Не бросишь ведь его болезного? Не бросишь. По глазам вижу.

Глафира вдруг выпрямилась, словно кол проглотила, глазищи засверкали недобро.

– Верно, барин, не брошу, – заговорила она. – Видать, некуда нам деваться, твоя взяла, Пантелей Ильич. Так и быть, послужу тебе. Только Ерофея не калечь.

Обрадовался заводчик, руки свои загребущие радостно потирает.

– Покажу я одно место заветное, – продолжила Глафира. –

Только идти туда прямо нынче надо. Сегодня ночь особая, золотые змеи-дайки наверх выйдут. Коли споймаешь их, будешь всю жизнь на золоте есть, а они будут тебе служить и рудные места показывать.

Заводчик враз собрался, взял факелы и самых лютых своих холопов, а Глаше велел на руку цепь надеть, чтобы не сбегала.

Привела их девушка к яме. Спустились. И тут открылась им большая нора. Заводчик пустил вперед Глафиру, за ней холопа с факелом, а следом сам полез. Остальные мужики у норы остались.

Оказалось, что это вход в старый рудник. Пока Пантелей Ильич оглядывался, Глаша зашептала заговор волшебный. Лопнула цепь на ее руке, а из всех щелочек вокруг полезли, шипя, золотые дайки, заметались с тонким звоном по стенам, заискрили в свете факелов призывными всполохами. Заводчик со слугой, как ошалелые, кинулись змей ловить. А Глаша все шептала и шептала. Зашевелилась земля вокруг, и обрушился на Пантелея Ильича свод рудника, скрыв из его глаз Глафиру.

– Глашка! Глафира! Ты где? Не вздумай прятаться, слышишь? – раздался мужской окрик словно издалека, приглушенный рыхлыми стенами подземелья. «Как не слышать? Слышу, Пантелей Ильич, – подумала девушка. – Только теперь уж все едино, другого исхода нет».

По стенам побежали огоньки малахитовых светляков,

в лицо пахнуло свежим ветерком с запахом мокрой хвои. Земля под ногами стала твердой и ровной, стены подземелья расступились, и впереди засеребрился лунный свет, прочерченный синими тенями деревьев.

Глаша шагнула в блестящую от росы траву и вздохнула полной грудью. За спиной, треща кореньями, сомкнулась земля, скрывая огромную нору. «Спасибо вам, золотые дайки, сестренки мои названные!» Девушка поклонилась на четыре стороны и, не оглядываясь, пошла только ей одной видимой тропинкой.

Слуги, что у норы остались, услышали крики барина и полезли ему помочь. Только ничего у них не вышло, завалило и их самих.

А Глафира тем временем вернулась в барский дом и нашла возлюбленного в подвале. Ерофей лежал на соломе лицом вниз, бездыханный, изорванный кнутом, с переломанными окровавленными ногами. Обняла Глаша любимого, горькими слезами омыла его бледное лицо и зашептала заговор целебный. Захрустели молодые кости, срастаясь заново. Новые жилы потянулись по ним. А в жилах горячей волной вскипела новая кровь. Ожил Ерофей, застонал от боли.

Ожили, зашевелились камни стен, с треском и скрежетом поползли в стороны, открывая проход, из которого сверкающим ручьем хлынули в темницу золотые змейки. Облепили они Глафиру и Ерофея, переливаясь волнами желтого, красного, белого света. А потом вдруг померкло все и ис-

чезло. Слуги и дворовый люд прибежали в подвал на шум и вспышки, а там и нету никого. Только стены замшелые да куча окровавленной соломы на полу.

Заводчика Пантелея Ильича все ж таки откопали. Жив он остался, только умом поехал. С той поры за ним слуги как за малым дитем ходят, с ложки кормят, слюни вытирают да подштанники меняют. Глафиру и Ерофея Маркова ни в заводе, ни в городе, ни окрест никто больше не видел. Правда, дед Вавила спустя время рассказал, что молодые, мол, счастливо сбежали на вольные земли, где и повенчались. Многие поверили.

Елена Гулкова.

УЛЬЯНКА

– Матушка, не вставайте, – Уля зачерпнула ковшиком теплую воду и поднесла ей.

Мать захворала в ночь с Лукова на Егорьев день: ходила с бабами на луг следить за ведьмами. Устилили те траву тонкой холстиной, ждали, когда напитается росой, бежали в коровник, чтобы скотину накрыть, болезнь привязать. Успеешь обернуться раньше нечисти – спасешь кормилицу. Нет – без молока останется семья. Вот и набегалась.

Варвара, охая, спустила ноги, нащупала конопляники, в начале мая в них было еще холодно, но обулась.

– Как же лежать, дочка? Егорий Вешний сегодня, сгубят коров ведьмы. Надо ворота посмотреть... Может, метки какие есть...

– Я выйду, матушка, осмотрую, чай, не первый год это делаю: увижу на воротах свежую нарезку ведьминскую – сразу наберу грязь у притолоки, замажу.

– Не вовремя отец на ярмарку с детишками уехал. Не справишься одна: надо и двор обмолить, и колодец, да на скотский водопой сбегать...

Ульянка заставила мать лечь.

– Управлюсь! Пораньше выйду – все сделаю.

Выглянула в окно. Солнце еще не проснулось. Над огородом стояла голубоватая дымка.

Сквозь матовость стекла мелькнули тени.

Поежилась и прошептала: «Что-то много ведьм стало. Говорила баушка, царство ей небесное: надо не ждать Иванову ночь, а к Малахитнице идти за помощью».

– Неча Хозяйку попусту беспокоить, – мать услышала, насупилась. – Придет лихо – не примет. Крапивушкой оборонимся от напасти.

* * *

Суетный день выдался: с утра Ульянка обежала двор с иконой да свечой, бормоча молитву, обошла колодец, капнула туда воск. Нарвала крапивы – благо обильно растет по забору – охалками разложила на всех порогах. Изба наполнилась запахом травы, напившейся солнцем.

Осталось только на речку сбегать. Захватила золы – ребячьи портки заодно прополоскать.

Посмотрела Варвара вслед дочери, перекрестила: славная выросла, работающая, трудно без нее будет, коли скоро замуж выскочит.

Речушка Азовка недалече, за нижними огородами, протекает, только спуститься с косогора. Ульянка остановилась, полюбовалась сверкающей слюдяной поверхностью воды, заметила девок, бьющих белье, ускорила шаг.

Течение Азовки бойкое, грязь быстро сносит – можно встать где угодно. Далеко не пошла. Поприветствовала всех, стала белье мочить да золой натирать.

Между делом нарвала высокой крапивы, дружно она у воды поднялась, сок так и брызжет. Охапка получилась пышная. Руки пощипывало – говорят, полезно для здоровья.

Развернула платок, достала иконку и свечку – девки притихли. По спине Ули пробежал холодок: неужто ведьмы? Их среди обыкновенных женщин не распознать.

Между тем бабы и девки стали собираться. Уля поднесла ладонь козырьком к бровям, прищурилась: нижние юбки у всех были мокрые, прилипли к телу. К ужасу, увидела она очертания коротких хвостиков – ведьмочки совсем молодые, природные. А невольных, тех, кто черную силу при передаче получил, труднее распознать, явных примет нет.

Трясущимися руками зажгла свечку, подняла образ со святым угодником, забормотала молитву. Нечисть кинулась бежать, подхватив лоханки с неотжатым бельем.

«Плохо. Зло теперь затаят, что я их увидела, – расстроилась Ульянка. Воск мутными слезами капал на место спуска коров к реке. – Лишь бы матушка не узнала, огорчится».

* * *

Погода установилась ласковая. Весна обрамила все зеленью. Агатовые сосны размахивали широкими ветками при-

ветливо, прогоняя легкий ветерок.

Сговорилась Ульянка встретиться со старшей сестрой. Она замужем за кузнецом, вот-вот ребеночка родит. Матушка напекла шанежек – пусть девки погуляют, молочка попьют да полакомятся, посидят да поболтают. Пока дел особых нет, до страды далеко.

Уля любила такие посидушки. Сестра – почти ровесница, да баба замужняя – рассказывала о своем житье-бытье, учила ее женским премудростям, парни-то засматриваются на Ульянку: рослая, чернобровая, с ровным румянцем, улыбка, руки сильные, грудь высокая.

Да ни они одни погулять вышли. Встретились знакомые девки с соседней улицы, разговорились с ними, посмеялись. Ушли те вскоре – налетели вместо них сороки, кружить стали и стрекотать, а Маланье плохо сделалось: живот скрутило, согнулась, а разогнуться не может. Побежала Ульянка за матерью. Вернулись, а Маланья ребенка скинула, лежит бледная, ни кровиночки в лице, зато кровища под ней! Руки-ноги раскинула, глаза неподвижно в небо смотрят. А сороки как пропали.

Страшно закричала мать. Стала волосы седые рвать, биться о землю.

Ей откликнулись и жутко захохотали ведьмы.

– Погубили! Будьте вы прокляты! – мать стояла на коленях, обхватив ноги Маланьи. Потом сняла фартук, завернула синего ребеночка, стала баюкать. Сладковато-приторно пах-

ло кровью.

Ульяна закрыла глаза, подняла голову к небу, кулаки сжала. Что шептала она – неведомо, но лицо изменилось, посуровело. Улыбаться перестала – ямочки на щеках пропали.

* * *

Схоронили Маланью с дитем тихо. Почернел отец. Тронулась рассудком мать: завернет полено в платок и качает, внучка представляет. Дементий, вдовец, замолчал, спать перестал, в работу кинулся, стук-перестук по деревне всю ночь из кузни слышался.

Ульянка уверилась: надо идти к Хозяйке. Да родители против – боятся за нее: неизвестно, как поведет себя Малахитница. Своевольная она. Девок не шибко привечает, парней любит, им не отказывает.

Решила Уля повременить, пока мать в себя придет, да за ведьмами последить. Мысль запала ей: извести их самой.

Вспомнила рассказы баушки об особом говоре нечисти, словечках особенных. Стала прислушиваться, по улицам проходя. Через шесть изб услышала, что баба мужику своему говорит:

– Поди принеси одион лопату и другиан вил.

Видит через щель: несет муж ейный одну лопату и пару вил. Смекнула: по-ведьминскому говорит, а мужика подчинила, зельем привязала, как мертвяк ходит, и глаза непо-

движные.

Пришла поздно вечером Ульяна к этому двору, покараулить. Выскочила кошка черная в полночь – ударила она ее по лапам ломиком, с собой прихваченным. Взвизгнула животина и назад под забор...

Днем опять вернулась Ульяна, постучала:

– Не займете ли соли?

А у бабы рука перевязана. Зыркнула красными угольями черных глаз. Соли не дала. Толкнула в грудь и захлопнула дверь.

Ульянка оглянулась, сорвала крапиву, свернула пучком, натерла ворота, чтобы соседку покорежило немного. Потом по этой метке стала этот двор обходить стороной, остерегаясь ведьмы.

* * *

Обдумывала Ульяна каждый день, как бы к Малахитнице сбегать, совета спросить да помощи попросить: портят деревню ведьмы, сильно вредят народу.

Вот давеча прибежала соседка, плачет, трясется: в сохе нож чужой, трогать боится, муж на рудник ушел. Пока отец Ульянки добежал, нож вытащил – а бабе и не под силу было бы – глядь, а вымя у коровы пустое, сморщенным мешочком висит, все молоко через соху вышло. Взвыла соседка: детей восемь душ по двору бегают. Чем кормить?

Ульяна уже десять ворот в деревне пометила, где ведьмы живут. Да боялась, что не всех выявила.

Обратилась к батюшке, чтобы помог распознать их в день Светлого Христова Воскресения, когда дается им сила дьявольская, становятся они невидимыми и невесть зачем идут в церковь, становясь спиной к царским вратам, чтобы народ их не видел. И только священник, когда выходит с дарами, может ведьм заметить. Согласился батюшка, да забоялся потом с нечистой связываться. Смолчал, глаза спрятал, перекрестил Ульянку, но совет дал.

В день заговенья положила она кусочек творогу за щеку и спать легла, а в понедельник на первой неделе поста вытащила, пошла говеть и с собой его взяла. В день причастия Святых Тайн увидала, кто из говеющих в церкви женщин ведьмы, но выявила только невольных, которые дар передачей получили, а природные – творог почуяли и скрылись.

Насчитала Ульянка в деревне девять невольных ведьм да девять природных, которым пометила ворота, и решила: надо срочно к Хозяйке бежать, а то скоро вся деревня ведьминской станет.

А ей здесь жить, семью строить. Вон Еремей Галузин, карглазый да ладный мастер, грозитя сватов засылать. А она и не против. Ульяна потрогала атласную ленту и улыбнулась – Еремей подарил.

* * *

Говаривали, Хозяйку возле Азов-горы лучше искать, где схоронены разбойничьи сокровища. Они ей-то ни к чему – сберегает от лихих людей.

Ульянка ушла до рассвета, пока все спали. Взяла хлеба горбушку, а воду уж сыщет – в лесу ключей полно.

Заплутать не боялась: люд за кладом хаживал – протоптал тропу. По ней и пошла.

Когда солнце высоко встало, была она уже у Азовкиных слез, родника, села в тенек перекусить, внимательно на расщелины поглядывая: не мелькнет ли ящерка – предвестница Хозяйки горы? Заморилась, глаза напрягая, уснула. А проснулась – темно. Неужто ночь? Вскочила – ударилась головой. Пахло сыростью. Сердце захолонуло: пещера!

Засверкало мелкими искорками. Хозяйка или девка Азовка шалит? Ульяна вгляделась: к ней бесшумно кто-то приближался. Ахнула: зеленоглазка-красавица!

– С чем пожаловала, дочь Корзакова? – голос Малахитницы зажурчал, что хрустальный ручеек.

– Пособи от нечисти избавиться, Хозяюшка! – Ульянка робко поклонилась, но осмелела, заговорила бойко: – Ведьмы распоясались, житья от них нет.

– Веди ко мне Галузина, – от приказа сердце Ули сжалось. – Да не жалея. Ведьмак он. Ведьмы под ним пляшут.

Не успела Уля ответить – хвост ящерики мелькнул – сидит она уже возле ключа, любимого оплакивает, готовит в полю-

бовники Медной владычице, а верится в наговор с трудом.

* * *

Вернулась домой Ульяна сама не своя, как шла, не помнит: слезы глаза застлала, сердце узлом завязывалось, все об Еремее думала, больно люб ей мастер был.

Что делать? Деревню спасти или жизнь свою? Братья-сестры подрастают. Жалко их – сгубят ведьмы проклятые!

Надежда одна оставалась, тлеет огонечек, что Еремей чист.

Кинулась опять к батюшке, только он один мог распознать. Согласился – вина на нем прежняя была. Нашел в деревне косточки ягненка, закопал под церковным порогом, чтобы ведьмак выйти не мог. Да, к счастью батюшки, не пришел в тот день мастер дел каменных в церковь.

Пришлось Ульяне самой за дело браться: бросила в кипящую воду камень и подкову – у кузнеца-вдовца взяла – вечером отнесла отвар к дому Галузиных, вылила под окно.

Утром узнала у баб, где корова болеет, пошла якобы в гости. Тут и Еремей пришел, измученный, с черными кругами под глазами – корчился всю ночь от отвара. Удивился, застав там любимую. Сказал, что пришел испорченную корову лечить.

«Пришел, значит, ведьмак он! Это точно, – загоревала Ульянка. – Не обманула Малахитница». Но Еремею виду

не подала, разрешила проводить домой.

* * *

Смелой, но простодушной и слишком честной была Ульянка, где ей ведьмака провести.

Почуял он, что отваром медным от нее несет. А прощаться стали, за руки ее подержал, заметил ржавчину на пальцах.

Огорчился Еремей: больно нравилась ему эта голубоглазая высокая девица с широкими бедрами – хорошая мать получилась бы. Но проучить ее надо, чтобы не совала нос в чужие дела, не нарушала установленный им порядок в деревне.

Да и не делал он ничего плохого, просто хотел уважения и власти. Вот вылечил корову – слава пошла о нем: врачевать умеет, а то, что он сам порчу навел, – знать никому не надо.

* * *

В Иванову ночь, на 7 июля, ведьмы становятся особенно опасными, но не все об этом ведают. Разве все знать возможно? Вот и Ульянка не знала. Раньше баушка предупреждала, матушку учила, а та болеть головой стала в последнее время, все хозяйство на дочке, куда той за всем уследить. А надо было крапивой-защитницей запастись да уложить ее вместо старой под порог, под окна да развесить по углам и дома, и в сараях для животины.

Услыхала Ульяна возню в скотнике, страшно было, но по-

шла смотреть и обмерла: ведьмы вымя корове волосом обвязывают. Метнулась назад. Но успели они схватить девку за косу, втянули в сарай, стали скалиться и царапать ее корявыми ногтями, толкать от одной к другой, раскручивая, чтобы умом тронулась. Закружилась голова от знакомого запаха крови, споткнулась Ульянка о тележную ось – вспомнила, что ведьм ею бить нужно, приговаривая: «Раз!» Стала обороняться, ударять их, почти отбилась. Совершила ошибку:

– Раз! – крикнула, задев самую злую и бойкую ведьму по плечу.

– Два! – попала по голове.

А «два», по поверью, говорить нельзя! Начали ведьмы ломать Ульяну, силу почувствовали от ее промаха. Не смогла долго девка сопротивляться, раны болели, платье кровью пропиталось. Боль захолонула – упала, с жизнью прощается. Услышала только, как коровушка горько вздыхает и сеном хрустит.

В это время мимо проходил Еремей, отбил Ульянку, неживая она уже была – вернул ей душу, ухватив за тоненькую ниточку. Всю ночь обтирал отварами пахучими, лечебными, чтобы синяки сошли и раны затянулись.

Не знала она, что не случайно он на помощь пришел, схоронился за сараем, наблюдал за расправой. Не ожидал, что ведьмочки молодые в раж войдут, забивать насмерть будут – просил же поугагать только девку.

Пока спала Ульянка от настоя сон-травы, наказал Еремей

ведьмочек под утро: вынул глаза им – заставил по полю ходить – потом на место вставил, чтобы знали, кто за них куда смотрит и думает.

Вернулся в избу, достал новый настой, секретный, еще раз протер Улю. От ран оставались царапины. Окончательно и они затянулись, рубцов не осталось.

* * *

Ульянка поступок Еремея оценила: спас он ее, изломали бы ведьмы, не собрали бы косточки ей. Любимый сидел возле нее всю ночь. Утром проснулась целехонькая, ни одного синего пятна на теле, ни царапинки. А в душе – трещина.

– Спасибо тебе, Еремеюшка! Матушка бы испугалась, не в себе она после смерти Маланьи. Хочу я тебя отблагодарить... Видела я давеча Полоза, проследила за ним...

Сверкнули глаза у красавца Еремея: путь Полоза вел к золоту, а желтый металл – к власти. Молодец, Ульянка! Хорошая подруга будет, умная и смелая, верная...

– Покажешь дорогу? – ласково и вкрадчиво прошептал Еремей, проведя внешней стороной ладони по контуру лица девушки. Подивился нежной коже, черным шелковым бровям. Затрепетали ресницы, раскрылись губы... Не удержался парень, поцеловал Ульянку.

Вспыхнула девка, отпрянула, а в животе что-то заколотилось, застонало.

– Прости, Ульяна. Люба ты мне. Найдем лежбище Полоза – сватов пришлю...

Тянуть не стали – пошли. Думал Еремей, что Ульянка замуж торопится, да прогадал: повела она его к Азов-горе, не к Полозу. Плакало все внутри у нее, сердце холодным комочком свернулось, в замочек превратилось, а ключик выбросила, чтобы соблазна не было на попятную пойти.

Пришли к роднику, где в прошлый раз она сидела, Хозяйку ожидаючи. Попили воды ключевой, вкусной, через многие камни пробежавшей, на них всю грязь сбросившей. Была она такой холодной, что зубы заломило, закружилась голова, в глазах потемнело.

Очнулись в пещере. Привыкли к темноте – увидали ящерку с глазками изумрудными. Неподвижно сидела она, наблюдая за молодой парой. А те боялись пошевелиться.

– А где Полоз? – прошептал помертвелыми губами Еремей.

Ящерка спрыгнула за камень, обернулась девой красоты неопикуемой.

У Еремея дух-то и захватило. А в глазах Ульянки слезинки сверкнули, скатились по румяным щекам, камешками хризолита упали.

– Мастер Галузин, признаешь меня? – Малахитница улыбнулась кончиками губ, острым язычком облизнулась.

– Да, Хозяйка! – подобострастно воскликнул Еремей, подавшись к ней.

– Пойдешь ко мне в услужение? Покажу, где Полоз обитает. Золото обретешь. Но Ульянку потеряешь.

* * *

Онемел от такого предложения Галузин, забыл и про ведьм своих, и про Ульянку. Золото давало такую власть, о которой он и мечтать не мог.

Кивнул он и бросился на колени перед Хозяйкой горы, руку ей поцеловал. А та снисходительно погладила его по черным волосам, холодно посмотрела на девку, и было в этом взгляде то ли презрение, то ли превосходство.

Больше Ульянка ничего не помнит. Очнулась возле деревни. У околицы толпились ведьмы, зло крутя черными глазами, – ждали ее.

Было не страшно, вязкое равнодушие охватило девушку. Победно прокукарекал первый петух – ведьмы кинулись врассыпную.

Как мертвая шла к дому Ульянка, запоздало думая: «Кто ж теперь держать ведьм будет? Обхитрила меня Малахитница: увидела красавца, про помощь-то и забыла. Судьба, видно, мне самой с нечистой силой бороться».

* * *

Приближалось 12 августа, День Силы-святителя. Такая возможность напоить ведьм молоком, чтобы они пообмира-

ли! А если уж оцепенеют они, то их уже ничем не пробудить. Но баушка-покойница предупреждала, что умирать они будут страшнее страшного: и земля будет трястись, и звери выть, и вороны со всей округи слетятся, и в избах все перевернется, а некоторые рухнут.

Надо решать: можно ведьм погубить, а можно просто проучить, прижечь пятки соломой, после этого они на молоко глядеть не будут, а уж коров доить им и не захочется...

Долго думала Ульянка, посоветоваться ей не с кем: отец на рудник уехал, будет не скоро, матушка не в счет. Батюшка пугливый больно. С подругами остерегалась откровенничать: вдруг среди них молодые ведьмочки? Решила только поугадать ведьм, потому что на их место другие придут, этих хоть знает уже.

Уложила всех спать Ульянка, разбудила старшего из братьев:

– Иванушка, помощь твоя нужна! Ты большой уже.

Мальчик сверкнул глазами: «Да, я уже взрослый!»

– Ведьм не забоишься? – заговорщически спросила Уля.

– Я? Да ты что? – обиделся Ванечка, пригладил волосенки, чтобы солиднее выглядеть.

– Тогда слушай, что делать нужно, – стала жарко шептать ему о задумке.

Мальчик испуганно округлил глаза и сжал кулачки.

К ночи сели в засаду, поставив в сарай посудины, на парной запах прокрались ведьмы, стали жадно молоко пить.

Ульянка накинула палку с гвоздями на тени ведьм, прижала плотно, а Иван прибил гвоздями. Стали рваться ведьмы, да тени их не пускали. От злости стали они молоко жадно допивать да извиваться, а Ульянка с Иваном им пятки жгут соломенными пучками...

Обессилили ведьмы, взмолились. От молока воротятся. Отпустили их, обороняясь осиновыми кольями...

* * *

С этой ночи перестало у коров молоко пропадать, все вздохнули с облегчением: будут детишки сыты да творог на продажу пойдет, какая-никакая денежка лишняя останется, обувку к зиме купить можно.

Вроде успокоилась Ульянка. Ведьмы досаждают перестали. Получается – не обманула Малахитница, помогла.

Гульнара Василевская.

СИНИЛЬГА – ЦАРЕВНА ЗМЕЙ

Ранним утром Василько Искатель привычной своей тропой поднимался в гору. Солнце красной хлебной краюхой только показалось из-за противоположной горы и начинало окрашивать все вокруг розовым цветом, незримо подбираясь своими лучами до деревеньки, приютившейся у ручья на дне долины.

Бабы уже выгнали со дворов скотину. Пастух собрал коров и вел стадо на пастбище.

Василько вышел на поляну, сняв с плеча мешок с инструментами и многодневным припасом, положил рядом лом и присел на камень. Тишина тоненько разбивалась звоном колокольцев на коровах, которые разбрелись по горе и стали совсем маленькие, как божьи букашки.

Буйные травы на поляне были осыпаны капельками росы, которые вспыхивали под лучами приближающегося к Васильку солнца. И вскоре вся поляна сверкала алмазными блестками, ослепив парня слезами, хлынувшими из глаз то ли от нестерпимого свету, то ли от небесной благодати, затопившей все вокруг.

Сапоги обсохли, и Василько двинулся дальше. За ним неслышно потянулся скрываемый высокой травой зеленый

Змей.

* * *

Шел в дальнюю дорогу Василько за смарагд-камнем¹, который, как поведали старые рудознатцы, встречается в Дальних Горах. Сказывали, что камень тот дивной красоты, густого зеленого цвета, прозрачности ручейной воды и крепости необыкновенной. Василько имел нужное чутье находить самоцветные камни, а потому свободно бродил по горам. Только хитер был барин Алферов – хозяин окрестных рудников. Вроде парень давно уже отпущен на волю, только все равно как привязан к господским приискам. Невеста Василька Талинка, славная и пригожая, все еще была в крепостных. Василько мечтал найти самоцвет и добиться для нее вольной. А еще желал он прославиться так, чтобы имя его знали на всем Урале.

Как ни уговаривала Талинка Василька остаться и поменьку собрать денег на документ свободный для нее, молодца гнала в неизведанную глухомань жажда отыскать заветный камень.

Дорога к Дальним Горам была опасна. Сказывали бабы, ходившие по грибы-ягоды, охотники за зверем лесным, за-

¹ Смарагд – старинное название темно-зеленой разновидности минерала берилла, травянисто-зеленый берилл называется изумрудом.

биравшиеся в самые дальние урманы², что встречали Змея. Будто страшен он, пламенем пышет-опалает, и кто встретит его близко – живым не уйти. Будто видели его издалека и сразу бежать от этого места.

* * *

Светлый напрогляд березняк сменился вековыми елями со смыкавшимися макушками, закрывающими небосвод так, что лес стал сумрачным. Василько пробирался через поваленные лишайные стволы. Даже вороны молчали. Наконец появился просвет среди деревьев, запахло свежим духом. Вскоре Василько, оставив не один клоч своей рубахи и штанов, вышел из урмана к реке. Вода кипела, аж пар стоял. Скользкие глыбы торчали из воды, но опасней были потаенные, они только барашками замечались, что над ними курчавились. Не перейти реку!

Василько прошел по берегу, стал переходить по поваленной ели. Да только бревном Змей обернулся. Как дошел Василько до середины реки, так прогнулся Змей да и ушел из-под молодцовых ног. Понесла парня вода, закружила. И погиб бы он, если б не вспомнил в самую отчаянную минуту о Талинке своей. Тут на подмогу черемуховый куст вынырнул за поворотом. Ухватился за него Василько и вытянул се-

² Урман – слово тюркского происхождения, обозначает глухомань, дикое и необитаемое место.

бя на берег. Поблагодарил он Боженьку за помощь, что спасся и инструмент свой не растерял, так и висел у него перевязанный в мешке за плечами. Только хлеб весь размок да пропал.

Обсохнув, Василько стал взбираться в гору, перебрался через хребет и попал в долину меж двух Каменных Поясов. Идет парень вдоль них, то тут, то там камушки отколупывает молотком своим – занорыши³ ищет. В пустоте их и растут самоцветы дивные. А то нападет на цельную жилу. Только все подворачивается огненно-красный вареник, кремневый дикарь да разноцветно-полосатый ногат, а то сверкнет слюдяным блеском златоискр⁴. А заветного смарагда все нет.

Задул северный ветер, пригнал снежную бурю. Вмиг заволокло солнце, небо легло молодцу на плечи, а сугробы намоло уже по самые колени. Василько упрямо шел вперед против ветра, да уже по пояс снегу. Приткнулся парень к выемке в камнях, чтобы укрыться от непогоды, да стал подмерзать и засыпать. Сквозь сон его тяжелый, вязкий видит он змейку зеленую, как нефрит-камень, с золотой короной да черными капельками-глазами. Змейка крутится вокруг него и снег утаптывает, уползает и снова возвращается, вроде зовет его за собой.

³ Занорыши – старинное название полости, пустоты, в которой из растворов растут кристаллы.

⁴ Старинные названия минералов: вареник – аметист с красноватым оттенком, кремневый дикарь – горный хрусталь, ногат – оникс, златоискр – авантюрин.

Поднялся через силу Василько да двинулся за змейкой в белой мгле. Чуть отстанет он, змейка сразу к нему и опять тянет с собой. Так и прополз Василько за ней, пока ветер не стих и солнце снова не закрасовалось на фирузовом⁵ небосводе. Змейка юркнула между камнями и куда-то пропала.

Снег растаял и побежал ручьями. Василько напился воды, поел крошек, что нашел в мешке, остальное птичкам вытряхнул. Видит, ежевика висит на кустах. Целую горсть набрал и – в рот, дальше пошел. Впереди горы сгрудились, человеку только боком и можно пройти. Молодец наш неробкий, шагнул в теснину, да тут обрушился впереди и сзади камнепад. Оказался он в каменном мешке – не шевельнуть ни руками, ни ногами. Ночь подкралась. Думы горькие пошли, что не слушал свою Талинку, славу пошел искать, вместо того чтобы довольствоваться малым – жить душа в душу с ненаглядной, скопить денег да и выкупить ей грамоту вольную. Приползла змейка, покрутилась вокруг него и опять исчезла.

Засвистели мощные крылья, чье-то тулово закрыло звездное небо, жар пошел от дыхания, так что опалило парню волосы и брови. Опустился, ровно плетеная веревка, хвост прямо в руки ему. И диковинно говорит чудище, не по-христиански, но только понимает его Василько: «Держись крепче за хвост, да смотри, не выпускай».

⁵ Фирузовый от фируза – бирюза, слова персидского происхождения.

Молодец ухватился за хвост, покрытый острой чешуей. Разом чудище взмыло в небо. Смотрит Василько, что несет его крылатый Змей. Внизу остались маленькие деревья да горы, наверху – звезды блещут и месяц переливается. Красота дивная! Видно сверху, как Каменные Пояса тянутся с юга на север, меж ними долина с серебристой рекой. Сколько летели, да и этой небесной дороге пришел конец. Приземлился Змей посреди гор. Василько то ли сознания лишился, то ли уснул. Только просыпается он уже в великой пещере – потолка не видно. Кругом небывалой глубины зеленое мерцание. Отовсюду растут, словно гроздья цветов, кристаллы самоцвета такой чистоты, что Василько видит себя как в зеркале и руку свою, если заведет ее за камень. Кристаллы большие, с рост человеческий, и маленькие, кучные, разные. Тихо. Ходил молодец как в райском саду, любовался и понял, что это и есть смарагд заветный. А еще думу думал, что такую красоту нельзя людям открывать, потому как все сломают, и не останется этого дивного зеленого света.

Тут Василько услышал и увидел, что отовсюду с легким шуршанием стали вползать в пещеру зеленые змеи с черными бусинами-глазами. Молодец услышал свое имя откуда-то сверху. На высоте огромный Змей покачивал головой с золотой короной, тот, что вытащил его из каменного колодца.

– Ты храбрый молодец, не испугался преград и нашел драгоценный камень. Я спас тебя, дочка моя младшенькая за тебя очень просила, приглянулся ты видно ей. Только к людям

я тебя отпущу, если женишься на моей Синильге, – Змей качнулся в сторону своих дочерей-змеек.

Одна из них быстро глянула на парня, и Василько узнал ту самую змейку, что вывела его в снежную бурю, а потом в каменном завале навестила.

– Хороши твои дочери, только обвенчан я, – отвечает Змею.

– Если уйдешь своевольно, все забудешь – и невесту свою земную, и умение свое.

* * *

Потянулись для Василька дни – потерял им счет. Живет в Змеевых чертогах, камни изучает. Многие нашел, что рядышком, семейно сидят. Получается, что так вместе и родились в недрах земных из горячего минерального пара. Тут были и хрустали белые, фатисы вишневые и тунпасы желтые⁶. И все сверкает и переливается, глаз и сердце радуется. Но краше всего смарагд. Василько запоминает, на слюдяных листочках пометки делает.

Невеста новая его, отцом Змеем назначенная, крутится рядом, то отведет его в новый закуток пещеры, что Василько безмолвен становится от красоты подземной, то приляжет у его ног, а головку положит к нему на колени, пока он ра-

⁶ Фатисы вишневые и тунпасы желтые – старинные названия минералов амethysta и топаза.

боту делает.

Василько привык к ее ласке, не хочет обидеть, да не может про Талинку свою ежечасно не думать. «Не могу я жениться на тебе, Синильгушка», – говорит, а сам вздыхает, березки, деревеньку свою вспоминает.

Однажды Василько гулял один по извилистым ходам пещерным да и заблудился. Не слышно змеиноного шелеста. Куда идти? И метки по стенкам ставить забыл. Вдруг слышит, вроде поет кто-то. Девичий нежный голосок. Не Талинки его... Не словами звучит, а мелодией, хрустальной и печальной.

Пошел на голос, завернул направо и видит, как сидит перед прозрачным смарагд-камнем, смотрится в него, как в зеркало, девица-красавица. Одета в одежды, украшенные сверкающими камнями, на голове корона золотая. Поет, ко-су плетет. Рядом зеленая лента лежит на земле. Увидела в отражении Василька, вскочила и подбежала к нему, взяла за руку, подвела к своему зеркалу, усадила. Видит парень, что не лента зеленая на земле лежит, а кожа змеиная чешуйчатая.

– Ты ли это, Синильга?

– Признал, – улыбается и гладит его по лицу и волосам. – Не удивляйся, Василько. Малым дитем осталась я сиротой. Родителя моего в руднике завалило, а матушка со мной пошла к родне своей, да в дороге с горя умерла. И быть мне съеденной волками, если бы Змей, названный батюшка мой, не пролетал в тот час над нами. Он забрал меня и вырастил

со всей лаской, обучил колдовству.

– Скучаешь ли ты по людям? – молвил Василько.

– Я не скучаю, потому что не знаю жизни людской. Не скучала прежде. . . – помолчала. – Знаю, что ты тоскуешь по своей невесте и воле вольной. Помогу я тебе выбраться из чертогов батюшки моего названного. Вот тебе посох. Не смотри, что простой, он заговоренный. И дорогу покажет, и в бою честном будет тебе что меч. Только уговор – батюшку моего не убивай.

Прежде чем отпустить Василька, Синильга залатала все прорехи его рубахи, уложила ягод и рыбы вяленой в его мешок. Дождалась, когда Змей полетел свои владения осматривать, повела своего друга по подземным коридорам. Вышли они на божий свет далеко от покоев Змея. Хоть и светло было в пещерах от сияния самоцветного, а солнечный день оказался ярче. Зажмурился Василько, вдохнул полной грудью воздух вольный, заулыбался.

Синильга обняла на прощание Василько: «Помни про мой наказ, батюшку моего не трогай, а про меня не забывай».

Понесся Василько по долине к родной своей деревеньке, в руках посох заговоренный, за спиной мешок с инструментом и припасами от Синильги, на груди в кисете, ею вышитом, камушки самоцветные смарагда лежат.

Бежит как летит, ноги почти земли не касаются. Посох твердо правит его дорогой. Уже всю долину проскочил, добрался до перевала, что Каменные Пояса отделяет от быст-

рой реки. Перебрался через бурные водовороты в реке да скользкие глыбы, опираясь на посох свой крепкий. Вот уже и деревня его видна с высоты, и дом свой он различает.

Раздался высоко в небе свист. Видит Василько, как с неба спускается Змей. Снял свой мешок, оправил рубаху за пояс, посох приготовил. Ждет.

«Не послушался ты меня, Василько, теперь не ропщи!» – протрубил Змей и полетел низко прямо на молодца.

Едва успел пригнуться Василько, срезало бы чудище его головушку своими жестяными крыльями. Пока Змей разворачивался, парень успел посох перехватить и крепко на ноги свои опереться.

Снова полетел Змей низко да мощно, аж с деревьев листва облетела, а травы пригнулись. Тут уж Василько не растерялся, ударил посохом по брюху Змееву, да так, что крякнул он и долго разворачивался, рыком изрыгался. Из тулова Змеиною кровь капает. Капельки те змейками оборачиваются и врассыпную расползаются.

Василько видит, что посох и взаправду заговоренный, от удара его сила утраивается.

И в третий раз полетел Змей на парня. Василько вывернулся и уже сзади ударил по крылу жестяному да так сильно, что проткнул его насквозь. Змей завалился набок, молчит, крылом дергает, взлететь не может. Подошел Василько близко, Змей беззащитный и поверженный молчит.

«Нельзя мне тебя трогать, слово я дал Синильге, млад-

шенькой твоей. Возвращайся в чертоги свои да сельчан моих не обижай», – опустил свой посох Василько, повернулся и стал спускаться в село.

Только Змей из последних сил своих прыгнул отчаянно и ударил лапой своей когтистой по голове Василько. Парень и упал ни жив ни мертв.

* * *

Талинка, пока ждала Василька своего, нашла приданого, осветлила избу, побелила печь, икону в углу почистила маслом, отскребла ножом полы да стол, самовар надраила – блестит, все в нем отражается. Набрала цветов полевых, насушила, развесила по углам, как обереги от дурного глаза. Дух стоит свежий напитанных солнцем трав! А еще и работу работала. Да и от парней надо было отбиваться, что стали на нее заглядываться, как Василько ушел за смарагд-камнем.

В то утро, что бился Василько со Змеем, встала рано, все в окно смотрела, ждала чего-то. Тут уже и на прииск пора. Еду готовила она для рудокопов, убирала потом. С работы пришла и опять в окно смотрит. Томится сердце, сжалось. Не выдержала, взяла корзинку и пошла – уже темнеть стало – на гору. Сама не знала почему. В такую темень уже ни грибов, ни ягод не набрать.

Тут и нашла Талинка своего Василька в беспмятстве. Сбегала за мужичками, те перенесли жениха ее в дом, уло-

жили.

* * *

Уже и осень облетела вся листьями, и зима скрипит морозными шагами под валенками, а Василько все в себя не придет – потерял память и умение свое. Сидит безучастный, даже в окно не смотрит. Поставит Талинка перед ним тарелку с кашей, скажет есть, парень и поест. А все равно что не ел. Иссох. Взор у него стал глубокий, только не вовне, а в себя.

Сколько ночей не спала Талинка – наутро развешивала мокрую от бессловесных глухих рыданий подушку, сколько не говорила с женихом... Василько все молчит.

* * *

Снова весна пришла. Талинка усадила с утра Василька перед избой на солнышко и побежала на прииск. Тут змейка подползла к Васильку, забралась к нему на колени, а потом и по груди его, обвила голову парня, как венком, посидела так и уползла.

Приходит Талинка домой, а у Василька ясный взгляд, прежний! И уже взялся чинить покосившуюся дверь. Говорит, говорит и смеется! Спросил про кисет. Талинка, как нашла беспмятного Василька, не глядя сунула кисет его в сундук. Тут достала и отдала жениху своему.

Василько высыпал на ладонь камушки смарагда, вся изба осветилась зеленым мерцанием.

– Боюсь людям показать, – говорит он Талинке. – Уйдет под ломом и киркой вся эта красота. Сами будем любоваться-радоваться.

Вскоре сыграли свадьбу Талинки и Василька. Гуляли всей деревней целый день. Накрыли столы под ясным небом, гусей нажарили, пирогов напекли, квасу, меду нанесли. Мужики да бабы, ребятишки – все радовались за молодых.

Посреди свадьбы приползла незаметно змейка, забралась на березу над столом и оттуда смотрела на жениха.

Поднял Василько голову и встретился со змейкой глазами, опустил, запечалился. И уже больше не смеялся и не пел. А на громкое «горько» лишь коснулся губами невесты своей.

Наутро, когда все разошлись по домам, а Василько вышел за околицу, подползла к нему змейка: «Будь счастливым и удачливым, любимый мой, а про меня забудь. Теперь я никогда не смогу девичий облик принять. Такую цену заплатила я батюшке, чтобы память тебе вернуть».

Свернулась в последний раз у него на ладони клубочком, а потом сползла и исчезла в траве.

* * *

Миновало уж лет десять с той поры. Василько в гору пошел, все самоцветные жилы новые находил. Давно купил он

жене своей вольную. Детей народила Талинка, расцвела, живет за Васильком – поет.

Только когда жена засыпает, Василько выходит на крыльцо и смотрит на Дальние Горы, Синильгу свою ждет.

Вера Наумова.

ПОСЛЕДНЯЯ В РОДУ

Марьюшка Сизова стояла на берегу реки Поленовки. Солнце почти скрылось за вершинами деревьев, а луна еще не взошла. Уходить не хотелось. Век стояла бы, речку слушала. Скорее девице не хотелось домой. Батюшка еще не вернулся из поездки на дальний прииск, а дома Марьюшку ждала только мачеха Авдотья Федоровна да Аглая, злокозненная сводная сестра. Марьюшка вздохнула, взяла корзину с постиранным в реке бельем и направилась к дому. По пути Даниловну, слывшую в поселке ведуньей, успела навестить: не надо ли чего одинокой старухе?

– Что ж ты затемно? – накинулась на нее мачеха.

– Да что мне сделается, маменька? – попыталась возразить Марьюшка.

– Лихие люди по лесам шастают, старателей обирают. Аль не слыхала? Да брось белье, к ужину поспеть надоть.

Марьюшка накинула передник и стала накрывать на стол. Аглая, сидя в углу с куделей, следила за ней взглядом из-под белесоватых, но длинных ресниц. Всем взяла Марьюшка: телом ладная, глаза синие, как дальнее озеро, голос звонкий, словно ручей весенний.

– Отец вернулся? – спросила Марьюшка.

– Задерживается, – ответила Аглая и отвернулась к окну.

* * *

В горнице пахло свежесваренным чаем и овчиной, деревом и дымом от трубки, которую недавно курил урядник Иннокентий Васильев.

– Поселок у нас маленький, все друг друга знают, – произнес Васильев, наливая чай приехавшему из Екатеринбурга исправнику Андрею Марфину.

– Так неужто никто ничего не видел? – исправник взял кружку и обернулся к хозяину прииска Михайле Барышеву. – Кто знал, что Сизов на прииск с деньгами поедет?

– Только я, – кивнул Барышев.

– Он часто ездил с такими суммами? – спросил исправник.

– Первый раз, – ответил Барышев. – Обычно я возил деньги рабочим. А тут...

– Мог сбежать с вашими деньгами? – вмешался в разговор Васильев.

– У него семья в Поленовске. Жена и две дочери.

– Уверены в его честности? – не унимался урядник.

– Как в себе. Более пятнадцати лет безупречной службы.

– Может, медведь сожрал? Шатун, – задумчиво произнес исправник.

– Сразу видно, что вы городской человек, – ухмыльнулся

в бороду Васильев. – С коляской и кобылой? Хорош медведь. Да и для медведей не бескормица нынче. Не весна, чай...

Исправник размешал сахар и поглядел в окно. Было видно, что разговор утомил его. Следствие по исчезновению управляющего владельца прииска за эти дни не продвинулось ни на шаг. Впрочем, владелец прииска вызывал у исправника странное чувство. Вроде человек перед ним приличный, а что-то не договаривает.

– Оружие было при нем? – спросил Васильев.

– Конечно, – произнес Барышев. – Тут лихих людей полно.

Когда дверь за Барышевым закрылась, исправник вопросительно поглядел на Васильева. Тот не заставил себя долго ждать:

– Из простых лабазников – да в тузы! Везучий черт. А может, душу дьяволу продал. Чует, где золотишко водится. Другие вон годами породу моют – и ничего.

Исправник понял, что Барышева в поселке недолюбливают. Вот и урядник туда же.

– Дочь его нам поможет! – вдруг сменил тему Васильев. – Толковая девка. И окрестности знает.

* * *

Незнакомец вырос словно из-под земли прямо на дороге. Кобыла, на которой ехала Марьюшка, чуть не сбила его с ног.

– А ты красавица, – произнес он и двинулся к Марьюшке. В руке мужчины блеснул нож.

– Ну-ка прочь от нее, – из-за ближайшего дерева на поляну выскочил Егорий Меркулов.

Незнакомец резко обернулся и набросился на Егория, тот еле успел уклониться от сверкнувшего лезвия. Но он был выше и сильнее нападавшего, поэтому через пару минут злодей лежал бездыханный в траве.

– Не жилец, – сказал Егорий, наклонившись над телом.

– Что ж теперь будет? – всплеснула руками Марьюшка.

– Что-что... Он напал – я защищался.

Марьюшка от неожиданности потеряла дар речи.

– Ты нож его видела?

Егорий вытер окровавленное лезвие пучком травы и обшарил карманы убитого. Карманы были пусты, но к поясу был привязан кожаный мешочек, в котором что-то позвякивало.

– Судя по одежде, не из наших. Из лихих людей. Искать никто не будет, – уверенно произнес он.

– Зачем ты шел за мной? – спросила девушка.

– Боялся за тебя, – ответил парень. – Мало ли. Ну-ка, помоги мне. Надо похоронить, хоть и душегуб был. До прииска нынче – вместе.

* * *

Егорий и Марьюшка добрались до прииска, когда почти стемнело. Их встретил Матвей, давний приятель Сизова, слывший опытным рудознатцем. Он рассказал, что ждали в назначенный день Барышева, но так и не дождались. Решили, что приедет позже. В отличие от Барышева, к Сизову трудяги относились хорошо.

– За что не любят Барышева? – спросила Марьюшка.

– За жадность. Он не был таким, когда затевал здесь добычу, – ответил Матвей. – И везло ему в начале. Говорят, с Каменной Девкой у него уговор был. Не знаю, так ли это. Только недра стали быстро истощаться. Год за годом золота меньше. Рабочие ропщут. Кое-кто увольняется.

– А что, с Каменной Девкой можно договориться? – спросила Марьюшка.

– Старики сказывают, можно. Дак Барышев не из тех, кто обещания выполняет.

– Может, отец мешал ему?

– Бобер хитер. Но убивать управляющего... Глупость, – Матвей закурил трубку.

Они сидели на крыльце хибарки. Ветер играл листьями деревьев, с неба глянули первые звезды.

– А Каменная Девка... как ее найти? – поинтересовалась девушка.

– Искать ее не надо. Нужно пойти на гору, что выше других, там пещера есть, в коей подземная река протекает. Посмотреть на воду и позвать: Хозяйка Медной горы, дело есть

к тебе.

– Сам-то пытался? – спросила Марьюшка.

– Что ж я, совсем из ума выжил? – спохватился Матвей. –

Она ж, ведьма, плату потребует.

– И высока плата?

Матвей кивнул.

* * *

На обратном пути молодым людям пришлось заночевать в горах. В прежнее время – до нападения – Марьюшке это бы и в голову не пришло. Но сейчас с ней был Егорий, с ним не было страшно. Раз уж защитил ее от разбойника (она так и не поняла, что тому надо было, сережки в ушах – дешевые, сама бы отдала!), то и в горах не бросит. В пещере было холодно. К полуночи развели костер, собранные сухие поленья весело потрескивали, напоминая о тех временах, когда все было хорошо. Марьюшка сидела рядом, склонив голову на его плечо.

– Ласточка моя, – произнес Егорий с нежностью. Завиток русых волос девушки щекотал его щеку.

– Откуда он у тебя? – вдруг спросила она и побледнела.

– Перстень-то? С напавшего на тебя разбойника снял, – ответил Егорий. – К поясу его кожаная сумка привешена была. Там лежало несколько монет и это кольцо. Не закапывать же...

– Поздно уже, спать пора, – Марьюшка отодвинулась от Егория, завернулась в епанчу и устроилась на охапке сухих веток.

– Спи, – прошептал парень. – Я рядом. Я всегда буду рядом.

Когда Егорий открыл глаза, Марьюшки не было. Егорий встал, огляделся, потянулся, поворошил палкой угли, чтобы они быстрее покрылись золой. Где искать теперь Марьюшку? Почему она сбежала? Он не мог ответить на эти вопросы. Ничего лучше не придумал, как утром вернуться в поселок, пойти к местному ювелиру и показать ему злополучный перстень, найденный у напавшего на Марьюшку в лесу человека. Может, опознает работу.

Ювелирным делом Макар Степанов занимался лет тридцать, а то и сорок. Слава о нем дошла до Екатеринбурга, но он предпочитал жить подальше от города и поближе к месту добычи золота. Кому нужен его труд – сам приедет к мастеру.

– Я его для Сизова делал, когда он женился, – сказал Степанов, разглядывая перстень. – Откуда он у тебя?

– В лесу нашел, – соврал Егорий. – Нешто семье его вернуть надоть?

– Так дом их у околицы, – сказал Степанов. – Вдова его дома должна быть. Как выйдешь – налево по поселку до лабаза старого.

После того, как дверь за Егорием закрылась, Степанов

кликнул помощника Васятку и отправил к уряднику с посланием.

* * *

Марьюшка сразу поняла, что дома ее ждали, но бросаться ей навстречу с распростертыми объятиями никто не собирается.

– Тебя уж с собаками ищут, – съязвила Аглая.

– Кто?

– Все шляешься. Голова твоя глупая. С душегубом связалась.

– Ты что несешь? – спросила Марьюшка.

В разговор вмешалась мачеха:

– Егория твоего судить будут. И как только посмел явиться сюда?

– Не зря он папеньке не нравился! – добавила Аглая.

Марьюшка остолбенела. К такому повороту она не была готова.

– Не убивал он!

– Вон из дома! – закричала мачеха. – Моего дома. Чтоб ноги твоей...

Марьюшка метнулась к двери с намерением все рассказать Васильеву. Он должен во всем разобраться! Но Васильев уехал в Екатеринбург с исправником и возвратиться мог не раньше вечера следующего дня. Что ж делать-то теперь?

Родных здесь у Егория не было – из пришлых он. Чужой. Она теперь тоже всем чужая. Да и дома у нее нет.

Марьюшка пошла на берег реки Поленовки. Села у воды, пригорюнилась. Слезы текли по ее щекам. Она не помнила, сколько просидела так, уж темнеть стало.

– Вот бы Каменную Девку на помощь позвать, да как? – произнесла она.

Шорох привлек ее внимание: на камне рядом с водой сидела ящерица и смотрела на Марьюшку.

– Идем, – как будто чей-то голос зазвенел у девушки в голове.

Идти пришлось долго. Марьюшка устала. Почти стемнело, но глаза привыкли к темноте. Без труда девушка различала тропинку, выющую по склону горы, и ящерку, которая словно светилась. Взошла луна и залила окрестности мертвенно-белым светом.

Марьюшке стало страшно. Вспомнила слова обережные, которым научила ее Даниловна. Зашептала горячо: «Еду я во чистом поле, а во чистом поле растет одолень-трава. Одолень-трава! Не я тебя поливала, не я тебя породила; породила тебя мать сыра земля, поливали тебя девки простоволосые, бабы-самокрутки. Одолень-трава! Одолей ты злых людей: лихо бы на нас не думали, скверного не мыслили; отгони ты чародея, ябедника. Одолень-трава! Одолей мне горы высокие, озера синие, берега крутые, леса темные, пеньки да колоды... Спрячу я тебя, одолень-трава, у ретивого сердца

во всем пути и во всей дороженьке...»

Надо было порасспрашивать Даниловну о том, как вести себя с Каменной Девкой. Да что уж теперь об этом сожалеть?

Вот и пещера. Вслед за ящерицей вошла девушка. Внутри – светло как днем. Тихо, только подземная река, журча, несет свои воды куда-то. Сколько придется ждать, девушка не знала.

Марьюшка подняла взгляд и обмерла: перед ней стояла сама Каменная Девка. Огненная коса – до пола, взглядом молнии мечет, а платье всеми цветами радуги переливается. Марьюшка распростерлась перед волшебницей.

– Пошто явилась сюда? – спросила Хозяйка Медной горы.

– Помощи твоей ищу. Не дай пропасть хорошему человеку. Ни за что может пострадать.

– Разве злата не хочешь попросить? – усмехнулась Хозяйка. – Все вы, люди, его любите.

– Не нужно мне злато! – сказала Марьюшка. – Спасти невинного от смерти хочу.

– Иди за мной.

Они двинулись вглубь пещеры и вскоре оказались в огромном зале, по которому протекала подземная река. Хозяйка сделала рукой движение – и на том берегу реки появилась тень. Марьюшка узнала в ней отца. Она замерла от ужаса. Тень была полупрозрачной и словно плыла к ней, но остановилась у самой воды.

– Что ты хочешь узнать? – спросила Хозяйка. – Искать его

не стоит. В мире мертвых он.

Призрак указал на воду. На ее поверхности Марьюшка увидела отца в тот, последний день. И человека, который выстрелил ему в спину, а после – спрятал тело под засохшим дубом. Человек ей был незнаком.

– Где? – спросила Марьюшка.

– Ты знаешь поворот на Каменную долину? – прошелестел призрак. – А кольцо убийца снял. Ответ под землей найдешь. Коляску злодей в Поленовке утопил. Лошадей увел и продал.

– Чем ты мешал ему? – не выдержала Марьюшка.

– Не я. Долг.

Напрасно Марьюшка до боли в глазах всматривалась в воду: злодея она не узнала. Одет был богато, явно не из простых. Молодой. Городской, если судить по одежде. Не крестьянин, не старатель. Когда подняла взгляд от воды, призрак уже не было. Ящерка сидела на камне неподалеку и смотрела на нее, словно ждала чего-то.

– Ну? – произнесла Каменная Девка. – Сможешь найти убийца? Разгадка в могиле лежит.

– Что должна за помощь?

– То, чего еще нет, но будет. Сын твой мне нужен. В ученики. Родится – Данилой назови. У любящих талантливые дети рождаются.

– На кой?

– Великим мастером его сделаю, – произнесла Хозяйка. – Да не вздумай обмануть.

– Слово даю.

– Барышев тоже давал. Да не сдержал.

– Я знала, на что шла, – тихо ответила Марьюшка.

– Иди. Ящерка тебе покажет место. В карман сарафана ее посади.

Выходя из пещеры, Марьюшка уже знала, что, как только доберется до поселка, пойдет к уряднику и постарается убедить его отправиться на прииск другой дорогой. Она не самая короткая, да и мало кто ее знал из чужаков. Дождя не было эти дни – может, следы крови остались на земле, на камнях? Марьюшка была уверена, что отец поехал бы не самой короткой, но самой безопасной дорогой. Думал, что безопасной. А вот поди ж ты...

Окно в избе урядника ярко светило. Марьюшка, ежась от ночного холода, завернувшись в потертую епанчу, постучала в дверь. Увидев девушку, Васильев не удивился.

– Входи, Марья, – погладил окладистую бороду. – Есть вопросы к тебе. Поможешь?

– Я по тому же делу, – сказала она. – У поворота на Каменную долину видела кровь на камнях. Тащить оттуда тело до реки далеко. Скорее всего, злодей тело спрятал неподалеку.

– Даже если Егорушку своего выгородить хочешь... – заметил Васильев. – Возьмем завтра мужиков с лопатами и пищем, – пообещал Васильев.

Что мачеха ее из дома выгнала, Марьюшка тоже расска-

зала. Урядник позвал работницу Дарью и велел устроить гостью на ночлег.

На следующее утро урядник со стражниками и парой мужиков, вооруженных лопатами, направились к повороту на Каменную долину, взяв с собой Марьюшку. Там у тропинки стоял огромный валун. На поверхности валуна были видны бурые пятна, похожие на кровь. Под засохшим дубом неподалеку земля выглядела заметно перекопанной.

– Тут копайте, – сказал Васильев мужикам.

Они принялись за лопаты. Когда из-под земли показалась рука, Марьюшка зажмурилась от ужаса. Убийца, вероятно, торопился и рыть глубокую могилу не стал.

Левая рука трупа была крепко сжата, как будто держала в окоченевших пальцах какой-то мелкий предмет. Одному из мужиков пришлось приложить немало усилий, чтобы вытащить находку. Ею оказалась пуговица. Урядник поднес ее к глазам.

– Пуговица? – переспросила Марьюшка. – Обычная пуговица?

– Не совсем, – заметил урядник. – С мундира убийцы. Или одного из убийц.

– И что в ней странного?

– Такие носят курсанты и выпускники Межевого корпуса. А много их у нас? То-то же. Молодец, девка! Глазастая. Лишь бы задачка сошлась с ответом.

– Похоже -таки застрелили его, – произнес один из страж-

ников, наклонившись над трупом. – А пуля-то, смотрите, внутри.

– Чего мешкаете? – прикрикнул урядник на мужиков. – Грузите! Похороним опосля по обычаю христианскому.

Труп после осмотра могилы положили на телегу, прикрыв мешковиной. Затем процессия двинулась к поселку.

* * *

Хозяин прииска Михайло Барышев, сидя на лавке в полицейской избе, горестно обхватил голову руками.

– Савелий? Поверить не могу!

Урядник положил на стол пуговицу с символикой Межевого корпуса.

– В пистолете вашем явно не хватает пуль, Михайло Ильич, – заметил урядник. – Если только пистолет не закопали и не утопили.

Барышев вздохнул:

– Одного понять не могу. Зачем убивать-то?

– А задолжал ваш Савелий в Екатеринбурге одному крупному кредитору, так? Прокофьеву, – вмешался в разговор исправник, доселе сохранявший удивительное спокойствие. – Кабы не пуговица эта, простой парень Егорий Меркулов отправился бы на каторгу. Без вины. А ваш Савелий – снова играть в карты и делать новые долги. Мог ведь пользу Отечеству принести после учебы в Межевом корпусе. Вме-

сто этого с наемным душегубом на пару вашего управляющего прикончили. Однако в спешке пуговицу, сорванную с мундира в схватке, не заметили. Иннокентий Палыч, распорядитесь освободить Егория Меркулова и задержать Савелия Барышева.

Марьюшка стояла у ограды, провожая взглядом стражников, которые вместе с Барышевым последовали к его особняку. До ее ушей донеслось:

– Эх, отомстила мне Каменная Девка!

Марьюшке стало жалко Барышева. Еще бы: Савелий – его единственный наследник. Себя ей тоже хотелось пожалеть: ни отца, ни матери, ни дома. Сама она – последняя в роду Сизовых. Зато у нее теперь есть Егорушка! И он свободен. Вот только где они будут жить? Сироты оба. Что ж, на время приютить их обещала старая Даниловна. А там... они, конечно, поженятся. Все у них еще будет. И станут они жить долго и счастливо, как и положено любящим.

Андрей Епифанцев. РУДОЗНАТЕЦ

Мягко урчали старенькие толкатели, поднимая буруны за кормой. Калданка ходко шла вверх по реке. Мимо тянулся глинистый берег и облезлая, весенняя тайга. Скука.

Вся моя забота – сидеть на упруге да пополнять заряд тех самых толкателей. Обидное занятие для одаренного, даже для такого невеликого рангом, как я.

Я посмотрел на своего единственного спутника, крепкого бородатого деда в барских одежках и простом картузе. Тот курил трубку и сурово смотрел вдаль, не обращая на меня внимания. Ничего не менялось с самого утра.

К этому молчаливому деду меня определили то ли слугой, то ли еще каким помощником. Зовут его Иван Дмитриевич, и он настоящий граф, но просит называть себя без титулов – наставником, хотя ничему и не учит. Впрочем, не бьет, и ладно. Вот разбогатею, выкуплю себя и сестренку, и не будет надо мной начальника, а пока можно и потерпеть.

Прикрыв веки, я обратился к дару, и улыбка тронула губы. Внизу под денницей то и дело мелькали огненные искорки. В реке есть золото! И я найду, откуда оно там появилось. Хорошо быть рудознатцем.

Калданка дернулась. Толкатели закашляли, засбоили.

Не любят они внешней силы. Пришлось погасить дар и открыть глаза. Ход выровнялся, аппараты снова заурчали ровно.

Взглянул на наставника, все спокойно, он и усом не повел, но надо быть осторожнее. Незаметно достал из кошелька деревянную фигурку и принялся править ей лицо.

Не успел я сосредоточиться, как вздрогнул от неожиданности. По округе разнесся потусторонний, пронзительный смех. Рука соскочила, резец полоснул по пальцу, и окропленная кровью фигурка улетела в реку. Прямо в сине-зеленую морду чудища.

– Благодарствую, – пробулькало чудище и исчезло под водой, взмахнув напоследок спутанной гривой водорослей.

– Мор тебя побери, что это? – закричал я.

– Это, Степан, Йинк-Вэрт Эви – дух воды. И вы только что принесли ей жертву, – пояснил наставник.

Кажется, это первый раз, когда я от него услышал что-то кроме команд.

Блестящее тело мелькнуло в воздухе, и в мое лицо ударилась рыба, холодная и мокрая.

– А вот и ответный дар, – хрипло засмеялся Иван Дмитриевич. – Понравилось ей ваше подношение.

Вслед за первой рыбиной в меня прилетела вторая и третья, и вскоре под моими ногами шевелилась серебристая горка, а я отплевывался от тины и слизи.

– Это что же за язычество-то тут у вас такое? – возмутил-

ся я.

Смех наставника перешел в каркающий хохот.

Противный старикан. Нет бы помочь, а он издевается. Порезанный палец болел. Лицо стыло от воды, запах рыбы все никак не уходил.

– Такое же язычество, как и вы, одаренные, – отсмеявшись, сказал наставник. – Дух – это магическое явление с зачатками разума. У вогулов нет одаренных, зато остались души.

Иван Дмитриевич пыхнул своей трубкой. Ветер бросил клуб дыма мне в лицо.

– Как это нет одаренных? – удивился я, морщась от смеси табака и рыбы.

– А вот так. Ни одного случая за сто лет. Не болеют они мором и не становятся одаренными. Потому мы с вами и здесь. Чтобы понять почему.

Я посмотрел на Ивана Дмитриевича с уважением. Вот оно значит как. Победить мор хочет. А я уж было подумал, что вздорный барин из ума выжил, с язычниками спутался.

– И вот что, юноша. Не вздумайте больше кровь свою жертвовать. Кровь одаренных – большое искушение для духов. Можно и чудовище породить.

– Так это из-за капельки крови все? – кивнул я на рыбу.

– Не только. Чем сложнее с чем-то расстаться, тем ценнее жертва. А фигурки вам дороги, – утвердительно сказал наставник и замолчал. – Кстати, зачем вы все время вырезаете

одно и то же? Невесту в городе оставили?

– Нет, – зло буркнул я, чувствуя, как краска заливает щеки. – Это сестра. Она в приюте.

Наставник посмотрел на меня исподлобья, покачал головой и сказал:

– Натуральный волчонок.

Он снова уставился вдаль, как будто ничего и не было. Странно, но мне стало жаль прерванной беседы. Я вздохнул, покопался в кошеле и достал свежую заготовку.

* * *

В стойбище мы прибыли под вечер. Пока наставник медленно правил вдоль берега, я рассматривал вогулов. Бедно тут, конечно. Домишки маленькие с земляными крышами, местами даже просто землянки или шатры из шкур. Но народ ничего так, все в обуви да в одежде добротной, кожаной. Детишек много бегают. Вздыхаю завидуя. Хорошо им при живых мамках-то.

– Опять живи хорошо, Иван Дмитриевич, – поприветствовал нас встречающий вогул, едва мы пристали к мосткам.

– Пайся, рума Елгоза, – степенно ответил наставник. – Заехал вот к вам, по дороге на Сосновку. Как тут у вас дела? По моему вопросу новое что есть?

Ответить Елгоза не успел. Над головой раздался свист, хлопок, и нас накрыло облаком пыли.

Я уткнулся в колени, боясь глубоко вдохнуть. Рядом кашляли. На берегу что-то кричали. Судя по тону – ругались. Глаза слезились. Нос чесался.

– Да что тут такое творится? Снова духи или еще напасть какая?

Когда я наконец-то протер глаза, пыль уже осела. Первое, что заметил, был яркий, блестящий бок цеппелина над лесом. Непростого, видно, цеппелина, с гербом и вензелями на гондоле. Он уходил прочь, то и дело меня направление.

«Это они что, бомбу, что ли, бросили? Зачем?» – подумал я.

Перевел взгляд на стойбище. Все цело, не порушено. Серое только от пыли.

– Ненпыг! Никак не уймутся! – зло прорычал Елгоза, грозя кулаком вслед цеппелину. – Вот я ваш небесный пузырь прострелю!

– Не вздумайте по ним палить. Строгановы не простят, стойбище вырежут. А с этими шалопаями я помогу. Вернусь только и поговорю с Николаем. Он человек здравый, быстро урезонит родственников, – посоветовал Иван Дмитриевич.

Он закашлялся, поправил картуз и спросил:

– Что они еще тут успели натворить?

– Оленей пугали. Калданки уводили. Да грязь вот кидали, как сейчас. Подкрадутся под колдовством своим, напакостят и потом показываются. Для смеху, наверное, и куражу, – ответил, успокаиваясь, Елгоза.

– Ничего. Потерпите немного. Найду на них управу, да и от барона откуп будет.

– Ну, коли так, потерпим. Только ты это, не пропадай до осени, как в тот раз. Я людям-то объясню, да только не одним нам они насолили. Кто-то и сорваться может, – попросил вогул.

– В этот раз надолго и не хотел. Вот Степана надо к тайге приучить. Месяц повожу, и вернемся, – сказал наставник, кивнув в мою сторону.

* * *

– А что за народ такой вогулы? – спросил я Ивана Дмитриевича на следующий день.

Мы снова плыли вверх по течению. Река с каждым часом становилась уже и быстрее.

– Хороший народ. Живут тут испокон веков. Охотятся, оленей пасут, рыбу ловят. Не смотрите, что с виду дикари. Мудрости у них много. Потерянной нами мудрости, – ответил наставник.

– И какой же мудрости-то? Как медведя завалить? – удивился я.

– А хотя бы и так. Они считают медведя родней. Просто так не убивают, как некоторые трофея ради. И духи им родня. Ведь и у нас были духи, давным-давно, когда у людей еще и магии никакой не было. А сейчас они где? Только в сказках

и остались. Считайте, что, изучая вогулов, мы узнаем, как жили наши предки.

Наставник что-то углядел впереди, сбавил ход и вскоре свернул в боковую протоку. Берега тут совсем близко, русло извилистое да камышом поросшее, пришлось замолчать.

Мы около получаса петляли, уворачивались от низких веток, и вот, наконец, вырвались на открытое место. Ну как открытое. Небольшое озерцо. Но широкая вода и низкие кусты по дальнему краю давали ощущение простора. Солнце клонилось к закату, а небо отливало какой-то запредельной, почти ночной синевой. Толкатели стихли, и стало слышно щебет птиц и шорох ветра по кронам.

– Какая красота! – не выдержал я, вдохнув полной грудью лесные ароматы.

– То ли еще будет, – улыбнулся наставник. – Места тут диво как хороши. Мы еще с вами в горы заберемся, увидите. А сейчас берите весло и помогайте.

Калданку мы до сухого так и не дотянули. Да и неважно, течения нет, камыши плотно держат, не уплывет. Вот только пришлось разгружаться как есть. Брести с поклажей по грязи, а потом еще и на крутой берег карабкаться. Устал, сил нет. Наставник как поднялся со мной первый раз, указал поляну под лагерь, так и ушел куда-то.

Стемнело, а костра развести я не смог. Трут не хотел заниматься. Отсырел, наверное, или я что-то не так делал. Сел, привалился к дереву и стал ждать.

Ночью в лесу страшно. Даже при полной луне. Я прикрыл веки и обратился к дару, оглядываясь окрест. Примечал, что в этот момент чувства пропадают и приходит спокойствие. Перед внутренним взором пустота, ни золота, ни серебра, ни минералов каких. Даже меди и той нет. Пока сидел, задремал.

Неподалеку хрустнула ветка.

– Иван Дмитриевич? – испугавшись, спросил я.

Из темноты на меня смотрели черные провалы глаз на звериной морде.

Я закричал. Медведь в ответ оскалил зубы и зарычал. Мой крик сбился, оборвавшись на полувздохе. Сердце заколотилось. Лоб покрыла испарина. Тело застыло, отказываясь слушаться.

– А ну, пшел отсель, – раздалось рядом.

Послышался глухой удар. Зверь вздрогнул. Его шкура всколыхнулась, и он отпрыгнул в сторону.

На поляне стоял Иван Дмитриевич с поднятым посохом.

– Чего смотришь? Тут твоего ничего нет. Иди куда шел! – угрожающе сказал наставник и что-то швырнул косолапому в морду.

Медведь зафыркал, обиженно проревел и бросился бежать, тряся головой.

– Не помял вас Потапыч? – спросил наставник обеспокоенно.

– Ннне ззнаю, – пропищал я.

– Не помял, значит. Напугал только. Ничего-ничего, оно даже полезно вышло. Наука будет. Портки-то не промокли? – поинтересовался Иван Дмитриевич насмешливо.

Сил обижаться не осталось. Меня трясло от пережитого. И я был искренне рад, что этот желчный дед рядом.

Потом был костер, каша с солониной и настойка из фляги. Наставник что-то ворчал про слабую молодежь, но меня не трогал. Суетился по хозяйству сам. Первый и последний раз на моей памяти.

* * *

Три седмицы мы лазили по лесам и буеракам. Кругами ходили. Я-то направление завсегда чувствую. Зря, что ли, рудознавец. Места, конечно, красивые, слов нет. Но вот рассмотреть их как следует не мог, потому что не до того было. Я таскал поклажу, ставил лагерь, носил воду и готовил еду.

Наставник, конечно, меня многому учил. Да что там многому, почитай всему. Только не помогал совсем. Он большую часть времени травки собирал да записи вел, а я потел как тягловая лошадь. Хорошо еще, что одаренность – это еще и выносливость. Иначе не знаю, как бы справился.

Даже к резцу ни разу не притронулся. Единственное, на что не жалел сил – на свой дар. Каждую свободную минуту, когда можно было замереть и прикрыть глаза, я искал золото. Очень нужно разбогатеть, скинуть с себя ярмо, вы-

купить долги и зажить свободно. Без чужих указок.

Мысли мои ходили по кругу. Я то злился на Ивана Дмитриевича, то испытывал благодарность. Сейчас понятно, что самому мне ни за что не выжить в тайге. Так что, по здравому разумению, мне его наука нужнее, чем ему мой труд. Мешки таскать, оно любой крестьянин может. А уж от вогульского отрока в лесу во сто крат больше пользы будет.

Крайняя остановка. Потом, по словам наставника, поворачиваем назад.

На привале, как всегда, отправился за водой, благо до нее недалеко. Углядел звериную тропку и двинул по ней.

С тихим шелестом ручей струился меж камнями. Я осторожно зашел в воду. Дно твердое и скользкое. Холод сдавил голенища. Я сделал несколько шагов и застыл. Странное щемящее чувство появилось в груди. Первый раз мой дар срабатывает вот так, сам по себе, при открытых глазах.

Я сосредоточился, больше прислушиваясь к себе, чем осматриваясь. Потянуло дальше, туда, на глубину. Не думая ни о чем, бросаюсь вперед, всюю загребая воду сапогами. Рука по плечо уходит в ручей. Шарю по дну. Да. Вот оно. Меня как будто обожгло об очередной голыш. Замерзшие пальцы сжали добычу безумной хваткой. Я вытащил руку и поднял камень к свету. Крупный, тяжелый, отливающий солнцем, золотой самородок. Моя свобода лежала на ладони.

Не помню, как бежал к стоянке. Каким-то чудом не забыв котелок и даже не расплескав воду. Время между мгновенья-

ми просто сжалось и пропало из памяти. Вот стою по пояс в ручье и вот уже в лагере кричу в спину наставнику:

– Иван Дмитриевич! Золото! Я золото нашел!

Фигура у костра как-то неловко повернулась, оступилась и кулем осела на землю. Успел заметить бледное лицо и закатывающиеся глаза.

– Иван Дмитриевич, что с вами?

Ответа нет.

Бросился к наставнику. Лоб холодный. Поднял веко и сглотнул горькую слюну. Белки гнойно-желтого цвета. Это мор. Он заболел мором.

Мой самый страшный кошмар вернулся. Я ничего не мог поделаться, тщательно спрятанная в глубине памяти картина встала передо мной, терзая душу.

Отец и мать вместе на кровати. Заботливо укутанные во все, что есть в доме. Худые лица и навсегда застывшие глаза. Глаза с желтыми белками.

Горячие слезы обожгли щеки. Отчаянье затопило разум. И лишь воспоминание о плачущем комочке на моих коленях, ради которого выжил тогда, снова заставило собраться.

Я обратился к дару. Стало легче. Не время горевать и жалеть себя. Сейчас я могу хоть что-то сделать, не дать этому чудовищу сожрать еще одного человека.

Время. Больные мором не могут есть. Напоить еще можно, но вот покормить, заставить работать живот сумеет только лекарь с даром. Первый раз в жизни пожалел, что рудо-

знатец. У меня есть седмица, самое большое – две. Надо добраться до острожка. Тогда у наставника будет шанс.

Я вскочил на ноги и бросился к шатру. Шесты и ткань. Нужна волокуша. Руки дрожали, мешая работать. Пришлось снова прикрыть глаза, успокоиться. Нельзя спешить. Сделаю плохо – потеряю время в дороге.

В лагере бросил все. Наполнил фляги из котелка, впрягся в волокушу и пошел в сторону лесного озера к лодке. Пошел не по следам, а напрямки, дар не даст сбиться с пути.

* * *

Последующие дни слились в одну бесконечную серую полосу. Если раньше я считал, что батрачу, то сейчас почувствовал, что такое по-настоящему тяжело. Разум то включался, то отключался, но я упорно брел вперед. Грыз кору, жалея, что не взял солонину. Все туже и туже затягивал пояс, экономил воду, но шел. Иван Дмитриевич худел на глазах. Его болезненный вид заставлял находить силы, когда казалось, что уже не могу сделать и шага.

Как-то, выныривая из сна-яви, нос к носу столкнулся с медведем. Сил бежать, драться и даже просто кричать не было. Как не было и страха. Мы постояли, посмотрели друг на друга, и он просто ушел, освободив дорогу.

Так прошло пять или шесть дней, не знаю точно. И я, наконец, вышел на знакомую поляну со следами кострища.

– Дошли. Мы дошли, Иван Дмитриевич! – прошептал я пересохшим ртом.

Я осторожно опустил волокушу. Наклонился, послушал дыхание наставника, смочил его губы остатками воды.

– Сейчас. Полежите немного. Только к лодке схожу, поесть возьму. А дальше мы с вами поплывем!

Я с трудом разогнулся и шатаясь пошел вниз. Ноги не хотели подниматься, голова кружилась. Но с каждым новым шагом движения становились уверенней и тверже.

Шаг, другой, третий, поворот. Сапоги, тяжелые от налипшей грязи, соскальзывают. Падаю, встаю, вытираю заскорузлые руки. И вот оно, озеро. Сейчас, скоро. Раздвигаю последние ветки и замираю.

Калданки нет.

Осознание случившегося приходит не сразу. Несколько мгновений бездумно смотрю на пролом в камышах, на еще не затянутый след от кия и только потом кричу:

– Где она? Куда вы ее спрятали? Сволочи!

Взгляд поднимается к небу и цепляется за искру над горизонтом. Это они, те твари с цеппелина, это они ее увели!

Снова слезы мешают смотреть и думать. Иду в воду, опускаюсь на колени, умываюсь, пью, не заботясь о поднятой мути. Сводит зубы. Холод бодрит, успокаивает.

Калданка не может быть далеко. Протока узкая, над ней деревья, сверху не протянуть, а сама она застрянет, повернется и запутается в камышах.

Но брести и плыть нельзя. Утону без толку. Мысли мечутся в поисках решения, и остается только одна. Я гоню ее прочь, пытаюсь нащупать иной выход. Но она возвращается.

Медленно, борясь с собой, достаю из кошелька сверток. Разворачиваю и смотрю на самородок. На свободу и достаток. Но там, выше на берегу, умирает человек. Я обещал его спасти. Спасти вредного старика и потерять будущее? Я столько мечтал скинуть долговое ярмо. О тихом домике, о семье, о том, чтобы снова увидеть радость в глазах сестры. И вот она мечта, на моей ладони.

– Нет. Не дождетесь!

Жертва должна быть дорога? Что ж. Не знаю, что может быть дороже, чем жертвовать мечтой, разве что душу отдать. Чувствую, что, если не сделаю того, что должен, не прощу себя. Решаюсь.

Короткий взмах, и самородок летит в воду.

– Йинк-Вэрт Эви, прими жертву, верни пропажу!

Мир замер. Время превратилось в тягучую патоку. Я вижу мгновения, вижу полет, касание, круги по воде. Замерли цвета и звуки, стихли птицы, остановился ветер, и даже солнце на небе застыло, глядя на меня сверху. Тишина. Пустота. Ожидание. И снова все зашевелилось, задвигалось. Зашуршали камыши, качнулись ветви, отвернулось солнце. Круги разошлись, превращаясь в волны. Озеро забурлило, явив на мгновенье сине-зеленую морду. Она взглянула на меня и скрылась. Очередной пузырь вспух чернотой, и из него вы-

летело что-то большое. Удар в грудь. Ловлю скользкое, слегка трепыхающееся тело. Сом. Всего лишь сом. Я променял мечту на рыбу!

Пьяной походкой бреду наверх. Судорожно сжимаю «подарок». В душе пусто. Выгорело все до доньшка. Сегодня сторела моя жизнь. Отдать все и не получить ничего. Опускаюсь на землю рядом с волокушей. Достаяю нож и вгоняю чуть ниже затылка, одним движением перерубая хребет. Сом последний раз дергается и замирает. Отрезаю кусок жирного, пахнущего тиной мяса, кладу в рот и жую, не чувствуя вкуса.

Наступила ночь. Я сидел на земле. Мысли текли вяло, холодно, сонно, будто все время использую дар.

Спасти. Какие шансы? Дойти до острожка или до стоянки вогулов? Не успею. Да и как через реку переберусь? Эх. Почему я рудознатец? Вот был бы лекарем... Или хотя бы травником. Вылечил бы, и не пришлось расставаться с самородком. Впрочем, тогда бы и самородка никакого не было.

Лекарство! Вогулы не болеют. Значит, есть лекарство. Наставник его искал. А может это и не трава? Может это какой камень? Я же умею искать минералы. Сердце пропустило удар и застучало дальше, возвращая жизнь и надежду. Безумную, глупую надежду, но я потянулся к ней как к последнему шансу.

Сосредоточиться. Сейчас я ищу не что-то конкретное,

не то, что знаю. Прикрываю глаза, представляю желтые белки, хочу, чтобы они побелели, выцвели. Найти то, что поможет. Все силы в одно желание. Сумрачный мир моего дара почернел, мигнул, и я ощутил слабую тягу. Не открывая глаз, боясь спугнуть, ползу на зов, и он становится громче. Камни царапают ладони, ветки бьют по лицу. Неважно. Руку обжигает знакомое чувство. Вот оно!

Открываю глаза. В кулаке сжат кустик чего-то мягкого, вроде мха. Не камень. Как это возможно? Потом. Все потом. Бросаюсь на поляну и, разжав зубы, вкладываю находку в рот наставнику. Вода. Надо залить, заставить проглотить. Фляги пусты. Оскальзываясь, бегу к озеру, хлюпает вода, удар, скрип дерева, еле устоял на ногах, споткнувшись о калданку. Из груди рвется радостный крик:

– Благодарю тебя, о Йинк-Вэрт Эви!

В тумане озера что-то булькнуло в ответ.

* * *

Уже к утру глаза у Ивана Дмитриевича заметно побелели, дыхание стало глубже, а щеки тронул легкий румянец. Поэтому я решил пока никуда не спешить, чтобы не навредить.

Когда через три дня наставник пришел в себя, над костром весело парил котелок с кашей, а я, отмытый и отстиранный, сидел и вырезал его фигурку.

– Здравствуйте, Степан. Что случилось? – спросил он. –

Где мы?

– Вы заболели мором. Я перенес вас к лодке и вылечил. Иван Дмитриевич, я нашел лекарство!

Моя рука метнулась к котомке и достала горсть того самого бледно-зеленого мха.

– Хм. Ягель, – задумчиво пробормотал наставник. – Я же его проверял. Наверное, он нужен только свежим. – И как же вы его нашли?

И я рассказал про лодку, про самородок и про странно сработавший дар.

Когда я закончил, Иван Дмитриевич посмотрел на меня внимательно и сказал:

– Спасибо вам, Степан. На мне долг жизни. А долги свои я привык отдавать сторицей, – он помолчал немного и продолжил: – У меня к вам будет просьба. Не рассказывайте никому про свои находки. Никто не должен узнать, что я болел мором и что тут есть золото. Обещайте.

– Да как же не рассказывать-то? Вам же к лекарю надо скорее, – возразил я.

– Ничего. И без лекаря на ноги встану. Лучше здесь отлежусь. Понимаете, мором просто так не болеют. Надо либо с больным рядом оказаться, либо с вещами, которые недавно подле больного были. Так что заболел я неспроста. Думаю, Строгановы зачем-то хотели вогулов заразить, а заразили меня. И если они про это узнают, нам отсюда живыми не выбраться.

От рассказанного стало мерзко на душе. Ну не могут люди быть такими, не могут они так поступать. Но возразить нечего. Так что у озера мы остались еще на три седмицы. И в острожке потом не задержались, стараясь глаза не мозолить. Дождались обоза и отправились в Шадринск, а оттуда уже в Ст.-Петербург.

* * *

И вот уже полгода я живу в особняке наставника. Ничего не делаю. Учусь только. Делами слуги занимаются. Носят со мной как с писаной торбой, но на улицу не пускают. И Иван Дмитриевич со мной почти не общается, только команды отдает, как в самый первый день.

Не серчаю, понимаю, занят он сильно. Из разговоров слуг я узнал, что случился большой скандал. Теперь Строгановых хотят то ли казнить всех, то ли дворянства лишить. А про наши приключения даже в газете писали. Меня настоящим героем представили. Жуть как любопытно. И вот, наконец, газету ту принесли. И только я ее раскрыл, как в дверь постучали.

– Степан Иванович, барин вас в кабинет просит, – сообщила горничная.

С сожалением откладываю листы в сторону и знакомыми коридорами иду к наставнику.

Открывается дверь. Душный, прокуренный воздух выры-

вается наружу. Вижу Ивана Дмитриевича, сидящего в кресле у камина, и спину девушки в казенном зипуне.

Девушка поворачивается и смотрит на меня.

– Ксюша, – шепчу я, узнавая сестру.

– Степка, – вскрикивает она и бросается мне на шею.

Светлана Соколовская.

АТТРАКЦИОН

Ярмарка развернулась на всю площадь. Торговые ряды и палатки ломились от товаров. Народ толпился около них, приглядывался, приценивался. Торговцы заманивали разными посулами: кто обещал прибавить полсажени к штуке ткани, кто сулил в придачу к калачу леденец. Кто-то просто глазел по сторонам. Кто-то подзывал лоточника и брал с перегруженного лотка еще горячие пироги с требухой. Кто-то уже оседлал деревянную лошадку и приготовился кружиться на нарядной карусели. А многие тянулись к огромному шатру в центре ярмарочной площади с пестрой надписью над входом: «Сокровища Хозяйки Медной горы».

Зазывала с пышными бакенбардами и сладкой улыбкой на круглых щеках широким жестом приглашал на аттракцион.

– Любезные судари и сударыни! Хозяйка Медной горы показывает сегодня свои богатства: изумруды, аметисты чистой воды, малахиты и хрустали. Только сегодня за алтын все сокровища Урала. Торопитесь!

Маняша сложила молитвенно ладошки:

– Данечка, зайдем! Смотри, какая фигура большущая перед входом. Вся из меди.

Даниил поправил форменную фуражку горного инженера, с недоверием глянул на низкорослого человечка с подозрительно узкими, да к тому же отливающими желтизной зрачками и ответил:

– Маняша, полноте! Какие изумруды и аметисты! Балаганный аттракцион. Сомневаюсь, что даже хрусталь выставили. Стеклашки, небось, набрали и обмишуливают публику.

– Зачем вы так, господин горный инженер? – мягко пожурил Данилу зазывала. – Хозяйка Медной горы может и обидеться!

При этом он обернулся к медной фигуре перед входом в высокий шатер. Голова фигуры, расписанная как матрешка, с ярко-красными щеками и начерченными бровями, оставалась неподвижна. Только брови слегка сдвинулись к переносице. Данила подумал: показалось. И потянул Маняшу за собой:

– Пойдем купим тебе калач. Или цветных лент. А хочешь: кружев вологодских на новую блузку?

Они прогуляли вдвоем до вечера. От Главного проспекта через Кафедральную площадь к Тимофеевской набережной, потом шли не спеша, наслаждаясь безветренной погодой, вдоль величавой реки Исети.

– Вот поженимся и поедем после свадьбы в Санкт-Петербург. Я тебя свожу в музей Горного института. Там минералы и камни настоящие. Наглядишься вдоволь. А про балаган

забудь.

Даниил проводил невесту до подъезда. Подниматься в квартиру не стал. Маняше велел передать поклон и извинения родителям. Засиживаться в гостях сегодня никак не может: дома бумаги ждут, проект новой шахты не закончен. Хозяева шахты торопят. Им донесли, что рядом со старым рудником вроде как место есть, богатое добротной железной рудой без излишка кремнезема. Железный колчедан называется. Сами хозяева – мужики справные, из потомков знаменитого Петра Рябова, который на Южном Урале первым начал железную руду копать. Дело рудное знают. За проект шахты готовы уйму денег отвалить. За такие деньги Даниил сможет не только квартиру в бельэтаже ближе к центру Екатеринбурга снять, а и обеспечить себе и Маняше безбедную жизнь. Еще и матери-вдове с братьями поможет.

После ужина Даниил пожелал всем домашним спокойной ночи, а сам заперся в кабинете и склонился над чертежами. Вот если бы руда залежала ближе к вершине горы! Тогда и штольни проще пробивать будет. Но богатые руды обычно в глубине гор прячутся. По-хорошему сначала надо пробную штольню пробить, чтобы разведать, точно ли есть подходящая руда, рассуждал Даниил. А может Хозяйку Медной горы попросить, чтобы сама все показала? Он усмехнулся в усы: фантазиями делу не поможешь!

Уже давно полночь миновала. В кабинете было так тихо, что Даня слышал, как грифель карандаша по бумаге

скользит. Но что это? Вроде как кто-то на улице железной по мостовой скребет. Шварк-шварк... Тишина. Потом опять: шварк-шварк. И как будто шум все ближе. Пока с соседней улицы раздавалось, Даня удивлялся, но продолжал над чертежом корпеть. А когда под окнами залязгало, тут уж он не стерпел, встал из-за стола и к окну подошел. Чтобы лучше было на улицу смотреть, притушил керосиновую лампу и заглянул в просвет между тяжелыми бархатными портьерами.

Фонари на улице недавно установили газовые, яркие. На ночь, правда, фонарщики половину тушили, но другая продолжала гореть, потому и видно было всю улицу, почти как днем. Можно было даже разглядеть уличного кота на мостовой.

Только Даниил о коте подумал, а он тут как тут. Идет вразвалочку, не торопится никуда. Хвост трубой. Уши торчком. Идет так, будто знает, куда ему идти. Еще и лужи обходит стороной. Чистюля лохматый!

Кот прошел мимо подъезда дома, в котором на четвертом этаже Данина семья квартиру в наем брала. Потом остановился, перешел с проезжей части на тротуар и сел под фонарем. Черный кошачий мех переливался в свете фонаря золотистыми искорками. А потом заскрежетало так, что Даниил подумал: сейчас дворники на улицу повыбегают с метлами и свистками, чтобы форменное безобразие остановить.

Дворники не выбежали. Можно было подумать, что все

они сегодня заснули крепким сном после дружеской попойки. И появилась Она.

Она – медная фигура. Та самая – с ярмарки. Которая стояла у входа в шатер. Мимо нее еще народ проходил, бросал медные монеты в железный туесок и заходил поглазеть на аттракцион. Даниил зажмурился, потряс головой. Подумал, может, привиделось от усталости. Который час уже сидит над проектом, в глазах двоится. Снова выглянул из окна. Медная фигура двигалась неуклюже, сначала поворачивалась одним боком, потом, качнувшись, переваливалась на другой и так, постепенно, – вперед. Ног у нее не было. Медный подол юбки тащился по булыжной мостовой и издавал противный скрежет: шварк-шварк.

Рядом с фонарем, у которого кот сидел, фигура остановилась. Некоторое время она стояла не двигаясь, будто что-то выжидая. Кот сидел напротив подъезда. Медная баба медленно развернулась к подъезду и, приподняв металлическую голову, уставилась на окна Даниной квартиры. Даниил отпрянул от прорехи и спрятался за портьерой. Сердце стучало в грудной клетке, будто ночной сторож колотушкой. Шея и затылок окаменели, а потом покрылись холодной испариной.

Даниил не помнил, сколько так простоял. Из ступора его вывел негромкий шум: это кошачьи когти скребли входную дверь квартиры.

Только бы братьев и мать не разбудить, подумал в панике

Даниил. Перепугаются, устроят переполох. И он бесшумно выскользнул из кабинета, на цыпочках прошел мимо комнаты горничной Феклы в прихожую. Встал у дверей и приложился ухом к деревянной створке. Кот перестал ее царапать и теперь требовательно мяукал. С каждым разом все громче.

Соседи могут услышать, подумал Даниил и повернул ключ в замке.

Он чуть-чуть приоткрыл дверь. В узкую щель тут же пролезла когтистая кошачья лапка. Мгновение, и щель стала вдвое больше. Даниил видел теперь кота с головы до хвоста. Тот сидел и выжидательно поглядывал на инженера. Потом развернулся и двинулся к лестнице. Остановился перед первой ступенькой, повернул голову. Желтые глаза сверкнули в полумраке, по зрачкам пробежала зеленая волна, как будто подзывая Даниила. И Даниил пошел за котом как замороженный.

На улице потянуло сквозняком из подворотни, холодные иголки кольнули затылок и шею. Даниил понял, выскочил из квартиры, а шинель и фуражку забыл надеть. Да и не до них в тот момент было.

Пустые улицы, темные окна. Ни одной живой души. Напрасно надеялся Даниил отделаться от медной бабы, которая, переваливаясь с боку на бок, тащилась неизвестно куда. Так и шли они по спящему городу: медная фигура, черный кот и горный инженер без форменной фуражки и шинели. Пока не пришли на ярмарочную площадь.

Не сговариваясь, медная баба и кот вошли в шатер. Даниил – за ними.

До чего же странный шатер! Никак в него не войти. Вроде движешься вперед, а габардиновая занавесь мешает, дорогу загораживает. Даниил один полог отодвигает, два шага делает, другая занавесь возникает на пути. Сколько таких занавесей пришлось раздвинуть, он и со счету сбился.

Наконец вспыхнули разноцветные огни: зеленые, лиловые, лимонные, голубые. В глазах Даниила зарябило от многоцветья. После темноты огни показались яркими, а приглядевшись, Даниил понял: нет, неяркие, мерцают в полутьме огромной пещеры. И большая часть пещеры погружена во мрак. Но чувствуется, что свод ее очень высоко поднимается над головой.

Даниил хотел сделать шаг и споткнулся о что-то твердое и острое. Посмотрел под ноги – а там друзы горного хрусталя. И так их много, что не пройти. Но тут опять черный кот объявился, мурлыкнул приветливо и повел за собой между друзами. Даниил шел и восхищенно охал. Какая красота под ногами! После хрустальных друз засверкали аметистовые. Одни переливались сиренево-розовым, другие лавандовым, а некоторые – темно-лиловым цветом, почти сливаясь с полумраком пещеры. Посреди этой красоты на небольшом каменном возвышении спиной к Даниилу стояла женщина. По косе видно было, что девушка. Статная, сарафан на ней богатый, зеленый – чисто шелковый малахит!

Обернулась к Даниилу, улыбнулась. Зубы – чистый жемчуг. И говорит:

– Ну что, Данила, горный инженер! Стекляшки у тебя под ногами али самоцветы? – Голос грудной, бархатный, слух ласкает.

Даниил глазам своим не поверил, тряхнул головой. Такую красавицу он в своей жизни еще не встречал. Неужто действительно перед ним Хозяйка Медной горы, о которой ему в детстве матушка сказки рассказывала?

– Да ты не робей, Данила! Не в обиде я. Чего мне на тебя обижаться? Всяк ошибиться может. И горный инженер в том числе.

– Прости, Хозяюшка, неразумного дурака! Не думал я, что сказки былью окажутся. Вон как дело повернулось!

– Вы нонешние, инженеры да гедезисты ученые, ни во што не верите! – сердито проговорила Малахитница. Лицом будто девушка, а разговор у нее сварливый получается. – Что ногами топчешь, знаешь?

– Знаю, Хозяюшка. Аметисты это.

– Правильно. А чем камень знаменит, знаешь ли?

– Знаю, камень преданной любви.

– Так возьми с собой. Невесте подари.

– Такие камни обычно вдовы носят, – Даниил нахмурился. Куда это Малахитница клонит?

– Не пужайся, милый человек! Не про вдову речь. Вот, – Малахитница показала Даниилу кольцо. – Аметист в сереб-

ре. Если его носить, удача в делах будет. Любые задумки успехом завершатся. Глянешься мне, подарю и отпущу с миром. А пока идем со мной. Гору тебе свою покажу.

А гора-то оказалась знатная! С гордостью Хозяйка Медной горы показывала желтую жилу, напоминающую большую змею, за ней – широкий пласт малахита.

– Мастера ваши крупницы малахита из-под ног собирают. И то рады! А у меня вон что есть.

«Да из такого пласта целый купол нового храма украсить можно», – подумал Даниил, а вслух сказал:

– Баловство это! Шкатулки, медальоны, кольца...

– А что же для тебя богатство?

– Нет у тебя, как я погляжу, настоящего богатства, сударыня.

– Бриллиантов? – Малахитница усмехнулась. – Идем дальше.

Даниил зорко вглядывался в стены бесконечно длинной штольни. Наконец увидел. Вот оно – черное серебро! Переливается бесцветными бликами. Железный колчедан. Понять бы, как глубоко он залегает? Под каким углом штольню пробивать?

– О чем задумался, инженер? – со смешком спросила Малахитница. – Не ожидал столько сокровищ увидеть?

– Не ожидал.

– А меня в городе увидеть, небось, тоже не ожидал? – Малахитница игриво склонила набок голову и вдруг залилась

звонким девичьем смехом. – А я вот явилась – не запылилась. Любопытно мне стало, что это за место такое – город.

Смех оборвался.

– Поганое место! Суета и шум до заката не умолкают. Оглохла совсем, пыли-то наглotalась – жуть! – Хозяйка Медной горы брезгливо скривила яркие губы. – Ноги моей больше на этой вашей ярмарке не будет.

– Послушай, Данила-молодец, погубит тебя город, – Малахитница подошла ближе и доверительно заглянула в глаза. А глаза у нее зеленью отливали и привораживали. – Оставься со мной в хрустальных чертогах. Любы оне тебе. Меня не обманешь. Радуют тебя мои богатства. Я тебе много еще чего покажу. Вдоволь насмотришься. Глядишь, и новый каменный цветок под твоими руками расцветет.

– Не мастер я по каменному делу, Хозяюшка. Я горный инженер. Мое дело – шахты железорудные и штольни мастерить, – признался Даниил.

– Неужто будешь мою гору ломать? За ради одной только железной руды столько сокровищ рушить и погребать?

Даниил молчал.

– Не умеете вы, людишки, богатством горным с умом распорядиться. И зачем вам столько железа?

– Из железной руды плавят чугун. Из чугуна – сталь. Железные дороги стране нужны. Паровозы, станки разные. Целые заводы. Вот настоящее богатство!

– И пушки заодно, – Малахитница потемнела лицом. –

Не бывать этому!

Она хлопнула три раза в ладоши, и на ее зов явились ящери. Одна, другая, тысячная! Все разные: одни зеленые, другие голубые с синими точками по спине, и на глину либо песок похожие, с золотистыми крапинками. Окружили горного инженера со всех сторон.

Даниил глянул вниз, и страшно ему стало от того, что земли не видно под ногами. Пригляделся и понял – да это руда медная! Только она будто адским пламенем горит. Захотелось ему бежать со всех ног и не оглядываться. Бросился он в ближайшую штольню, а в спину ему покатались раскаты зловещего смеха, и тысячи лапок зашуршали по камням.

Маняша, проснувшись рано утром, почувствовала сосущую под сердцем боль. Даня! Накануне сговорились к портному сходить и обговорить, из какого сукна свадебный костюм жениху пошить. А жених уже второй день глаз не кажет!

Маняша гордость свою поглубже в сердце запрятала и сама пошла к Даниилу. Дверь ей открыла дебелая девица в форменном платье и накрахмаленном белом фартуке. С порога было слышно, что в доме кто-то громко причитает и слезами обливается:

– Пропал мой сыночек! Сгинул сердешный...

– Сударыня! Не плачьте! Надо в полицию идти. Заявление о пропаже вашего сына и моего жениха писать.

Пожилая дама замолчала, усталилась на Маняшу опухшими от слез глазами.

– Машенька! Душенька! Спасибо, что пришла горе матери разделить.

В конце концов Маняша с помощью горничной Феклы уговорила Софью Аркадьевну пойти в полицию.

Приняв заявление о пропаже лица дворянского звания господина Арсеньева, становой пристав попросил мать пропавшего подробно описать его. Узнав, что пропал горный инженер, пристав наморщил лоб.

– Тут намедни с Красногорского рудника приказчик приехал. Говорил, горного инженера рядом с рудником нашли. Около большого камня сидел. А на нем тьма-тьмущая ящериц. Всего с ног до головы облепили. Когда рабочие подошли, ящерицы разбежались. Один скелет в инженерском мундире и остался. А карманы мундира будто были набиты пустой породой...

Софья Аркадьевна тут же в кабинете пристава и потеряла сознание.

Шварк-шварк... Даниил поднял голову. Он, оказывается, просидел за письменным столом всю ночь и, видно, так и заснул, уронив голову на стопку бумаги. Голова стала мутная, шея одеревенела... Даниил кинулся к зеркалу, вспомнив, что ему только что приснилось. Лицо осунулось, круги под глазами появились. Но не голый череп смотрел на Дани-

ила из зеркала.

В ванной слесарь скреб инструментом по железной трубе.

– Трубу вот меняю, барин! – вместо приветствия объявил он. – Сломалась труба-то.

Фекла позвала завтракать и доложила, что мальчики ушли уже в гимназию, а Софья Аркадьевна поехала в церковь.

После завтрака Даниил поскорей накинул шинель и вышел на улицу. Фонари погасили. По булыжной мостовой катились пыльные коляски. А ближе к ярмарочной площади повстречались на пути пустые телеги, запряженные понурыми лошадками. Крестьяне, распродав нехитрый свой товар, разъезжались по деревням. В центре ярмарки зиял большой пустой круг. Вот здесь и стоял шатер с аттракционом, понял Даниил.

Он прошел по кругу, сам не понимая, зачем это делает. Ближе к центру под башмаком что-то хрустнуло. Даниил нагнулся. Оказалось, это кусочек аметистовой друзы редкого темно-лилового цвета.

Анастасия Хабарова. УБИТЬ ХОЗЯЙКУ МЕДНОЙ ГОРЫ

Часть 1

На дверь корчмы «Медь да хмель» пришлось надавить плечом – она немного покосилась, будто сама здесь часто выпивала, и теперь упорно терлась ребром о намытые полы.

Якову это даже странным показалось – клумбы у корчмы ухоженные, ямы на дороге в деревне камнями мелкими засыпаны, вода для коней в ушатах чистая, а дверь почему-то косит. Но только подумал об этом, как прямо за ним зашел мужчина в поясе, увешанном столярными инструментами, и, со свистом кивнув хозяину, принялся чинить дверь.

Яков снял с плеча самострел, положил на стол из лиственничного массива – тот до сих пор щедро делился древесным ароматом – и, отклонив на поясе ножны, присел на лавку.

– Дня доброго, путник! – Хозяин в два шага оказался рядом. – Есть, пить, ночевать изволите?

– Есть, пить да заказ исполнять. – Яков с хлопком выложил на стол пергамент. – Ваш?

– Знамо, наш. А ты, стало быть, зверобой?

– Стало быть. Расскажите про чудище.

– Чудищем женщину звать не стоит. Пусть и человеком ее не назвать. Но вот убить ее – всамделе надо.

Хозяин поставил перед Яковом миску с наваристым гуляшом, посыпанным свежей зеленью, кружку прохладного кваса и ломоть еще горячего хлеба. Сам сел напротив.

– Хозяйку Медной горы надо убить, зверобой. Смогешь?

– Хозяйку? Слышал, живет она у Гумешкинского рудника. У вас, стало быть, не она, – Яков разом выпил полкружки кваса и приступил к мясу.

Козьма, хозяин корчмы, усмехнулся.

– Ты мне скажи, зверобой, Волколак – он на Руси один?

Яков мотнул головой. Козьма кивнул и продолжил:

– А упырь?

Яков снова мотнул головой.

– И Леший ведь не один? Так с чего Хозяйка одна на все Уральские горы должна быть? У Гумешкинского своя, у нас своя.

– И точно Хозяйка?

– За этот год уже три матери своих сыновей оплакали. Три жены вдовами сделались. На руднике пропали мужики. И так постоянно. Каждый год. Забирает нас, по одному. А рудник бросить не можем, ты понять должен. На нем вся деревня живет.

– Надо – сделаем, – Яков похлопал по самострелу.

– Сделаешь, – кивнул Козьма. – Пятеро до тебя не сдела-

ли, но ты – сделаешь. К нам давеча ведунья заезжала. Бусы да вазы малахитовые покупала. Вот здесь, как ты, вечером сидела, узнала о проблеме нашей да секрет рассказала. Что Хозяйку стрела с малахитовым наконечником пронзит.

– Из лука не стреляю. Только самострел.

– Значит, болт тебе сделаем. Степан у нас велииийкий кузнец. Доедай, да айда к нему.

* * *

По дороге на кузницу Яков рассматривал деревню. И снова удивлялся, как здесь все ухоженно и чинно: заборы ровные, крыши залатанные, резные ставни блестят новой краской. Ни одного плешивого пса или кошки – у всех шерсть лоснится, животы сытые – ребер не разглядеть.

– Впервые вижу такую холеную деревню.

– Так че, стараемся! – усмехнулся Козьма. – Двадцать лет назад, конечно, не так было. Умирала деревня. Мужики – каждый второй – синяк, есть нече, делать нече. А потом открыли, что в горах наших залежи драгоценных камней: малахита, яшмы, агатов. Добывать стали, обрабатывать, изделия делать. Ну и деньги грудить. Зажили. Зачем с кривым забором жить, когда есть на че починить? Да и самому хочется – в чистоте, порядке. Так и стали лучше жить.

За поворотом им встретилась старуха. Яков бы и не обратил на нее внимание – старуха и старуха, таких и у них в де-

ревне полно. Только та перед ним остановилась, с прищуром осмотрела, перекрестила его и уж затем пошла дальше, прихрамывая на левую ногу.

– Народ-то ваш не особо в меня верит, похоже.

– Не обессудь. Разов пять уже убить Хозяйку пытались. Да все там, с ней остались. Но ты не переживай, с малахитовым болтом точно получится! А на бабу Синюшку внимания не обращай, она у нас старуха необычная.

– Синюшку? – Яков схватился за эфес меча и обернулся вслед старухе. Но той уже и след простыл.

– Да это мы ее так называем, – Козьма накрыл кисть Якова своей и надавил, возвращая меч в ножны. – Больно вредная старуха. А так, конечно, кто знает, мож она и есть Синюшка настоящая – лет двадцать уже в деревне живет, одинаково старая, какая приехала – ей-богу! такая и осталась. Все в том же синем платке. Все так же еле ходит, а все никак не помрет. Чудеса, – он развел руками, а затем зазывающе махнул вперед и продолжил идти.

Козьма открыл ворота в кузницу, и в лицо Якову бросился жар печи, а за ним – звон молота о наковальню. Невысокий широкоплечий мужчина еще пару раз ударил по раскаленному металлу, поднял будущую кирку, смерил оценивающим взглядом и только потом повернулся к гостям.

– Вот, Степан, зверобоя тебе привел. Лука у него нет, есть самострел. Болт против Хозяйки сделаешь?

– Добро, Козьма. Сделаем. Все сделаем.

Пока Степан изготавливал болт и ждал от мастера наколочник, заказанный Козьмой, Яков рассматривал кузницу. Взгляд особенно надолго задержался на столе, сплошь заложённым незнакомыми инструментами – иглы, молотки, узкие пластины с разными срезами, изгибами и зубьями на деревянных ручках, что-то напоминающее ножи и лопатки.

Степан заметил, как Яков рассматривает товары.

– Если кто-то у тебя каменным делом занимается, сделаю скидку. Бери любые – все хороши! Наши мастера только мои инструменты для обработки камней используют. И с других деревень приезжают покупать.

– Невеста моя, Аннушка, все мечтает, но она ж девица, куда ей. Я ей браслет малахитовый куплю. Под глаза подойдет. Понравится, думаю.

– Зря ты так, – цокнул Степан. – У нас вот Дарья есть – пятнадцать лет от роду. А уже такие бусины вытачивает! Фигур разных, ровные, гладкие, какие бусы из них получают – нарасхват!

– Я все же лучше браслет, спасибо.

* * *

Яков проснулся от боли в ноге и рывком поднялся на кровати, на ходу вытаскивая из-под подушки кинжал. В комнате не было никого, кроме темноты. Бедро пульсировало той

самой болью – будто русалка только что вогнула в него заостренные зубы.

Яков знал, что с ногой все хорошо – боль лишь в голове. Глаза привыкли к темноте, он окончательно убедился, что никого рядом нет, и откинулся обратно на кровать.

Повернулся на бок, и взгляд его упал на окно – там, в слабом лунном свете отразилась фигура. Небольшая, собранная. Яков моргнул – и вот фигура уже больше. Моргнул снова – и она еще ближе. Рука вновь достала кинжал, а тело напряглось. Моргнул – и вот этот кто-то у самого окна. И будто на голове не волосы, а... платок?

Яков вскочил, взял со скамьи меч и устремился на улицу. Но у окна никого не было. Как и вокруг. Только из кузницы доносились мужские голоса. Он хотел пойти, спросить, кто с ним шутить удумал, но дошедшие до его уха фразы заставили остановиться.

– Жалко его, молодой совсем.

– А ты, может, заместо него хочешь? – Яков узнал голос Степана.

Молчание.

– То-то же. Лучше он, чем кто-то из нас. Готовьтесь лучше к новому сезону добычи и обработки. Сейчас как пойдет дело, продыху не будет!

Яков вернулся в дом. Нужно было выспаться. На рассвете он отправлялся найти и убить Хозяюку Медной горы.

Часть 2

Яков вышел на елань, окруженную раскидистыми елями, и стал рассматривать растения под ногами.

– Ищи белые цветки с восемью лепестками и желтой сердцевинкой – это дриады. Они тянутся к пещере, в которой видели Хозяйку, – наказывал Степан, провожая Якова из деревни.

Дриады нашлись у самой кромки елани, и Яков отправился за ними через ели, держа самострел перед собой – вдруг Хозяйка из пещер погулять выходит.

– Стойте, господин! – Тихий, будто укрытый одеялом молодой девичий голос донесся сзади.

Яков остановился и повернулся, отодвигая самострелом ветви и выглядывая из-за них. На краю елани стояла совсем юная девица – белые волосы выбились из неплотно затянутой косы, руки придерживают подол сарафана, а плечи поднимаются и опускаются от слишком тяжелого дыхания. На Хозяйку она явно не походила.

– Ты кто?

– Марья я, из деревни. Вы не ходите в пещеры, не нужно. Просто уходите домой. Бог с этим заказом, лучше с пустым гомонком уйти, но уйти. Уходите, пожалуйста.

– Зачем это говоришь?

– Спасти вас хочу. Никто, кто туда уходил, не возвращался. Все сгнули. И вы сгинете, если пойдете.

– Я зверобой – так просто не сгину, – Яков махнул в сторону девицы самострелом, на всякий случай все еще не опуская его.

– До вас такие же были. Сгинули. Вы глупы, если думаете, что лучше других. Глупы, если надеетесь выжить.

Яков глубоко вдохнул, сдерживая себя, молча развернулся и продолжил пробираться сквозь ели по следу из дриад. После того, как он чуть не убил мужика, назвавшего его глупым, Яков научился сдерживать внезапно возникающую злость. Сдерживать хотя бы настолько долго, чтобы успеть уйти подальше от того, кто его оскорбляет.

Он был иногда наивным. Был мечтателем. Был простым. Но не глупым. Никто не смел называть его глупым.

Вход в пещеру оказался высотой по пояс, и Якову пришлось нагнуться. Внутри он смог снова выпрямиться, но плечи проходили вплотную. Шел аккуратно, прислушиваясь и принюхиваясь. Тишина. Сыровато-пыльный запах. Неотесанные своды, иногда царапающие то плечо, то бедра.

Свет от входа почти перестал доставать до Якова, и пришлось зажечь факел. Он уже начал беспокоиться, верные ли ему дали ориентиры, как свод стал расширяться и перешел в просторный проход, усыпанный утопленными в стенах гранями самородков. Вначале шла яшма – от елочно-зеленой до глиняно-красной. Потом жеоды агатов – слоистые, сверкающие, морозно-белые, словно застлавший окно лед. Затем своды позеленели и пошли пузырями, будто вскипающее мо-

локо. Яков понял – это сплошь малахит. Как и понял, что идет в верном направлении. Если такие невероятные богатства еще не тронуты, значит, трогать их горнякам точно кто-то не дает.

Проход стал уходить вниз, еще ниже – пришлось придер- живаться одной рукой за стены, чтобы не поскользнуться. На камнях далеко впереди появились блики света – там явно был источник. Яков потушил факел и повесил на пояс, за- крепив в специальном кожаном кольце. Следом до него до- неслись отдаленные звуки девичьего напева. Теперь двигать- ся нужно было еще осторожнее, медленнее, увереннее – ло- гово Хозяйки было совсем рядом. Главное – не быть заме- ченным и выстрелить быстро.

Яков поднял самострел, заряженный болтом с малахито- вым наконечником, и упер соху в плечо. Руки были напря- жены, ноги – еще напряженнее. Он следил за дыханием, что- бы сохранить стойкость и равновесие.

Перед ним открылась просторная зала – весь свод и стены покрыты кристаллами бирюзовых, голубых и желтых оттен- ков, а изнутри них свет сочится, отчего ясно как днем. И по- среди – она. Высокая, сарафан усыпан каменной крошкой, на голове веночек из тех самых дриад. А руки – белые, чело- веческие, с длинными тонкими пальцами.

Хозяйка горы резко повернулась, и медно-рыжая коса рассекла воздух, звонко стукнув о кристаллы на стенах.

Как волосы могут так звучать?

– Убить меня пришел. – Она улыбнулась, посмотрев Якову точно в глаза, поправила подол платья и плавно присела на каменный трон.

Яков дрогнул, но тут же взял себя в руки и снова навел самострел на цель. Подкрасться тайно не вышло, но это не отменяло его цели.

– Знамо, убить. Снова убить. Вот из этого стрелять будешь? – Женщина кивнула на самострел и склонила голову набок. Серьги из россыпи монет брякнули. Глаза – хищно-зеленые, будто даже светящиеся – жадно расширились.

– Из это... гхм... этого. – Яков не понимал, почему Хозяйка так спокойна и к чему все эти речи, но стрелять почему-то не торопился.

– Ну давай, стреляй. Сюда вот. – Она приложила руку к сердцу. Было ли оно у нее? – Только чур не мимо.

Яков даже не успел подумать – пальцы сами нажали на рычаг спуска, и тетива, брынькнув, отправила болт в цель.

Наконечник стукнул о грудь Хозяйки и упал ей на колени.

– Не убил! – Ее смех разнесся по пещере так, что, казалось, и стены, и пол затряслись.

Дрожание поднялось по ногам и захватило сердце. Яков с трудом дышал, будто кто-то туго перевязал легкие.

За спиной раздался нарастающий треск, а затем грохот – сотни кристаллов посыпались с потолка, а за ними весь свод пещеры. Облако каменной пыли ударило Якову в лицо, но он лишь на секунду зажмурился – вот и все, что смог.

Пути назад больше не было.

Пол перестал дрожать, а ноги и сердце – нет.

Яков спешно обдумывал, есть ли другие выходы из пещеры.

– Красивый наконечник. Нравится мне. Степан все лучше и лучше в умении своем становится. – Голос Хозяйки горы, такой мелодичный, с нотками звенящего металла – как на колокольне, глубокого и пробирающего до самого желудка, повернул его мысли в другое русло.

Стало неважно, есть ли выход. На кой ему выход, если он не сможет им воспользоваться.

Яков вынул клинок из ножен на бедре – не надеялся впрямь, что сможет им защититься, но тело, убившее уже пару русалок, одного лешего, вурдалака и сумевшее спастись от Аждахи, не собиралось так просто сдаваться.

В кармане брюк лежал малахитовый браслет. Яков всю дорогу до пещеры представлял, как после заказа вернется в родную деревню и подарит его Аннушке. Как прелестно он будет сидеть на ее тонкой ручке. Но теперь – подарит ли? Увидит ли ее снова?

Вспомнились их прогулки вдоль реки. Ее пение, от которого его всегда уносило куда-то далеко, поднимало к самому небу и разносило по ветру. Как она повязки на бедре после той злосчастной русалки меняла. Меняла и просила бросить эту работу. Осесть. Рядом быть. Может, стоило. Может, и хорошо, что она идти за него отказывалась – вдовой так рано

не сделается. Может, еще найдет счастье свое.

– Ой, смелый, – Хозяйка закинула ногу на ногу. – Нравишься. Нрав горяч, конечно, упрям, часто слишком, но сердце чистое. А мудрость – она с возрастом придет. Молодой еще.

– Ты опусти клинок, а то рука устанет. Все равно не убьешь, – раздался другой женский голос, с легкой хрипотцой. Около трона появилась еще одна девушка – в темно-синем платье с длинными рукавами и белой кружевной окантовкой.

Она разве была здесь?

– Они ведь тебя не убить меня отправили. Знают, что не убить. И наконечники эти все – сказка, чтобы ты лучше поверил. Ты себя не вини, все верят.

– Зачем тогда? – Яков все же не торопился опускать клинок. И теперь бегал взглядом от Хозяйки ко второй девушке.

– Самому умереть. Ты – их жертва мне. Они мне тебя, я им – покровительство свое, залежи камней, руды, спокойную добычу да таланты. Справедливо, как считаешь?

Вот почему никто не возвращался из пещеры живым.

– Готов жертвой стать? – усмехнулась девица в синем платье.

– Не готов, – вместе со взглядом Яков перевел на нее острие клинка.

Откуда-то же появилась здесь вторая? Значит, выход есть.

Зверобой стал медленно переставлять ноги, аккуратно ступая вдоль правой стены, чтобы обойти залу по кругу. Он пытался думать о том, как найти выход, как выжить, но в голове без его воли всплывали страшные картинки – как его кровь заливает бирюзовые кристаллы, как Хозяйка слизывает ее с пальцев, как смеется своим колокольным перезвоном. Как он остается здесь. Потерянный. Как Аннушка плачет и ждет его – каждый вечер выходит к дороге, но снова и снова возвращается в дом одна.

– Да остановись уже. – Махнула ему Хозяйка, когда он почти поравнялся с ее троном.

Но Яков не послушался.

– Стой, – отрезала вторая девица, и, хоть он все еще не собирался подчиняться, его ноги остановились.

Попытался сделать шаг, но стопы словно приросли к земле.

– Да не умрешь ты сегодня, зверобой. Коли сам не захочешь, – выдохнула Хозяйка, и голос ее стал серьезен, а улыбка стерлась. – Не Богиня я, чтобы жертвы принимать. Да и не всем нужны жертвы и подношения, чтобы благосклонным быть и пособлять. Некоторым довольно, чтобы в них просто верили. Эти люди верят в меня. Они трудолюбивы и не растрачивают подаренные мною таланты да дары попусту. Мне этого хватает.

– Кто ты тогда?

– Дриада. Дух, коли угодно.

– Если жертвы тебе не нужны, почему не сказать об этом им?

– Как я говорила уже, мудрость к тебе придет с возрастом, – вновь засмеялась Хозяйка, встала и подошла к Якову. Приложила к клинку ладонь и опустила его. Только сейчас он понял, как устала рука. – Да, жертвы мне не нужны. Но такова их вера. А значит, пускай верят так, как привыкли.

– И что ты со мной сделаешь?

Хозяйка запустила руку в складки платья, затем подняла ладонь перед Яковым – на ней лежал увесистый самородок малахита.

– Забирай камень, а с ним талант. Сам решишь, что с этим делать. И жизнь свою тоже забирай, тебе нужнее. Главное, никогда сюда не возвращайся и о том, что здесь произошло, смотри, никому не рассказывай. Никто не поверит, что ты живым от Хозяйки Медной горы ушел. Прослывешь лжецом, да и только.

Яков рассматривал самородок, но не увидел в нем ничего подозрительного, поэтому решился и взял. Камень холодом встретил кожу.

– Вот так отпустишь?

– Отпущу. – Хозяйка игриво повела плечом. – Только и ты мне подарочек взамен оставь.

– Подарочек? – Яков опешил. Что дарить духу? Неужто самострел его ей приглянулся? Или кинжал? – Да мне и подарить нечего.

– Камень на камень.

– Что?

– Камень взамен за камень. Мне сгодится. Разве нет у тебя украшения?

– Это для невесты моей.

Хозяйка настойчиво протянула ладонь в вопрошающем жесте. Яков подчинился.

– Подруга моя тебя проводит. Дорогу покажет, чтобы мимо деревни прошел. Ну, прощай, зверобой.

Дриада надела браслет на запястье, в мгновение повернулась к Якову спиной и, затянув легкую веселую мелодию, поплыла через залу.

Девушка в синем платье махнула, подзывая Якова, и он послушно направился за ней.

– Прощай, Хозяйка Медной горы.

Часть 3

– В деревне я слышал фразу «лучше он, чем кто-то из нас». Что это значит? – Яков нарушил молчание, когда они с девушкой в синем платье вышли из пещеры по другую сторону елового леса.

– Они думают, что Хозяйка забирала их мужиков в обмен на полные рудники, пока они ей жертвы отправлять не начали.

– А она забирала?

– Да синька их забирала, а им до сих пор невдомек. Просто после того, как я дриаду призвала, мужики меньше пить стали. Но не все. Раз да один какой дурак пойдет спьяну в лес охотиться или на рудник втайне ходить. А с пьяного чего взять – то оступится, то в капкан угодит волкам на радость. Да и скажи мне, как Хозяйка их заберет, когда ее нет?

– Как нет?

– А ты ее видел?

– А разве нет?

– Дриаду ты видел, – хихикнула девица и поправила сползший синий платок, из-под которого выбивались непослушные каштановые кудри.

Она разве была в платке?

– Разве дриада – не Хозяйка? Получается, я ее не видел! – Яков остановился и, не моргая, уставился на девицу. – Ты что со мной сделала? Я хотел сказать, что дриаду не видел... опять! – Яков вытащил меч и направил основание на горло девицы.

– Чууу. Пожалуй, дальше сам дойдешь. И за мной не пойдешь. Не пойдешь. – Она указала на Якова пальцем и громко засмеялась.

Он попытался сделать шаг, но ноги снова не подчинились ему.

– Ты пришел за заказом, но выполнить не смог, потому что Хозяйка – лишь сказка горняков, – продолжила девица нараспев, качая в воздухе указательным пальцем. – Поэтому

ты в пещерах ее не нашел. Разве можно найти то, чего не существует? Вот что ты будешь рассказывать, если захочешь историю о своем заказе поведать. А они – верят, да. Потому что не обязательно существовать тому, во что кто-то верит. И необязательно требовать жертвы с тех, кто в тебя верит. А ты – хочешь верь, хочешь не верь. Да только домой отправляйся теперь. – Она сорвала с головы платок и помахала им Якову, медленно отступая назад. Затем развернулась к нему спиной и ускорила шаг, отдаляясь.

Яков так и не мог последовать за ней. Сделать шаг назад, прочь от этих гор – смог. А обратно в сторону деревни горняков – уже нет. Снова посмотрел он на удаляющийся силуэт. Девица возвращала платок на голову, уходя все дальше.

Уходя и прихрамывая на левую ногу.

Яков повернулся в сторону дома и побежал, крепко сжимая в одной руке клинок, в другой – самородок. По дороге много он думал о Хозяйке, жизни своей и Аннушке.

В следующей деревне нашел кузницу и купил набор инструментов для обработки камня. Все же лучше, чем браслет, решил он. Все же лучше.

Дмитрий Темерев. МАЛАХИТОВАЯ МЕСТЬ

Пролог

Рассыпавшись яркими всполохами светящихся спор, светогриб закачался от моего пинка и изменил цвет с желтого на фиолетовый.

– Больше никогда так не делай, Полоз, – предупредил меня отец.

Словно в подтверждение его слов, вдалеке раздался гор-танный рев. Вместе с тем, поле светогрибов в этой пещере, размерами больше походившее на море, пришло в движение.

– Пожиратели малахита услышали нас, – шепотом сказал он. – Снимаемся и уходим обратно в город.

– Извини, – опустив глаза, буркнул я.

– Не страшно, ты же не знал, – ответил отец, и его рука легла мне на плечо. – Попробуем еще раз. Сейчас главное не попасться им на глаза и успеть добраться до города.

Старый и мудрый исследователь глубин, коим был мой отец, поднял с земли камень и запустил его в грибное море света за нашими спинами. Мы похватали торбы и припустили по узкой галерее, через которую вышли к полю десять

минут назад.

Сзади раздался звериный визг, и движение моря изменилось. «Малахитники поменяли свой курс», – подумал я. Отец выиграл нам время.

Они нагнали нас уже под самыми стенами города. Отец велел мне бежать, а сам прикрывал отступление ровными и точными выстрелами из пищали.

Я забежал в ворота и без сил упал на брусчатку, переводя дух. Ворота шумно закрылись за спиной. Со стен раздавались громогласные выстрелы пушек и мортир. Я не мог поднять глаза и только шумно дышал после самого большого в моей жизни забега.

Спустя несколько минут я смог отдышаться и огляделся. Вокруг сновали дружинники в красных кафтанах. Никому не было дело до мальчонки, лежавшего на грязной брусчатке. Отца нигде не было.

– Эй, парень, – раздался сверху голос, привыкший повелевать.

Я поднял взгляд и увидел громадного дружинника с черной густой бородой. Он скупно улыбнулся и протянул мне свою мозолистую ладонь.

I

С того самого момента, когда я остался один, я зарабатывал на жизнь добычей шкур малахитников. С ними у меня

были личные счета, и я делал это лучше всех в Подмирье.

Светокамни, усыпавшие свод гигантской каверны, в которой находился Город, сегодня излучали приглушенный зеленый свет. Это считалось хорошим знаком.

Под ногами то и дело сновали пещерные крысы, а в воздухе пахло мокрым камнем. Где-то час назад я пересек границу пафосного центрального круга и сейчас шел через отвратительные трущобы.

Два часа назад я получил письмо с печатью моего помощника Байрака. В нем говорилось, что настоящие убийцы моего отца не малахитники и что они нашли их. Это и привело меня сюда, в этот грязный район отверженных и обездоленных.

Завернув за угол одной из покосившихся хибар, я увидел метнувшуюся ко мне тень и вспышку света.

Очнулся я уже привязанным к стулу. Зрение фокусировалось не сразу, а во рту стоял такой знакомый вкус крови. Через несколько мгновений я снова начал видеть. Вокруг были длинные ряды стеллажей и пять фигур в лохмотьях. Их лица были скрыты, а это значило, что они планируют меня отпустить.

– Вы все здесь умрете, – полным стали голосом сказал я и сплюнул кровь на пол.

– Нет, все будет не так, – змеиным шепотом начала одна из фигур, худой как скелет мужик со шрамом на лице, – сначала мы тебя...

– Давай завязывай, это мое девятое похищение. Кто вы и что вы хотите? У меня нет времени на запугивания и пытки.

Мои горе-похитители переглянулись. Видимо, их наниматель не сказал, кто я такой, чтобы сэкономить на оплате заказа.

– Молох сказал, что ты можешь быть несговорчивым, – тем же шепотом продолжил главарь и достал из-под полы плаща небольшой переливающийся сине-зеленый кристалл.

В ту же секунду воздух взорвался выстрелами пищалей. Картечь забарабанила по каменному полу. Я закрыл глаза, а когда открыл – передо мной лежало четыре тела. Сзади слышался топот сапог и на плечо опустилась рука.

Я встал и окинул своих спасителей быстрым взглядом. Байрак, шестеро охотников из моей артели и седой старик.

– Правильно ли я понял, что кто-то украл твою печать и обманом заманил меня сюда? – спросил я Байрака.

– Все так, мой господин, – коротко ответил он.

– Хорошо, но тогда откуда ты знал, где меня искать?

– Этот старик пришел в крепость артели и сказал, что ты в большой опасности. Я выслушал его, мы догнали вас как раз в тот момент, когда один из этих оборванцев оглушил вас.

– И не стали вмешиваться, пока они не раскроют своего нанимателя?

– Да, все так, – как всегда лаконично ответил мой помощ-

ник.

Я кивнул и принялся разглядывать старика. Он был одет в старую изорванную мантию с капюшоном. Все его лицо покрывали морщины, волосы на голове и лице были абсолютно белыми, а из-под капюшона светились умом и решительностью голубые глаза. Черты лица казались знакомыми, но я не мог вспомнить, где я видел этого нищего.

– Кто ты и откуда узнал, что мне нужна помощь? – свысока спросил я.

– Я слежу за тобой уже пятнадцать лет. Я твой отец.

– Пф. Если бы мне давали по копейке каждый раз, когда я это слышу, то у меня уже был бы рубль! – с нескрываемым презрением выплюнул я. – Свяжите этого интригана и доставьте в крепость.

Я резко отвернулся от своих людей и пошел в сторону бывших похитителей, лежавших около стула. Все они лежали там, где их застала картечь. Только тела было четыре, а не пять. Главаря среди трупов не было. Куда он мог деться?

– Байрак! – гаркнул я.

– Да, мой господин, – ответил он и поспешил встать рядом со мной.

– Вы дали пятому просто уйти?

– Никак нет. Он использовал кристалл перемещения ровно в тот миг, когда я выстрелил в него. Попал я или нет – неизвестно.

– Да уж, если бы кристаллы не стоили по триста рублей,

то я бы вообще пешком не ходил, – с ухмылкой отметил я. – Это говорит о том, что Молох многого ожидал от этого похищения.

– Молох, мой господин?

– Да. Сбежавший труп упомянул его имя, – сквозь зубы сказал я.

– Тогда нам нужно скорее попасть в крепость, господин, только там мы сможем вас защитить.

Наш отряд и оборванный старик со связанными за спиной руками вышли из этого кладбища похитителей и направились в сторону стойбища нетопырей. Байрак и его ребята резво отвязали девять этих летающих порождений ада, а кто-то уже запрыгнул им на загривок и проверял поводья.

Меня всегда пугал вид гигантских летучих мышей. Поэтому я старался не пользоваться этим видом транспорта. Даже если мне приходилось добираться до Сосульки, я предпочитал подниматься по лестнице. Да, гладкий как шелк и черный как ночь мех, да, ты можешь летать и вообще очень быстро перемещаться, но эти глаза. Черные не как ночь, а как проклятая бездна. Будто на тебя смотрит тьма загробного мира. Нет, только по большой нужде, не могу себя пересилить.

Мы набирали высоту, и перед нами открывался Город. Он имел два ряда стен: внешние и внутренние. Внешние шли по всей окружности Города и защищали от ужасов нашей

подземной родины. Внутренние же позволяли отгородиться от нищеты изгоев, стекающихся в Подмирье. Наверху они были почти что рабами, крепостными. Здесь же становились свободными. Однако мало кто умеет пользоваться свободой, и по сути их положение в обществе оставалось неизменным.

Стены делили Город на центральный и внешний округа. Те, в свою очередь, делились на районы. А над всем этим высилась Сосулька. Целый район, построенный в гигантском сталактите, висящем над центральным округом.

Крепость находилась в центральном округе, недалеко от лестницы к Сосулке. Это был район, в котором земля была по карману только избранным, таким, как я. Не для того мои предки поколениями выживали в полных кошмаров подземельях, чтобы я жил как все.

Ледяной ветер свистел в ушах, могучие крылья моего нетопыря гребли воздух и рывками толкали эту гигантскую тварь за нетопырем Байрака. Тот был во главе клина и держал направление. Удар, которым меня оглушили, не прошел без следа, и сейчас мне хотелось спать. Я поглубже зарылся в теплую шелковистую шерсть и улыбнулся.

Мне вспомнились байки караванщиков о гигантском небесном светокамне, который, дескать, висит просто в воздухе и даже несколько месяцев в году согревает их. Честно сказать, мысль о мире без крыши пугала меня больше глаз нетопыря. Кем бы я стал там? Купцом? Воином? Рабом на мануфактуре? Погрузившись в фантазии о мире на по-

верхности, я и уснул.

II

Проснулся я уже в своей комнате. Видимо, охотники не стали будить меня и дотащили до кровати, где я и уснул. Нужно поговорить с Байраком и решить, что делать с этим Молохом.

Я оделся и вышел в общую залу. За круглым столом в центре залы уже сидел Байрак и еще двое старших охотников. Поприветствовав их кивком, я присел на свободный стул. Мебель была по спартански минималистичной, как и все убранство крепости. Это место для работы, а не для развлечений. Байрак что-то обсуждал с лысым охотником с рыжей кудрявой бородой. Его звали Лис. Не только из-за рыжего цвета остатков волос, но и из-за хитрости.

– Мы можем просто пойти в суд! – восклицал мой первый помощник.

– Это Молох, он просто купит суд, – хриплым баритоном парировал Лис. – Добыча шкур малахитников просто его хобби. Зарабатывает он добычей и продажей полезных камней. По слухам, на это дело Молоха подрядил сам мэр.

– Но если просто сидеть сложа руки, он заберет у нас всю артель! – рявкнул Байрак и, не сдерживаясь, ударил по столу кулаком. Его глаза пылали праведным гневом.

– Позвольте вмешаться, господа? – нарочито вежливо на-

чал я. – В чем причина сего спора?

– Господин, – проигнорировав мой дурашливый тон, переключился Байрак, – вы проспали чуть больше суток. За это время посыльный от Шкурной Ассоциации передал письмо, в котором нам предписывается отдавать еще двадцать процентов добытых шкур каждый месяц. Молох же, как мы знаем, председатель этой Ассоциации.

– Но ведь еще двадцать процентов поборов и мы начнем работать в убыток?

– Да, все так. Поэтому мы и собрались здесь, пока вы спите. Нужно что-то решать. Молох, как водится, не может остановиться и продолжит выкачивать деньги из всего, до чего сможет дотянуться. Скорее всего, он просто пытается выжать нас с рынка.

– Может, просто нагрянем к ним ночью и всех их перебьем, пока они спят? – в шутку предложил я.

– Это не лишено здравого смысла, господин. Возможно, вам стоит поговорить со своим отцом по этому поводу.

– С тем грязным стариком? – скривился я от отвращения.

– Как бы он и выглядел, он действительно ваш пропавший отец. Он ждет вас в трапезной, я думаю.

Не говоря больше ни слова, я вышел из-за стола и направился разбираться с блудным предком. Я открыл дверь и зашел. Передо мной была фигура постаревшего за эти пятнадцать лет отца. Он сидел в трапезной артели, потирая оставленные веревкой ссадины. Седые волосы, паутинки морщин

в уголках глаз. Я будто смотрел на себя в старости.

– Понимаешь, сын, – с грустью в голосе начал он, – это были времена, когда Подмирье только-только начало расстраиваться. Мы тогда еще даже и не знали, что будет хорошо покупаться на поверхности. Я решил продолжить заниматься тем, что у меня получалось наверху. Охотой.

– А, это ты охотился все эти годы? – с раздражением бросил я.

– Нет, все эти годы я следил, чтобы Молох исполнил свою часть сделки и ты остался жив, – отрезал отец. – Мы делили шкуры, и этот змей в один день пообещал, что убьет тебя, если я не брошу свою артель. А еще он доказал, что это не просто слова. Я решил исчезнуть и приглядывать за тобой из тени. Случая лучше, чем та пробежка от малахитников, просто не было.

– И сегодня Молох нарушил свое слово и тебе пришлось вмешаться?

– Да, так и есть.

Я расплылся в улыбке. Все один к одному. Молох был камнем в сапоге нашей компании. Он уже давно отравлял мою жизнь. Его артель всегда была больше моей, и мы выигрывали только за счет лучших тактик охоты.

– У меня есть двадцать семь бочонков пороха, около сотни ружей и тридцать девять охотников. Давай заявимся в его логово, заберем все, что есть, и выгоним из Подмирья, – предложил я отцу.

– Хорошая идея, – заговорщицки ответил тот.

Эти образы вспышками летят перед глазами, пока мой истекающий кровью отец отдает душу богам из-за шальной пули. Я сижу на ступенях перед коваными золотом резными дверьми своего, теперь уже кровного, врага. Одной рукой я сжимаю остывающую ладонь, а другой кортик Байрака. Вокруг барабанит картечь, а глаза застилает пелена ярости.

«Такова цена успеха», – мелькает последняя мысль.

III

Я, отец, Байрак и еще двадцать три охотника заявили к резиденции Молоха во всеоружии. Здание представляло собой небольшой готический замок с высокой башней по центру. Сразу было понятно, что в этой башне как раз тот, кто нам нужен.

– Сложите оружие и никто не пострадает! – громогласно продекламировал Байрак своим низким голосом.

В ту же секунду раздались первые выстрелы и охотники начали падать как марионетки, у которых обрезали нити. Стреляли из бойниц в стенах замка, отстреливаться было бессмысленно. Поэтому мы что есть сил рванули к воротам. А слева и справа хорошие люди продолжали падать на брусчатку.

Добежав до ворот, мой отец подмигнул и скинул с се-

бя рюкзак. Он вытянул из замаскированной бомбы фитиль и поджог его. Все мы укрылись в нишах, которые для красоты были в стенах. Однако взрыв был такой чудовищной силы, что несколько охотников лежали на земле и держались за уши. Из-под их пальцев сочилась кровь, а сами они не понимали, где находятся. Проверять их дела было нельзя, нам нужно было торопиться.

Оказавшись внутри, Байрак выхватил свой кортик и буквально взлетел на стену по каменной лестнице. Одновременно с этим начали слышаться короткие крики боли, проклятия и выстрелы. Мой помощник был мастером холодного оружия. И сейчас он доказывал свое мастерство, вырезая стрелявших по нам из бойниц защитников крепости.

Это была западня. Весь внутренний двор крепости был усеян баррикадами. Везде были солдаты Молоха. Они были экипированы сильно лучше, чем мои охотники. Но были ли они так же хорошо обучены? Это нам предстояло выяснить.

Воздух взорвался выстрелами, и дым заволок поле битвы. Моя пицаль была сделана как чудо техники. Я просто менял стволы, вместо того чтобы чистить один каждый раз после выстрела. Это давало мне невероятную скорострельность.

Вдох, выстрел, погибший прихвостень вероломного Молоха, перезарядка. Выдох, выстрел, погибший прихвостень проклятого Молоха, перезарядка. Спустя десять прихвостней стволы все-таки кончились. Я сел за баррикаду и начал прикручивать штык-нож к своей, ставшей бесполезной, пи-

щали.

Но выстрелов не звучало. Когда пороховой дым рассеялся, оказалось, что мы убили всех защитников внутреннего двора. Однако мы не вышли из этой битвы без потерь. Байрак лежал среди кучи мертвых врагов, как языческий король древности. Глаза его были закрыты, тело неподвижно, но рука до сих пор сжимала кортик.

Оплакивать будем после. Я выхватил из его окоченевших пальцев кинжал и повел в бой остатки того, что раньше было моей артелью. Нужно штурмовать башню и убить Молоха. Потому что за смерть Байрака может быть только одно наказание. Этот громадный охотник с черной густой бородой стоил десятка любых других.

Очевидно, внутри башни на каждом этаже были баррикады. Но отец, годами вынашивавший план мести, был готов и к этому. Он поджег дымовую шашку, и весь воздух в башне стал белым как молоко. Будто невидимки, мы с ним и оставшиеся охотники крались и нападали на солдат, сидящих в укрытиях. На последнем этаже эффект от шашки начал слабеть и мы оказались как на ладони.

Солдаты Молоха не стали ждать и вскинули пищали. Мгновение растянулось как целый день. А уже в следующее все солдаты были подстрелены, с нашей стороны стоять остался только я. Отец лежал на каменных ступенях и тянул мне пистолет. Я взял его руку и почувствовал, как жизнь по-

кидает его тело.

– Отомсти, – шепнул мой вновь обретенный и уже навсегда потерянный отец.

* * *

Ударом ноги я распахиваю кованые золотом резные двери в личные покои Молоха. В левой руке зажат пистолет, а в правой кортик. Архивраг сидит на троне из малахита, а слева от него стоит тот самый похититель со шрамом.

– Мой милый Кош, – обращается Молох к своему подручному, – познакомься, это По...

В грудь Молоха со свистом вонзается брошенный мной кортик, пробивая это старое дряхлое тело насквозь и со звоном ударяясь в мастерски сработанный малахит. Уже на бегу гремит выстрел и в Коша летит пуля. При попадании одна из склянок на поясе этой змеи взрывается снопом искр. Его швыряет на пол, попутно обжигая колдовским алхимическим пламенем.

В несколько прыжков я настигаю последнего оставшегося в живых врага и ставлю ногу ему на грудь.

– У меня семья... – натужным голосом начинает сипеть Кош.

– Это никого не волнует. – отрезаю я.

Ударом ноги я ломаю гортань лежащего приспешника и иду дальше, к окну. Из окна весь Город как на ладони.

Красиво. Сзади в предсмертной агонии хрипит поверженный враг. Я расплываюсь в улыбке. Наконец-то месть совершена. Хороший сегодня день был.

Для чего же все-таки я был рожден? Чтобы устилать прилавки шкурами малахитников? Или чтобы устилать свой путь трупами врагов?

Лиса Самайнская. ШЕСТЬ, СЕМЬ – НАВЬ ЗДЕСЬ НАСОВСЕМ

– Дедушка-домовушка, заходи в наш домушко, хлебушко покушать, новую хозяйку слушать...

Холодный порыв ветра едва не потушил свечу в руках девушки, заставляя наклониться над огоньком, дабы спешно прикрыть единственный источник света. Паша неловко поправила большой платок на голове, который уже медленно сползал с нее. Тихий шелест деревьев и потрескивание фитиля никак не помогли ей сосредоточиться. Она не могла понять, отчего дрожит: то ли от холода, то ли от страха. Девушка осторожно выдохнула, наблюдая за облачком пара и краем глаза поглядывая на дом, стоящий на столбах. Окруженная пахучими елями, желтым можжевельником, словно вечно больным, увядающим, обитель будто отчаянно кричала, умоляя о спасении. Близ дома не было ни дорог, ни единой души – поселок располагался внизу, у подножья невысокой горы, на вершине которой всегда так жутко по ночам, одиноко. Жаль, что этот обряд нельзя было сделать днем...

Паша вновь поежилась.

Со смерти старухи прошла всего пара недель, а домовой уже начал против девушки бунт. В первый день, как она перебралась в дом, Паша еле продрала глаза, поднялась с кровати, а вокруг... Ее разбросанная одежда – мятая, будто потоптанная, собранная в одну большую старую сумку.

– Гостеприимно... – процедила она сквозь зубы, пиная свою же лежащую кофту.

Кое-как Паша привела все в порядок, разобрала вещи, вернув их по шкафам, как с кухни донесся скрип и затем страшный грохот – рухнул здоровенный шкаф с сервизом. Остатки его осколков девушка со слезами от боли еще несколько дней находила в своих ногах, ведь тапки – сколько бы она ни приносила новых – все время пропадали, а вся обувь вечно оказывалась за порогом.

Но на этом ее несчастья не заканчивались. Однажды вечером бедная Паша, ключущая носом над очередной книгой бабки на кухне, взбодрилась благодаря резкому холоду, обволокнушему ноги – она так и не поняла, почему не заметила, как тихое капание крана переросло в потоп.

– Черт, черт, черт! – Паша всеми силами пыталась перекрыть кран, но вода из него хлестала сама по себе, срывая все петли и механизмы постепенно усиливающимся потоком.

Мокрая, уставшая, Паша надеялась хоть немного отдохнуть. Собрав остатки чистой одежды, она сходила к колодцу за водой, а вернувшись обнаружила, что не может даже от-

крыть дверь. Будто кто-то удерживал ее с другой стороны, не давая войти внутрь.

– Да какого черта?!

Паша сначала билась, думая, что просто сильно захлопнула ее, но потом пошла на крайние меры – кое-как она открыла окно, подставила пару бревен и забралась внутрь, счесав при этом колени и руки, добралась до двери и... Просто открыла ее.

– Черт бы вас всех побрал... – пробормотала она, чувствуя резкий запах протухших яиц. Странно, вроде у нее их не было.

Однако вершиной терпения стали разбитые одним утром зеркала во всем доме. Бедные пятки Паши не были готовы к новой порции боли.

«Он меня ненавидит...»

Как и она его и всех этих сущностей.

Девушка перевела взгляд на комод, где стоял портрет старухи в молодости. Иногда Паше казалось, будто это ее фотография, лишь глаза выдавали чужого человека. Она побаивалась своей бабки и всех ее темных дел, вздрагивала, лишь проходя мимо ее портрета. Старуха никогда не делала зла ни ей, ни другим, однако сама возможность уже вызвала страх. Ее жуткие глубокие глаза, в которых таились знания, что другим и не снились, навсегда оставались у всех в памяти до конца жизни. Лишь она могла с холодным лицом сказать человеку о скорой кончине или приближающейся неиз-

лечимой болезни. Ее тяжелая энергетика никогда не располагала к теплой семейной обстановке, но Паша считала своим долгом навещать старушку вопреки ее ворчаниям. В один из дней девушка застала страшную картину – бабка лежала на кровати, ворочаясь и крича, как не в себе, но, завидев внучку, распахнула глаза и вцепилась в ее руку. Паша, напуганная до смерти, не могла проронить ни слова, даже слезы застряли комом в горле. И лишь с ее приходом старуха выдохнула, легла, и только голова коснулась подушки – на душе наступил покой, а сердце тихо остановилось.

Ее ужасный дар невольно перешел на плечи Паши, и это означало одно – придется передать его дальше, если она не хочет умереть в таких же страшных мучениях. Все знакомые, прознав о ее даре, быстро окрестили Пашу Азовкой, которую по легендам заточили в пещеру за дружбу с разбойниками да преступниками. Девушка не желала такой судьбы – сидеть да плакать всю жизнь в одиночестве, – но ничего уже не могла с этим сделать. Заложница родового дара, теперь она вынуждена нести это бремя до конца своих дней. Сама виновата...

Паша открыла злополучный сундук со старыми вещами бабки: куча банок-склянок, тряпок, и вот на самом дне лежала та самая потрепанная книга... Страницы в ней уже пожелтели, некоторые рассыпались прямо в руках. Девушка с интересом смотрела на закладки в виде цветов, которых прежде не видела. Раньше бабка запрещала трогать ей все

эти предметы. В огромном количестве рукописных заметок Паша все же нашла один обряд, который смогла прочитать, – на очищение дома для новой хозяйки. Она тут же начала копаться в поисках необходимых принадлежностей.

Паша решила не пропускать ужин, голодной обходя дом. Звуки урчания в животе явно не помогут ей сосредоточиться.

Она перевернула оладушек, понимая, что затея была плохая: ни одного красивого и съедобного. Огонь на плите будто издевался, жаря так сильно, что просто сжигал тесто.

– Не поем я сегодня, да? – она хмуро смотрела на обугленные оладьи.

Рассудив, что лучше так, чем ничего, Паша лишь соскоблила ножом все корочки и, корчась, впихнула в себя пару штук, чувствуя ужасную горечь.

– Пора начинать... – проговорила она себе, наклоняясь над сундуком.

Пусто. Не было ни свечки, ни платка. Даже книга исчезла. Сундук был абсолютно пустой.

Паша закипела:

– Да черт возьми, черт возьми! Сколько можно?! – вскрикнула она и тут же вздрогнула от резкого стука в окно, осторожно подходя ближе.

По ту сторону стекла возле рамы лежал мертвый воробей.

Паша до ночи искала все свои приготовления. Как назло, они были разбросаны по всему дому. Свеча лежала под ее

подушкой, платок застрял под половицей. Вот только книгу она не нашла. Плюнув на это дело, Паша решила поскорее закончить с этим. Она вооружилась найденными вещами и направилась на улицу. Ждать она уже не могла. Да и нужно-то было лишь трижды обойти дом, ни на что не оглядываясь и шепотом повторяя заговор. Небольшая цена за спокойную жизнь в доме.

* * *

Дождавшись темноты, она боязливо вышла на порог, молясь лишь на помощь предков. Паша осторожно начала зажигать спичками свечу, но все никак не получалось.

– Вот черт... – она снова провела по ребру, и в руке ее загорелся долгожданный огонек, что едва не обжег ее пальцы, подпаливая край платка.

Паша суетливо отложила спички на подоконник и решительно двинулась вперед.

Тусклая луна будто умирала, настолько близко она казалась к земле.

– Раз, два – время колдовства, – отсчитывала Паша шепотом ступеньки от порожка, как это делала старуха, спускаясь вниз, – три, четыре, пять – пора исполнять... Шесть, семь – навь здесь насовсем...

Свеча колыхнулась, и Паша тут же прикрыла ее рукой. Она осторожно дошла до забора с частоколом, нервно погля-

дывая на порог дома.

«Надеюсь, в этот раз не придется лезть через окно...»

Пора начинать первый круг.

– *Дедушка-домовушка, слушай, не серчайся, на меня не обижайся... Счастье мое сберегай, дом охраняй...* – медленно заговорила Паша, стараясь ничего не забыть.

Первые шаги давались ей с трудом, ведь девушка отвлекалась на каждый шорох. Треск веток – и она останавливалась, боязливо озираясь, однако тишина и темнота лишь сильнее давили на нее, поторапливали скорее закончить обряд. Постепенно собственный нашептывающий голос успокоил Пашу, шаги становились все увереннее и быстрее. Этот круг она прошла довольно легко, и даже резкие звуки из глубин леса и гор уже не пугали ее.

На втором кругу Паша заметила, что свеча стала странно дергаться и выпускать черный дым.

– *Дедушка-домовушка, слушай, не серчайся, на меня не обижайся... Счастье мое сберегай, дом охраняй...*

Девушка поежилась, чувствуя, как по спине и ногам пробегают табуны мурашек, но не остановилась. На последнем обходе все звуки постепенно смолкли: деревья будто замерли вместе со свечой, лишь воск стекал по пальцам остановившейся от испуга девушки – сзади слышались шаги. Сердце Паши сжалось от страха. В такой глуши ведь нет никого, кроме ее.

– Не домового тебе надо встречать как новой хозяйке, Па-

шенька. Али не научила тебя старая?

Она испуганно опустила глаза в землю. Пара сапог оставилась прямо перед ней, а юношеский голос продолжал:

– Другой обряд нужен, милая.

Паша осторожно подняла голову и встретила взглядом с темными – словно весь лес в них отражался и плотоядно смотрел в душу – глазами. Девушка едва не шагнула назад, бросаясь к дому. Паша вцепилась двумя руками в свечу, будто она могла как-то спасти ее. Она судорожно пыталась понять, кто же перед ней: шаги слышны, а тени нет, даже пар изо рта не идет. Хозяином леса был леший, но бабка говорила ей, что тот уже старый, «помирать ему скоро». Так кто же он? Обряд ведь уже подходил к концу, не могла же она кого-то чужого призвать?

Паше никак не удавалось успокоить выскакивающее из груди сердце. Она вмиг забыла все заветы своей старухи.

– Отчего молчишь, Пашенька? – склонил он голову набок, вглядываясь в ее лицо. – Али немая ты?

Бабка никогда ни с кем не разговаривала во время обрядов. Девушка, помня это, держала язык за зубами.

– Пашенька, – ласково, но с легким нажимом начал он, – ты же не хочешь быть здесь, читать заговоры да задабривать домовых?

Девушка молчала, не решаясь подавать голос. Она внимательно смотрела на юношу и спешно вспоминала все, что ей когда-либо говорила бабка, однако в голове всплывали лишь

ее пронзительные глаза, полные укора.

– Давай так, – продолжал молодой человек, – сейчас мы с тобой зайдем в дом и проведем вместе другой обряд. Впустишь меня, Пашенька?

Девушка же дрогнувшим голосом перебила его:

– Чур меня!

Она загнанным зверьком смотрела на него снизу вверх. Как же он может избавить ее от этого дара?

Однако юноша добродушно улыбнулся, услышав чужой голос:

– Негоже отказываться от даров, Пашенька, – сказал он, любезно протягивая ей руку, желая сопроводить до крыльца. – Только в другую сторону нам надо.

Девушка, словно замороженная, смотрела на чужую руку, кусая нижнюю губу изнутри.

А может согласиться? Вдруг это ее шанс перестать быть Азовкой? Спасти свое будущее, свою привычную жизнь...

Лишь потянула она свою руку, как огонь свечи в другой ярко вспыхнул, ослепляя, и в голове закричали слова старухи: *«Никогда ничего не спрашивай у ночных жителей гор! Не соглашайся и не впускай их в дом!»*

Девушка резко выдохнула облако пара и отшатнулась.

«Никогда не прерывай обряд! Всегда смотри на знаки, что даются перед ним!»

Сердце предательски громко застучало. Все тело будто стало мертвенно ледяным. Что же она наделала?

– Чего же ты, Пашенька? Пойдем медленно в дом, как раз свечка догорит.

Паша бросила взгляд вниз. Дрожащие холодные руки ее уже были в черном воске, а огонек колыхался на последнем издыхании.

На чем же она остановилась? Надо срочно заканчивать обряд хоть как-нибудь... Бабка ведь говорила, что предки всегда защитят...

Паша снова выдохнула, прикрыла глаза и торопливо шагнула вперед мимо странного незнакомца.

– *Дедушка-домовушка, счастье мое сберегай...*

– Нет!

Лицо юноши миг изменилось. Не было ни добродушия, ни следа улыбки. Лишь громогласный вопль, подобный рыку, от которого девушка едва не расплакалась. Молодой человек резко поддался вперед, дабы схватить Пашу за плечо, но свеча ее снова ярко вспыхнула, отчего незнакомец с громким криком отдернул руку, захватив с собой платок. Он злобно зашипел, обнажая острые зубы:

– Мерзавка! Уже поздно! Иди со мной подобра, не то худо будет!

Ей показалось, будто на голове юноши мелькнули черные рожки, отчего она, не разбирая дороги, как можно скорее бросилась к дому. Одной рукой Паша прикрывала огонек, уже не обращая внимание ни на юношу, ни на слетевший с ее головы платок.

– Дедушка-домовушка, счастье мое сберегай, дом охраняй, чужих выгоняй...

– Сама ведь, как здесь зажила, звать меня стала, а теперь убегаешь? – донесся до нее чужой гремучий смех.

Паша отчаянно прикусила губу. Вдруг все получится? Вдруг домовый уже принял ее? Вдруг...

«Помни, Пашка: домовята не пакостят! Они всегда оберегают! Прислушивайся к голосу дома!»

Неожиданно возникшие в голове слова бабки, словно кричащие с того света, ударили обухом. А что, если ее и не пытались изжить? Что, если Пашу оберегали, пусть и такими способами? Пытались отвадить от опасного дома в лесу с сущностями, которые на самом деле желают ей зла? Прятали вещи, словно стараясь отговорить от глупых затей? Тогда весь обряд был бессмысленным... Но прерывать его теперь нельзя.

Она сама загнала себя в ловушку. Разбилась, не заметив столь тонкой грани с иным миром, как тот чертовый воробей.

Какая же она дура! Стоило внимательнее слушать родную старушку...

Нахлынувшие воспоминания о счастливом детстве, проведенном в горах, обволокли сердце странным теплом. Бабушка ведь часто играла с ней, давала свои малахитовые шкатулки с невероятными драгоценностями, камни-самоцветы которых переливались настолько ярко, что можно бы-

ло ослепнуть. Старушка расстилала на полу свой платок и бросала на него эти камешки, после чего рассказывала Паше о ее счастливом светлом будущем. Лишь однажды бабушка ничего ей не сказала, бросая камни вновь и вновь, будто бы не желая чего-то видеть...

– Ой, не надо тебе приходить сюда, Пашка...

– Почему, бабушка? – девочка подняла зеленый камень, смотря одним глазом через него, замороженная калейдоскопом бликов.

– Беду на себя накликаешь...

– Так научи меня, бабушка, всему, что умеешь!

Старушка лишь покачала головой, забирая у внучки камешек:

– Напутаешь ты все, Пашка, а с обрядами так нельзя. Раз начала, так и заканчивать надо, а коли не так закончишь – беды не миновать.

Но девочка будто не слышала ее. Лишь со временем она стала замечать, как к старушке относятся другие люди. Как косо смотрят соседи, боязливо родственники. А ведь дети все так быстро подхватывают...

На глазах Паши выступили слезы.

Неожиданно с гор подул сильный ветер, раскачивая деревья и завывая так, что впору проснуться всем жителям леса. Паша близко прижимала к себе этот спасительный огонек, уже не боясь его ожогов. Она лишь молилась, чтобы он не погас.

Немного оставалось до родных ступенек, когда чужая фигура перекрыла ей путь. Паша едва не влетела носом в молодого человека. Забывшись, он вновь хотел схватить ее за руку, но неожиданно замер.

Паша напряженно отпрянула.

– Чур меня!

Незнакомец с легким смешком вытянул руки ладонями вперед, будто показывая, что безоружен и неопасен:

– Чего же ты, Пашенька, так испугалась? Не бойся, милая, – он сделал шаг вперед, но Паша тут же вытянула перед собой свечу, отчего юноша вздрогнул и отступил, недобро прищурившись.

– Не знаешь законов гор и леса, а лезешь в обряды, – выражение его лица вновь смягчилось. – Но я прощаю тебя, Пашенька, еще не поздно зайти в дом вместе. Впустишь меня?

Паша смотрела на него исподлобья, не переставая тяжело дышать. Она уже еле ощущала тепло свечи в руках, но родной порог дома был так близко, он придавал ей сил не опускать руки.

– Нет!

Она пошла напролом, и молодой человек послушно отошел в сторону, дабы не обжечься еще раз. Жаль, не видела уже Паша чужого выражения лица. Молодой человек победно прислонился к лестнице, наблюдая за девушкой и шепотом приговаривая считалочку:

– Раз, два – время колдовства...

Паша бросилась вверх по ступенькам, перескакивая через одну. Она уже не считала их, не пыталась соблюдать хоть что-то из старой книги, снова разом забывая все. А ведь бабушка, даже возвращаясь домой, не переставала считать ступеньки – только наоборот, будто бы *прощаясь с навью и возвращаясь в явь*.

Девушка отодрала одну ладонь от воска и вцепилась в ручку двери, резко открывая ее. Но яркие приливы радости и восторга исчезли так же быстро, как и пришли: жесткий порыв сквозняка погасил умирающий фитилек. Паша в ужасе смотрела на темный интерьер дома, мрак которого не нарушала даже тихая луна за окном. Казалось, стены стали каменными, холодными, а кровать без подушек и одеяла выглядела как жертвенный алтарь, по углам будто прятались чьи-то тени, словно души, не нашедшие покоя. Запах плесени и сырости смешивался с чем-то сладким и одновременно горьковато-тошнотворным, напоминая гниющую плоть.

Паша видела поднимающийся вверх черный дымок, чувствовала, как застывает на ее руках воск, сковывая навечно.

Лишь тихий завет звучал в голове: *«Никогда не поминай черта, Пашка... Не то придет рогатый – вовек не избавишься... А черти они такие – ляпнешь им „возьми“, так заберут все, что только видят...»*

Она ведь даже не успела зайти в дом.

На плечо девушки легла чужая холодная рука, до боли сжимая его.

– Три, четыре, пять... – раздался шепот над ухом, – время поиграть...

И он переступил порог.

Елена Данилова.

МАСТЕРСТВО

– Чем занималась целый день? – спросил отец, заходя на кухню с папкой под мышкой.

Он не бросил папку в прихожей, как обычно, и теперь она ему очень мешала.

– По хозяйству хлопотала: обед сварила, полы помыла, скотине корм дала. Все, как вы велели, батюшка, – ответила Тёпка, сидя на полу с кошкой.

– Степанида! – сердито воскликнул отец, но потом рассмеялся: – Опять ты за свое!

Он пристроил папку на стол и потянулся к кофемашине.

– Нечего было любимую дочь в честь прапрабабки называть, терпи теперь, – Тёпка выпустила кошку и кинулась обниматься.

Отец погладил дочь по голове, та уткнулась ему в бок и довольной отчиталась:

– Котлеты в микроволновке, робот-пылесос включила и Басе консервы открыла, – потом вздохнула: – В пятницу родительское собрание будет. Ты же не пойдешь?

– Не пойду, – согласился отец. – Давай котлеты, я такой голодный, что съем штук восемь.

– Столько нету, – хихикнула девочка. – Тебе две и мне

две. А мама тоже не пойдёт?

– И мама не пойдёт. Тёпка, признавайся, что натворила?

– Почему сразу натворила? – возмутилась она. – Не натворила. Записалась. На конкурс.

– Конкурс – это хорошо, – пробормотал отец и сосредоточился на котлетах.

Ненадолго повисла тишина. Отец торопливо ел, дочь резала котлету на маленькие кусочки и закапывала поглубже в пюре.

Отодвинул пустую тарелку, взял кружку с остывшим кофе, сделал большой глоток.

– Кстати, а что за конкурс? – вспомнил он и откинулся на спинку стула, довольный жизнью.

– Не конкурс, а Конкурс, – с придыханием поправила Тёпка. – Тот самый, «Испытание мастера». На котором мастера ищут себе учеников. Ну папа!

– А, этот конкурс! – сообразил наконец он. – Погоди, а тебе не рано ли? Туда разве не с пятнадцати лет берут? – уточнил с подозрением.

– С пятнадцати, – пробормотала она, заинтересовавшись видом из окна. – Но если родители разрешат, то можно и раньше. Только надо прям письменное разрешение, потому что тот, кого мастер выберет, сразу уходит в ученичество. Напишешь? Пожа-алуйста.

– Даже не думай!

Тёпка подвинулась к отцу близко-близко и просительно

заглянула в глаза. Прекрасно знала, что тот долго не выдержит.

– Ну пап...

– Тёпка, ты серьезно? – Отец устало потер переносицу, подбирая слова: – Это же очень опасно! А если силы не хватит? Сгоришь ведь, мы с мамой не переживем. Или родить потом не сможешь, тоже ничего хорошего. Уже лет сто, если не больше, камнерезы – только мужчины.

Тёпка вздохнула и попробовала зайти с другой стороны:

– Ты же сам рассказывал, прапрабабка Степанида такое вырезала, что никто повторить не брался! Цветы, птицы, бабочки... а украшения какие! И никто, наверное, ей не запрещал.

– Некому запрещать было. Она сиротой росла у мастера в доме, а у него учеников аж трое было, вот и не уследил, когда девочка взялась за фрезы. Пришлось учить, чтоб не покалечилась.

Тёпка вздохнула еще раз. Отец тоже вздохнул.

– Да упрямая она была, как черт! – рявкнул вдруг он. – Мастер, как ни бился, не смог переупрямить. Красиво резала, не поспоришь. Но в тридцать пять уже вся седая была, понимаешь ты или нет? Все, иди к себе. Разговор окончен.

Девочка хотела что-то сказать, даже рот открыла. Но посмотрела, как отец вертит в руках папку, а потом, размахнувшись, кидает ее через всю кухню в сторону мусорки, и молча пошла к себе. Она старалась сдерживаться, и первая слезин-

ка упала уже за закрытой дверью.

Проревевшись, уснула и не слышала, как вернулась мама, как отец шепотом кричал на кухне про упрямую дочь, которая вся в прабабку, чтоб ей на том свете, как мама таким же шепотом упрашивала дать девочке шанс, вдруг все-таки сила проснется, и как тихо плакала потом. И тем более не могла слышать, как отец злился и молча смотрел в окно, а мама стояла рядом, прислонившись к его плечу, и ждала, когда он успокоится.

Потом родители долго стояли все у того же окна и о чем-то тихо шептались, обнявшись. Но это уж тем более не для детских ушей.

Утром, когда Тёпка спустилась на кухню, все было как обычно. Мама с укладкой и макияжем, но в халате, готовит завтрак. Папа завязывает галстук и воспитывает Басю, которая опять утащила ручку за холодильник. Бася ест и ни на кого не обращает внимания. А на столе лежит подписанное разрешение на участие в конкурсе камнерезного искусства.

– Кам-не-рез-но-го, – на всякий случай по слогам прочла Тёпка и завизжала: – Правда, можно? Можно, да? Я иду на конкурс, ура! Спасибо, спасибо!

Повисла на шее у отца, аккуратно обняла маму и помчалась к себе.

Вернулась обратно через пять минут уже умытая, в школьной форме и с рюкзаком.

– Мам, я так есть хочу, скоро уже? Пап, я с тобой поеду, можно? Видишь, я уже готова, меня ждать не надо.

Родители переглянулись, улыбаясь.

Тёпка к машине шла вприпрыжку, почти бежала. Отец в одной руке нес дочкин рюкзак, во второй свою папку и думал, стоит ли заглянуть на пару слов к директору школы. Пусть не вышло из него камнереза, так может хоть Тёпке повезет, надо обеспечить ей шанс. А потом можно ехать на свою скучную бумажную работу.

К директору ее вызвали после шестого урока.

– Можно, Николай Викторович? – осторожно заглянула в кабинет девочка.

За большим столом сидели незнакомые люди. Трое седовласых – это мастера, сразу поняла она, проверяющие из академии и кто-то лысенький с потрепанным портфелем.

– Проходи. Вот, уважаемая комиссия, знакомьтесь: ваша «Демидова Эс», камнерезный конкурс.

– Но позвольте, – тут же возмутился лысенький, – мы ждали мальчика. Тут у меня записано «Демидов Станислав, 16 лет». А это кто?

– А это девочка, Демидова Степанида, 13 лет, – невозмутимо ответил директор.

Комиссия заволновалась:

– Девочка? В камнерезный?

– Это зачем еще?

– Да она же не справится!

– А вам какая печаль? – пробухтела под нос Тёпка, устав стоять под не слишком добрыми взглядами.

В этот момент неожиданно стало тихо, так что ее слова расслышали все. Директор встал рядом с Тёпкой и положил ей руку на плечо.

– В правилах нет запрета на участие девочки, – напомнил он. – Традиции не рекомендуют, но запрета нет. Ребенок хочет участвовать, родители согласны. Школа в моем лице также не возражает.

Лысенький с головой занырнул в портфель, пытаясь незаметно открыть и прочесть правила конкурса.

– А ведь девочка права, уважаемые коллеги, – заявил вдруг один из мастеров. – Нам с вами какая печаль, если – Степанида, верно? – не справится? Если верит в свои силы, пусть пробует.

– Если мастер Михаил не возражает, то нам-то что же...

– Действительно, пусть пробует. Тем более, там прапрабабушка...

– Так-то оно, конечно, – лысенький вынырнул из портфеля, не найдя в нем ничего полезного, и распорядился: – Покажите ей ожерелье, директор. Пять минут на изучение, все по правилам.

Директор достал из сейфа плоскую коробку, похожую на книжку, и бережно открыл. Тёпка смотрела во все глаза. В коробке так сильно переливались шлифованные грани камней, отражая солнце, что она даже не сразу поняла, на что

именно смотрит.

– Это конкурсное ожерелье. Последняя работа мастера Михаила, – пояснил директор, видя состояние Тёпки.

Мастер Михаил величественно объявил:

– Ученики должны нарисовать украшение к нему в пару. Проявить свой художественный вкус и чутье, продемонстрировать талант. И, конечно же, нельзя повторяться.

– Время пошло, – сказал лысенький и опять нырнул в портфель – как оказалось, за секундомером.

Тёпка смотрела, протянув руку к ожерелью, но не решаясь дотронуться. И когда уже почти решилась, услышала:

– Время вышло.

Коробку закрыли, ожерелье убрали. В кабинете стало немного темнее.

Мастер Михаил протянул Тёпке какой-то листок:

– Держи, Степанида, это список изделий, которые уже выбрали другие участники. Повторяться нельзя, помнишь? Все, иди, дома посмотришь.

Девочка, не глядя, взяла список. Кивнула и вышла, забыв попрощаться. Так и шла к выходу из школы со списком в руке – и только на первом этаже вспомнила, что нужно прочитать. Остановилась. Серьги малые, серьги висячие, кольца, браслет, широкий браслет, брошь. Все занято! И что тогда ей остается?

Развернулась и помчалась наверх, в библиотеку. Если где и можно найти подсказку, то только там. Нужен какой-то

редкий тип украшения, про которое никто не вспомнил.

В библиотеке она взяла самую толстую книгу – альбом с работами старых мастеров. Быстро заполнила карточку и очень долго убеждала библиотекаря, что не потеряет, не уронит и точно-точно не будет вырывать страницы.

С большим трудом упихнув книгу в рюкзак, Тёпка шла по пустым школьным коридорам и думала о том, что никогда еще так не задерживалась. Мама, наверное, заждалась. Придется сократить путь через этаж малышни, оттуда ближе к выходу.

Услышав впереди голос, втянула голову в плечи и замерла тихой мышкой в углу, за напольной вазой. Да, ее здесь быть не должно, и лучше бы ее никто не заметил. Но ведь как интересно!

– ...девчонку какую-то мелкую, в последний момент, представляешь?

Говорил кто-то взрослый, но так тихо и вкрадчиво, как будто и его не должно быть здесь. И голос вроде знакомый.

– Согласился, от меня не убудет, пусть старается. Может, и придумает что дельное, а я уж дальше разовью, хе-хе...

Словно сквозняком потянуло от этих слов.

– ...камни все хуже чувствую, сила уходит. А тут заказ большой появился... Ну да, я потому и подписался на этот конкурс, так-то мне дети не сдались...

Сила может не прийти, если не годишься в камнерезы, вспомнила Тёпка и вздрогнула – она очень этого боялась.

Но отчего сила уходит? Очень интересно.

– Нет, еще чего! Заказ для мастера, творца, вот я и буду творить, а эти пусть ремеслу учатся. Как-нибудь сами. Кто пройдет по конкурсу, конечно, хе-хе...

Тёпка едва успела спрятаться еще глубже в тень за вазой, как мимо прошел тот, кого она вообще не ожидала увидеть. Мастер из комиссии, который самый седой. От неожиданности Тёпка даже забыла его имя.

Сколько полезного можно услышать, прячась за старой пыльной вазой, подумала девочка. Но нужен ли ей такой конкурс? И как отчистить юбку, чтобы мама не заметила?

Несколько дней Тёпка не могла решить, что ей делать. Рассказать кому-нибудь о том разговоре или нет?

Рассказать – а вдруг не поверят? Это же такой известный мастер, школе вообще повезло, что он в этом году согласился быть в комиссии. Три года не соглашался, говорил, некогда. Промолчать и пойти на конкурс? Но если выиграешь, обидно будет, когда мастер учить откажется. Так ведь еще выиграть как-то надо. Или просто отказаться от участия?

Девочка то хваталась за альбом, то убирала его поглубже в тумбочку, чтобы не попадался на глаза. В очередной раз достала альбом и открыла на самой первой иллюстрации, решив хотя бы найти подходящее украшение. Просто чтобы знать, что можно делать на конкурс, если она не передумает участвовать. Но вот перевернута последняя страница, а украшение так и не нашлось. Ни одно не подошло.

Ожерелье как наяву мелькало перед глазами, и Тёпка вдруг захотела его нарисовать. Просто потому что красивое. И сама не заметила, как в процессе рисования от мысли «идти или не идти на конкурс» перешла к тому, где искать новые книги, которые могут ей помочь.

Книги, конечно же, помогли. Но совсем не так, как она ожидала.

За неделю изучив все, что было в школьной библиотеке, Тёпка собрала все свое красноречие и пошла упрашивать библиотекаря сделать запрос в центральное хранилище. А пока ждала ответа, от нечего делать ходила по огромному читальному залу и рассматривала рисунки на стенах.

Перед одним из рисунков она стояла очень долго, щурила глаза, наклоняла голову из стороны в сторону и никак не могла понять, как так вышло – на рисунке ученика, который окончил школу несколько лет назад, была ящерка точно в таком же ожерелье, как то, которое ей показывал директор.

Тихонько вытащив из кармана телефон, она сделала несколько снимков. Дома сравнила с ними свой рисунок и убедилась: они похожи настолько, что это не может быть случайностью.

В этот раз метаний «сказать или не сказать» не возникало. Тёпка сразу решила не тратить на них время, его и так почти не осталось.

Прежде чем приступить к работе, она скопировала снимки на любимую флешку, чтобы точно не потерялись, выгреб-

ла из ящика цветные карандаши и выгнала из комнаты Басю, чтобы не отвлекала.

Тёпка рисовала.

Если раньше, когда она пыталась придумать украшение в пару к ожерелью мастера, у нее ничего не получалось, то сейчас... О, сейчас она не успевала доставать чистые листы, так много вариантов подходило к ожерелью, которое нарисовал выпускник ее школы.

Из всех вариантов Тёпка выбрала самый сложный, который покажет все ее мастерство: она решила нарисовать пояс из камней. Украшение не очень современное, но очень выразительное. И требующее большого терпения в прорисовке деталей.

Заканчивала уже поздно ночью, почти в полусне, но все-таки не забыла оформить работу, как положено по правилам конкурса. И сделать копию – так, на всякий случай.

Уснула она прямо за столом, среди нескольких десятков нарисованных украшений.

Конкурс все никак не начинали.

Тёпка сидела как на иголках, косясь в сторону судейского стола. Ей казалось, что она заметила изумрудный блеск среди флешек участников. Сердце неприятно кольнуло. Этого не может быть! Она не могла перепутать флешки, ведь не могла же?

Утром она не услышала будильник. Отец разбудил в са-

мый последний момент и, подгоняя сонную дочь, одним движением сгреб в сумку все, что было на столе. Кучу рисунков, какой-то учебник и две флешки. Точно, две. На одной была Тёпкина конкурсная работа, а на второй (любимой, с изумрудной подвеской) хранилось все самое важное, включая те самые фотографии из библиотеки.

Тёпка сунула дрожащую руку в сумку и попыталась на ощупь найти флешку. От усердия она даже закусил губу. Есть! Вынула руку из сумки, задержала дыхание и разжала кулак. Без подвески. Значит, у судей лежит флешка с подвеской. И с фотографиями.

И как только мастер Михаил увидит эти фотографии, Тёпка пропала.

Начало конкурса прошло как в тумане.

– Работа номер восемь, Демидова Степанида, – объявил председатель комиссии.

Тёпка затаила дыхание. Ноги дрожали, поэтому она радовалась, что участникам не нужно вставать до тех пор, пока комиссия не обратится к ним с вопросами. Если вообще обратится.

– Номер восемь, – повторил председатель. – В чем дело?

Ассистент подошел к председателю и что-то сказал, потом вернулся на свое место. Сидевший рядом мастер что-то спросил, ассистент развел руками. Зрители зашептались.

– Тишина, пожалуйста, – сказал председатель.

Ассистент сходил туда и обратно еще пару раз. Председа-

тель пролистал какие-то бумаги. И принял решение:

– Работа номер восемь снимается с конкурса за нарушение правил.

Тёпка вскочила, забыв о том, что ноги дрожали. Стоять она могла, а сдвинуться с места – нет.

– Предоставленные конкурсантом... то есть конкурсанткой материалы свидетельствуют о том, что работа выполнена с посторонней помощью. Это прямо запрещено правилами конкурса. Переходим дальше. Работа номер девять, Егорушкин Илья.

Тёпка поняла, что она стоит возле стола комиссии (как она туда попала?) и пытается объяснить, что они ошибаются, что это неправда, она все делала сама.

– Этот конкурс для вас закончен, – сказал председатель, когда стало ясно, что просто так девочка не уйдет. – Подрастайте, подучитесь и приходите на будущий год. Если не передумаете заниматься камнями, конечно же. А сейчас отойдите и не мешайте.

Она отошла.

Конкурс закончился.

Председатель что-то сказал. Возможно, назвал победителей. Или просто объявил перерыв, Тёпка не вслушивалась.

Она очень старалась не расплакаться, поэтому изо всех сил стискивала зубы. Но было ужасно, ужасно обидно. Она могла бы все объяснить, если бы ей только дали сказать, если бы только выслушали.

Но комиссия слушать не стала.

Тёпка всхлипнула сквозь зубы, вновь пережив этот момент.

– Выдохни, деточка, – прозвучало над ухом, и кто-то погладил ее по плечу. – Сейчас во всем разберемся.

Тёпка обернулась: рядом с ней стоял Николай Викторович и держал под руку очень старенького дедушку в потертом пиджаке.

– Познакомься, Степанида, это Трофим Потапович. Хочет с тобой поговорить.

Дедушка протянул руку и еще раз погладил ее по плечу. Тёпка охнула и забыла, что собиралась плакать: неужели сам Трофим Потапович? Самый великий, самый известный? Единственный из живых мастеров старой школы? Да что там плакать, она даже дышать забыла!

– З-здравствуйте, мастер.

– Здравствуй, деточка, здравствуй. Ты, Николенька, иди, мы дальше сами.

Тёпка перехватила мастера под руку, искала глазами ближайший стул – наверняка ему стоять тяжело, но Трофим Потапович настойчиво подтолкнул ее к столу комиссии. Пришлось идти. Шаг, второй. И уже не Тёпка поддерживала мастера, а он тянул ее с завидной силой, как на буксире.

– Мил человек, а покажи-ка мне восьмую работу, – попросил мастер, нисколько не смущаясь того, что отрывает председателя комиссии от подписания дипломов.

– Трофим Потапович, рад приветствовать, такая честь, – растерялся тот. – Только конкурс уже закончился...

– Работу, говорю, покажи, – повторил Трофим Потапович с нажимом.

Председатель вскочил, засуетилась комиссия.

Тут же вновь включили проектор, Тёпка увидела на экране свою фамилию, а вместе с ней увидели все, кто дожидался официального оглашения результатов.

– Дальше. Дальше. Теперь левее. Назад. Дальше, – распоряжался мастер, и председатель комиссии послушно листал слайды, как будто ему больше нечем было заняться.

Тёпка почему-то боялась смотреть на экран и не сводила взгляд с лица мастера.

Трофим Потапович посмотрел все, что было на флешке – и конкурсную работу, и снимки из библиотеки, и даже старые Тёпкины рисунки, которые рука не поднималась удалить.

– Работа хорошая, – объявил он. – Вкус есть. Талант виден. Можно учить.

Комиссия переглянулась. Директор подошел ближе.

– Вы хотите объявить девочку победительницей? – не понял председатель комиссии. – Но как? Баллы уже посчитаны, места распределены. Мы не можем переиграть конкурс.

– Да на кой мне ваш конкурс? Ради бумажной грамоты стараться, что ли?

– Я не понимаю, – бормотал председатель.

– Ученица, – повернулся Трофим Потапович, – тебе эта бумажка нужна?

Тёпка, счастливая просто до неприличия, помотала головой.

– Ученица? Как ученица? – казалось, весь зал смотрел на нее.

– Ученице не нужна, мне – тем более. Так что выдавайте спокойно, кому хотите. А мы дальше сами, без бумажки обойдемся.

Председатель замер в растерянности. В его голове не укладывалось, как может кому-то быть не нужен диплом такого конкурса. Это же такие возможности! С другой стороны, Трофим Потапович уже назвал девочку своей ученицей. Дела...

Директор сердито зашептал на ухо Трофиму Потаповичу. До Тёпки донеслось «висят в библиотеке» и потом «наших выпускников». Ответ мастера она решила не подслушивать, рано ей еще такие слова знать.

– Но позвольте, – спохватился председатель, – а как же посторонняя помощь? Девочка, откуда у тебя фотографии ожерелья?

Тёпка посмотрела на мастера. Она бы, конечно, спряталась за отца, если бы была такая возможность, но мастер стоял ближе.

Трофим Потапович усмехнулся.

– А ты вон у него спроси, мил человек, – и кивнул на ма-

стера Михаила. – Сообщишь потом, что он насочиняет, а то мне ждать недосуг.

Председатель с подозрением посмотрел на мастера Михаила, а тот скривился так, будто у него заболели все зубы разом.

Тут подошли родители, и Тёпка думать забыла о мастере Михаиле.

– Хорошая у вас девочка, – сказал Трофим Потапович, одобрительно потрепав Тёпку по голове.

– Хорошая, – с гордостью подтвердил отец. – Но упрямая. Вся в прабабку Степаниду. Та если что решила – никто переупрямить не мог.

Мастер усмехнулся.

– Ну что, ученица, прощайся с родителями и пойдем. У нас с тобой очень много дел.

Довольная Тёпка обняла маму, повисла на шее у отца и побежала следом за мастером.

Мама тихо ойкнула, привычно положив руку на живот.

– Опять пинается Матвейка, – сказала она с улыбкой.

– Деда Матвея я, конечно, очень уважал и любил, – задумчиво сказал отец, глядя вслед дочери. – Но давай, может, над именем еще подумаем? Про деда говорили, что он упрямее, чем прабабка Степанида. А куда нам еще упрямее?

Тёпка будто через весь зал услышала, что про нее говорят, обернулась и помахала родителям.

– Подумаем, – согласилась мама.

Янина Корбут.

МАЛАХИТНИЦА МАЛУША

– Лет триста тому назад, внученька, а то и больше, дело было. Сельская девица Малуша с охотником Данилой под венец собрались, да вклинилась между ними дочка старосты деревни, Красава. Положила глаз на охотника пригожего. Сама она такая была красавица черноокая, что и глаз не отвести. А все равно Данила скромную Малушу любил, долг свой знал и верность ей сберег.

Красава никогда ни в чем отказу не знала, разъярилась она. Пошла за лес, на далекое болото, нашла ведьму черную, вештицу, что жила на отшибе в старой землянке. И душу свою после смерти ей пообещала, если та поможет ей упрямого Данилу приворожить. Едва не сгорела наша Малуша, хорошо, бабке ее хватило ума к Малахитнице прийти, дала Хозяйка ей малахитик необыкновенной красоты, узор на нем был сложный да богатый.

Положил его Данила с любовью Малуше на сердце – и ожила суженая. А Красава в слезах к ведьме кинулась, тогда и сказала ей гадина, что Малуша – из славного рода малахитниц. За них сама Хозяйка Медной горы заступается.

Завыла Красава, да поздно было: из деревни ее стали знать, сколько ни билась она, ни причитала, будто одержи-

мая. Ночью исчезла из дома, и больше ее не видели. Только сказывали, что ведьма болотная помереть давно хотела, да силу некому передать было. А как пропала Красава, так и ведьмы больше не стало. Землянка ее со временем обрушилась, деревенские ребята туда бегали, донесли. Стало быть, передала ведьма силу свою, раз померла. Красаве и передала. А куда уж та потом делась – неведомо.

– Давно это было?

– Давно, давно, внушенька. Мне прабабка рассказывала, а ей ее прабабка. Глухонемых у нас в роду не было. Одни рассказывали, другие слушали, потом сами пересказывали. Говорят, как раз в то время малахит в наших краях добывать стали, вот нечисть и перевелась...

– Такой малахит, как у тебя на шее висит, бабуля?

– Такой-такой, внушенька... Спи.

* * *

– Бабушка, зачем тебе умирать? Что? Ты видела сон? Я думала, что-то серьезное.

Положив трубку, Малика в досаде покачала головой и снова уставилась на дорогу. Автотрасса Екатеринбург – Уфа вела машину в деревню, расположенную почти на границе с Башкортостаном. Телефон зазвонил снова. Начальник интересовался, куда пропал ценнейший кадр в разгар недели.

– Бабушка собралась на тот свет.

– Ей нужно что-то приготовить?

– Бабушка из марийцев, у них особые отношения со смертью. Чтобы «переход» прошел успешно, они готовят все необходимое заранее.

– Как некстати, партия малахита пришла...

– Наш, уральский?

– Если бы. Сейчас только заирский везут, – вздохнул добродушный Сан Саныч.

– Успокою ее и вернусь.

– Может, стоит нанять сиделку?

Положив трубку, девушка подумала, что бабка хоть уже давно подготовилась к собственным похоронам и даже жалуется, что за ней долго не приходят, но при этом совершенно нормальная. В сундуке богатства – на две жизни хватит: платки, платья, одеяло, бутылка водки, которую она собирается презентовать деду. Конечно, он давно умер.

Когда Малика вошла в дом, бабуля сидела в кровати и откусывала от белой нитки ровными крепкими зубами. Девушка чмокнула ее в морщинистую щеку.

– Три штуки надо. Положу в кармашек.

– Зачем?

– Чтобы на том свете на качелях качаться. И не вздумай смеяться! Вот, бусы малахитовые, тебе завещаю. Надевай! Мне уже больше не понадобятся. Одолела меня нечистая сила, уж и малахит не спасает. В груди болит, а при таких бо-

лях только марьин корень помогает...

Свой кафтан Айви тоже приготовила на похороны. Конечно же, с большими карманами. В нем она сможет перенести деньги на тот свет.

Марийская деревня с детства была для Малики не просто маленьким миром, где все знали друг друга поколениями, но каким-то закрытым магическим пространством, где действовали особые законы. Когда она была маленькая, очень верила во все это марийское колдовство, но папа был против частых поездок к бабушке. Считал, что та дурит ребенку голову.

– Айви, откуда ты знаешь, что дед хочет блинов? – семенила маленькая Малика за бабушкой, когда та, увидев вещий сон, несла покойному мужу угощение на кладбище.

– Приснилось.

– Научи меня видеть такие сны!

– Малика, сто раз говорила... Можно сколько угодно гостить в деревне, но если вырос в городе, послания из невидимого мира останутся для тебя просто байками.

И постепенно Малика уверилась, что магический мир – это выдумки стариков.

* * *

Не успела девушка выпить чаю с дороги, как дверь скрип-

нула – пришла соседка, бабка Дарья.

– Малика!

– Тсс... Бабушка уснула.

– А худющая какая! Только глазищи остались. Чистый ма-
лахит! Права Айви, права...

– В чем?

– Да так... Жениха-то нашла?

– Некогда, работаю. А вы не замечали за Айви странно-
стей? Мы тут побеседовали... Лечиться отказывается, тре-
бует корень.

– Оно и понятно. Дед-то твой ей всегда корешки носил,
когда у нее в грудях болеть начинало. Он из чертознаев был.

– Каких еще чертознаев?

– А кто еще мог прокормиться без заводского производ-
ства? Чертознаи добычей руды не занимались, жили охотой,
рыбалкой, дикой пчелой. В зиму, бывало, по пятнадцать го-
лов лосей забивали.

– Бабушка что же, решила, что я тоже буду бродить по ле-
су, изучая места водопоя лосей и козлов? Наверное, дед был
хорошим мужем. Жаль, я его не застала.

– Жизнь в лесу накладывала отпечаток. Чертознаи были
дикими, избегали шумных гуляний, а в церквях почти не по-
казывались. Твой дед, правда, как охотиться перестал, так
и пить начал. Угрюмый, неразговорчивый. Как твоя бабка
его терпела? Мой-то был семейный, хозяйственный. Из ры-
баков. Рыбаков у нас завсегда было больше. Одна на тебя

надежда, что ты бабушке марьин корень принесешь. Сейчас как раз сезон. У лесного озера поищи.

– Может, в аптеке купить? Я боюсь в лес...

Тут тетка Дарья всплеснула руками:

– Так внучок мой, Златан, как раз в отпуск приехал. Он тебе компанию и составит, проводит. Как бы чего... А то помнишь, вы по малолетству купаться гурьбой пошли, так ты чуть не потонула? Водяной тебя спас, не иначе...

Мелкого задиру Златана Малика помнила по детским играм и теперь удивилась, увидев рослого плечистого парня. Память подсказывала, что он способен влезть в любую драку и даже выйти победителем. Сейчас он топтался у калитки, растерянно глядя по сторонам.

Поздоровавшись, старые знакомые зашагали по широкой дороге в сторону леса. Златан шутил, рассказывал новости о местных жителях. Малика не могла отделаться от тревоги за Айви и больше отмалчивалась.

У магазина, за которым начинался спуск к реке, стоял плешивый мужик, опирающийся на палку. Остатки волос на голове – точно шерсть собачья. Артритные ноги враскоряку.

– Это Евстратий Колычев, первый сплетник на селе. Теперь будет говорить, что мы с тобой уединяться ходили.

– Куда путь держите, молодежь? – и впрямь ехидно спросил он.

– Малике нужно марьин корень найти, а я провожаю.

– Дело хорошее, только аккуратнее. В лесу беспокойно.

– На что этот плешивый намекает? – уточнила Малика, когда магазин скрылся за поворотом.

Златан пожал плечами. У реки дорога свернула в сторону леса. Перед ними раскинулся одичавший луг, потянулись пригорки, чередующиеся со впадинами.

– Сейчас пройдем этот чертополох – и на месте.

Миновав луг, они вошли в сосново-лиственничный лес. Высоченные кроны почти сразу сомкнулись над головами, создавая приятный сумрак.

– Вроде раньше здесь дикой малины было завались. Помнишь, бегали детьми?

– Не-а.

Чтобы найти малину, пришлось поплутать, и Малика окончательно запуталась, где теперь выход из леса. А вот марины корня нигде не было.

– Чего такая хмурая, зеленоглазка?

– Быстрей бы найти этот дурацкий корень.

– Муж ждет?

– Работа. Филиал компании «Уральские самоцветы». Я геммолог.

– Ух ты! Уважаю. А я магазинчик открыл. Для рыбаков.

– Точно! Ты же в детстве вечно на реке пропадал. Черт...

– Не ругайся, – спохватился Златан.

– Крапивой обожглась.

– Все равно не поминай. Тут рядом священное место. Ро-

ща...

– Не верю я во всю эту магическую чушь!

И только Малика так сказала, как где-то рядом раздался сильный треск. Звук такой, словно сама гора раскололась надвое. Деревья вдруг начали двигаться, земля резко ушла из-под ног, за правую руку ее успел ухватить Златан. Наконец до них стало доходить: это очередное землетрясение, которые в горах бывали частенько, но в последние годы обходили их край стороной.

Толчки шли будто бы с небольшой глубины. За грохотом следовали новые вибрации. Малика щурилась из-за пыли, пытаясь рассмотреть, что происходит.

Воздух колебался, исходя ленивыми волнами. В нем образовалась воронка из песка. Почему-то не вертикальная, а горизонтальная. Малика осторожно протянула руку, чтобы потрогать ее, и в ту же секунду девушку будто всосало в середину. С криком она взлетела и снова грохнулась, ударившись спиной. Когда открыла глаза, рядом стонал Златан, потирая ушибленный локоть. На лбу у него красовалась пунцовая шишка.

– Похоже, нас знатно встряхнуло, – пробормотал он. – Зато толчки как будто стихли.

– Где мы? Там лес был. А теперь как будто с другой стороны горы.

– Блин, еще и телефон раздавило...

– Я своей вообще дома забыла.

– Бусы ты не забыла.

– Чего привязался? Мне их бабуля дала, как оберег от нечистой силы. И удачу они приносят.

– Заметно, – вздохнул Златан. – Удача так и прет.

Перед ними простиралось поле самого унылого вида. На нем даже трава росла редкими кустиками. Несколько кривых берез притулились к раскрошенной горе. Посреди камней виднелись полуобвалившиеся загородки из жердей, остатки тяговых барабанов над заброшенными шахтами.

На каменных стенках Малика заметила следы чего-то зеленого.

– Натёки медных окислов. Думаю, в глубине породы найдутся запасы поделочного малахита. А говорят, у нас своего нет...

– Надо отсюда выбираться, – заявил Златан, выламывая себе суковатый дрын.

Оглядываясь, они направились в сторону пригорка, за которым начинался перелесок, как вдруг заметили вдалеке дымок.

– Чей-то дом! – обрадовалась Малика.

– Дым какой-то... Клубится, будто медведь из трубы лезет. Бабушка говорила, такой только в домах у ведьм бывает.

– Здоровый лоб, а все веришь в сказки. Заблудились из-за тебя...

Миновав пригорок, они оказались на каменистом участке, поросшем кустами и деревьями. Впереди показались замше-

лые валуны.

– Надо успокоиться и понять, в какую сторону идти.

– Передохнем минутку. Плечо болит, – присел Златан, растирая руку. Малика в досаде приземлилась рядом.

Щелкнула заливистая птичья трель, прокатилась по кустам. Отвечая, сипло каркнул ворон, застучал неутомимый дятел. И тут в омуте лесных теней, словно живые кляксы, возникли крадущиеся фигуры.

Прижавшись к Златану, Малика взвизгнула. Одновременно сквозь заросли сбоку просунулось быстрое, как язык жабы, копьё с острым наконечником. Из-за валунов, страшно бормоча, на них ринулись карлики. Меховые костюмы, шапки с нашитыми сверху черепами то ли коней, то ли оленей. Белоснежные волосы, узкоглазые блинообразные лица.

– Нас окружили! – Малика поняла, что убежать не получится.

– Говоришь, малахит защищает от нечистиков? Снимай бусы! А я пока прикрою.

Златан, резко вскочив, принялся скакать по кругу, делая устрашающее айкидо. Это было ужасно смешно, будто приемчики он подсмотрел у Джеки Чана в кино. Но Малике было не до веселья: быстро сдернув бусы, она выставила их вперед, раскачивая как маятник. А сама зажмурилась, в любую минуту ожидая нападения.

Айкидо подействовало или бусы, но устрашающее бормотание затихло. Малика приоткрыла один глаз.

От толпы вдруг отделился парламентарий, а Малика впала в проstration: ни двинуться, ни слово сказать. Зато Златан выдал:

– Дед, мы просто путники. Деревня далеко?

Белобородый, игнорируя его, протянул Малике кинжал, в рукояти которого был вставлен камень малахита. Остальные мохначи замерли, ожидая реакции девушки.

– Благодарю, – толкнул ее вбок Златан.

– Большое человеческое спасибо, – проблеяла Малика, отступая с кинжалом. Снова забормотав, существа скрылись за валунами. – Так, спокойно. Это просто какие-то дикари, живущие в горах.

– Ты еще веришь в законы земной логики? – хмыкнул Златан, рассматривая кинжал. – Интересно, зачем они его тебе дали?

– Эх, надо было у них про корень спросить!

– Ты как хочешь, а я к ним больше ни ногой.

Оставив позади валуны, путники направились в сторону зарослей можжевельника, за которыми виднелся дым. Теперь девушке казалось, что всюду кипит жизнь, не видимая глазу. Без конца что-то шуршало, стрекотало, попискивало.

– Дед рассказывал, что в лесу обитают всякие мелкие духи – лесавки, ауки, листины. Правда, я до этого ничего такого не замечал. У меня магической силы нет, – комментировал Златан. Казалось, его не очень удивляет все происходящее.

– Магической? – с недоверием переспросила Малика.

– Стоило пойти в лес с тобой – сразу столько сюрпризов.

Лес открывается только избранным.

– В детстве я такого не припомню.

– Выросла – и сила твоя раскрылась. Даже гномообразные своей признали.

– Шуточки у тебя...

Внезапно по лесу пронеслось странное эхо, словно кто-то кричал «ау». Небо заволочло черной тучей, и все вокруг будто съежилось. Из-за зарослей папоротника показалась тень неестественно вытянутого, но все же человеческого существа. Она плыла, плавно подбираясь ближе. И вдруг выжидательно остановилась. Малика могла поклясться, что у нее были едва различимые глазницы. Златан покрепче сжал дрын и прикрыл собой девушку, которая уже собралась пустить в ход бусы. Но не успела.

Солнце выплыло из-за тучи, и тень вмиг растворилась. Порыв свежего воздуха окончательно унес ее в сторону леса.

– Мерещится всякое... – пробормотала Малика.

И тут у самой горной гряды, на границе с лесом, заметила миниатюрную женщину, вокруг которой сияли изумрудные огоньки. Черная коса, на голове – расшитый кокошник. Правда, сама она была полупрозрачная, словно голограмма.

– Это еще кто?

– Может, Малахитница? – прошептал Златан, не сводя глаз с фигурки. — Вспоминай быстрее, как с ней себя вести.

– Ну... Как... Айви рассказывала, если встать на пути ее добрым словом, то одарит камнями драгоценными. Обидишь – ящеркой станешь.

– Не подскажите, как пройти в библиотеку? – крикнул Златан.

– Сдурел? – ткнула его в бок Малика, все еще не веря своим глазам. – Я не хочу рептилией жить.

– Заплутали мы, – продолжил Златан, подходя ближе. – Нас сначала потрянуло, а потом мы встретили карликов...

Малахитница грустно улыбнулась и кивнула:

– Святобор лес трясет. Если разозлится на кого, то мучает, сбивает с пути, пуская по лесу эхо.

– А мохнатика? – не выдержала Малика и тоже приблизилась.

– Чакли, по-вашему – гномы. Живут в землянках, плавят железо, добывают самоцветы. Они есть в каждом лесу, а Святобор один над всеми уральскими лесами хозяин!

– А как этого Святобора найти? Нам бы извиниться и домой...

– Ростом он выше сосны, статью могучее кряжистого дуба, борода гуще мха, носит плащ из хвои. А то может обернуться огромным медведем с огненным дыханием.

– За что же он на нас обозлился? Говорил я ей не ругаться в священном месте.

– Подойди ближе, красавица, – попросила вдруг Малахитница.

Златан легонько подтолкнул упирающуюся Малику, а Хозяйка прошептала:

– Малахитница...

– Очень приятно, – пробормотала Малика.

– Ты малахитница. Значит, родственница. Как зовут?

– Малика...

– Когда-то от меня пошел род малахитниц.

– Так в сказке Степан вроде помер... – брякнул Златан, а Хозяйка снова взгрустнула:

– Перед этим успели мы дочку нажить, Ньюрушку. Полюбила она сына Святобора, Зелеслава, и попросились они в мир людей. Помогла я им на свою погибель. С той поры малахитницы всегда замуж шли за охотников. Так повелел Святобор, сильно он гневался. За то, что сына у него отняли, требовал дань ему платить. Долгие столетия я от него камнями откупалась. Очень он малахит любит. И все бы ничего, да настали темные времена. Сколько рудников похоронено, ушло целое поколение горняков. Я теряла силу, потому что месторождения, где прежде добывали малахит на Урале, забросили. Нечисти это на руку...

– Значит, бабка правду говорила, что Советский Союз черти развалили, – пробормотал Златан.

– Тут-то она и появилась...

– Кто? – уточнила Малика.

– Вештица черная. Раньше малахит надежно защищал от нечистиков. Но три века назад едва не случилась беда с Ма-

лушей...

– Я помню эту сказку! – воскликнула Малика и быстро рассказала Златану про Красаву и ее черное зло.

Хозяйка кивала в такт ее словам.

– С той поры ведьма и живет, потому что никому свой дар передать не может. Меня люто ненавидит, но раньше Святобор ее в наши края не пускал, а когда осерчал и гору расколол – она проскочила. Навела на меня волшбу, не могу дальше камня этого уйти.

– Так кто у нас главный злодей? – уточнил практичный Златан.

– Святобор людей не сильно любит, но нейтралитет соблюдает. А вот вештица служит нечистому, который над всеми ведьмами хозяин.

Малика показала Малахитнице кинжал, полученный от гномов:

– У нас есть вот такой ножик.

– Кинжал серебряный тебе чакли дали, потому что малахитницу в тебе признали. Для меня ковали, когда я еще в силах была. А теперь не могу я вештицу одолеть.

– Чего Святобор ее не прогонит? – удивилась Малика.

– Навела она морок и на Святобора. То сорокой ему покажется, то девкой красоты невиданной. Я не могу помочь людям найти новый малахит. Без малахита нет защиты от вештицы, да еще и Святобор лютует. Думает, послушалась я его, малахит укрываю.

– Так мы растолкуем ему правду.

– Оно бы хорошо, да между горой и лесом в ветхой избушке вештица поселилась. Не даст пройти: Малику в прислужку обратит, воли лишит.

– А меня? – обалдело спросил юноша.

– А у тебя сердце съест.

– Охренеть как прекрасно...

– Запомни, Малика, – с трудом выдавила из себя Хозяйка. – Ты – рудник, раз на поиск каменьев идешь, ты – любим, раз надеждою встречи живешь. Вникни в суть этих слов – и нехитрых, и мудрых. То, что ищешь, в себе непременно найдешь! Все, последние силы мои уходят, не мо...

Малахитница исчезла, а Малика все стояла, переваривая услышанное.

– Короче, надо идти к Святобору, – энергично орудуя кинжалом, заявил Златан. – Я уже почти обтесал осиновый кол. Сейчас и тебе сделаю. Знаешь, как я с острой управляюсь? В детстве щуку в глаз бил, как дед научил.

На том месте, где только что была Хозяйка, забил фонтанчик ключевой воды, Малика с удовольствием напилась и умыла пылающее лицо.

– Значит, твоя бабушка тоже из рода малахитниц. Я же говорил! Как там Хозяйка сказала?

– Не нервируй! И так забыла... То, что ищешь, в себе непременно найдешь!

– Не густо. Может, это заклинание? На всякий случай за-

ПОМНИ.

– Что-то не нравится мне эта дорога, – через полчаса пути заметила Малика. Она шла, опираясь на вытесанный ей осиновый кол, как на клюку. – Лес все гуще, сюда уже и свет не проникает. Жутко.

– Зато так мы обойдем избушку ведьмы стороной, – неуверенно заметил парень. Он тоже нервничал, но старался держаться.

До опушки, где жались друг к другу низкорослые ели и было хоть чуточку светлее, оставалось еще шагов десять. Пахло болотом, хотя болота возле деревни отродясь не бывало. И вдруг путники застыли.

Прямо на границе света и темноты их уже поджидали существа, похожие на оживших мертвяков. Зарычав, один из них мгновенно кинулся в их сторону. Златан инстинктивно задвинул Малику назад, метнул кол и попал в одного из мертвяков. Тот зашипел, схватился когтистыми лапами за осину, пытаясь освободиться.

Но преимущества хватило ненадолго. Оставшиеся упыри, черный и серый, схватили отбивающегося Златана и бросили в центр поляны. Перепуганный парень, лежа на земле, пытался отползть.

– Беги! – крикнул он Малике.

Зажав рот рукой, та застыла на месте. А когда сообразила, что надо спастись, из темноты леса одним прыжком на нее

бросился огромный волколак. Повалил и лапой вдавил в землю. Малика, визжа, пыталась сбить чудовище с груди.

Златан заметил в стороне от тропы поваленные крест-накрест старые деревца и ветки. Прыгнул, схватил ту, что потолще. Орудя ей как дубинкой, откинул туповатых упырей. Черный все-таки задел его когтями. Парень успел пригнуться, а разогнавшиеся упыри столкнулись лбами. Задыхаясь от боли, кинулся Златан на помощь Малике.

– Замри! – приказал скрипучий голос. Из леса на поляну выплыла сторбленная женская фигура.

«Вештица! Век щуки не ловить...»

Златан замер, скованный льдом, и в ужасе глядел на сероватое лицо и пегие космы оскалившейся ведьмы.

– Нечем дышать! – продолжила биться Малика, вдыхая воздух из последних сил. Морда волколака казалась такой знакомой...

Вештица, взмахнув рукой, притянула к себе Златана. В этот момент волколак, обнюхивая Малику, коснулся малахитовых бус под воротничком платья. И взвыл, словно обожженный.

Продолжая скулить, он отскочил назад, но тут же снова сделал попытку атаковать. В последний момент Малика схватила из рукава кинжал и выставила его перед собой. Напорвшись на серебро, зверь завыл, а Малика принялась отползать на четвереньках. Схватив еще пару глотков воздуха, она попыталась встать, едва не упала, но, спотыкаясь о ветки

и коряги, кинулась назад в чашу.

– Не вздумай бежать! Эти владения мои, тебе нигде не укрыться, – донесся до нее рев озлобленной вештицы. – Марьин корень только возле моей избы растет. Хочешь взять – приходи...

Ведьма подошла ближе к Златану, всматриваясь в его глаза.

– Ничего, за корнем вернется. Или за тобой. Кровь у тебя горячая, сладкая. А мне силы нужны, – наклоняясь, прошептала она и с ладони сдула зеленую пыльцу Златану в лицо.

Вздыхнув, он закрыл глаза и обмяк. Раненый волколак ухватил его за шиворот и потащил в темноту. За ними, ковыляя, следовали подбитые упыри.

* * *

Солнце уже почти упало за лес. Между сосен сгущалась тьма, а небо щедро залило алым. Малика остановилась только у самого берега озера, поросшего камышом. Больше не было сил бежать.

Присев, девушка спросила у своего отражения в воде:

– Что же еще рассказывала Айви про коварную Красаву? Как ее одолеть?

И словно услышала бабушкины слова. *«Ведьма живет, пока дар свой передать не может. Еще бы, кто добровольно согласится. Когда ведьме приходит пора умирать, ее злым*

духам нужен новый дом. Если у ведьмы нет родственников, получить дар может любой смельчак, на свой страх и риск. Согласившийся должен сказать: „Отдай свою силу“, и тогда...»

Малика обхватила руками колени, уткнулась в них лицом. Вздохнула со всхлипом, вот-вот разрыдается. Златан ее спасал, на волколака кинулся, а она его что, бросит? Нужно ведьму остановить, пока не умерла бабушка, не погиб Златан и окончательно не утратила силы Малахитница, защищающая людей от нечистой силы.

Всколыхнулась вода, пошла по ней рябь, зашелестела осока. Послышалось звонкое:

– Девица! Ходи колыхаться!

Из кустов показалось бледное девичье личико с широко расставленными глазами. Малика поморгала, но видение не исчезло. А длинноволосая красавица – русалка, не иначе – сердито стукнула хвостом по воде:

– Топиться будешь али нет? – прикрикнула на Малику, а та в ответ не выдержала, разрыдалась.

Смущенная русалка подобралась ближе. Спросила, что стряслось. И Малика сама не заметила, как все рассказала новой знакомой. Та сразу смекнула, в чем дело:

– Летнее солнцестояние, вот ведьма и лютует. А мы гадаем, откуда она в лесу появилась? Волшбой Святобора заманила. Прикинулась Деваной, богиней охоты. Небось рыжей красавицей в куньей шубе старику показывается, а он

и рад... Сегодня на дальней поляне свадьбу справлять будут. Златана с детства знаю, дед его тоже из чертознаев. Всегда помогала им рыбачить в озере. Добрые они. Помню, Златан в детстве даже девчонку какую-то спас. Тонула она, а он вытолкнул. Чуть сам не утоп. Жаль, парень ладный да пригожий. Лучше б утоп! Всяко мне приятнее...

– Не хорони его раньше времени.

– Али пойдешь выручать?

– Али пойду! – разозлившись на себя, топнула ногой Малика. – И Златана, и марьин корень, и Малахитницу.

– Ай, молодец!

– Ты плыви, разнеси лесным правду о вештице, попроси помощи Святобора! От меня передай ему бусы малахитовые. Один камешек только отцеплю себе на память. На ленточку для волос повешу.

...Малика бежала, ориентируясь на черный дым, что по-прежнему валил из-за леса. Старалась держаться у озера – чуть что, русалки-сестрицы дорогу подскажут. Сколько бежала – столько слышала за собой шелест воды и сильнее сжимала осиновый кол, что Златан ей вытесал.

Пробралась через лиственный перелесок, спустилась в овраг, и уже совсем недалеко заросшая папоротником поляна, за которой избушка ведьмы. Через минуту глазам ее показалась лесная полуземлянка, сразу навалился запах плесени и гнили. Старая щелястая дверь скрипнула, и на поро-

ге появилась ведьма. Только сейчас она была в образе красивой рыжеволосой девы с цветами в волосах, как русалка говорила.

– Марьин корень ищешь? Ушел на свадебный венок, – усмехнулась вештица. – Святобор теперь все делает, как я скажу. Вы, люди, слабые и тщедушные, кровь – как вода. Ничего, кроме презрения, не заслуживаете. И весь ваш поганый род я переведу. Начну с тебя, малахитница.

Сохранять человеческий облик вештице стоило сил. Это вытягивало из нее жизнь, поэтому она часто отхлебывала из мутной скляницы, что держала в руках.

Малика сильнее сжала за спиной кинжал. Ладонь ощутила необычное тепло.

– Где Златан, гадина?

– Его крови я изопью перед свадьбой. А твоей напою Святобора, чтобы навеки скрепить наш союз.

Малика выкинула вперед руку. Малахит в рукояти горел зеленым пламенем. В другой руке держала она кол.

Ведьма прищурилась на ее камешек на шее:

– Откуда у тебя этот камень? Им, проклятым, когда-то Малашку спасли. Через нее я ведьмой стала.

И тут Малика увидела позади вештицы шатающегося Златана.

– Ой, Святобор! – обманула вештицу Малика, указывая пальцем в сторону.

– Где? – испугалась та, на глазах теряя облик Дева-

ны, и этого мгновения хватило, чтобы Златан толкнул ее с крыльца, а Малика кинула ему кол.

Вештица рассмеялась и оторвалась от земли. Парила в воздухе, покачивалась, призывая упырей. Как под гипнозом выползали они из избушки, похожие на пауков. Поняла Малика, как Златан их одолел: связал своей серебряной цепочкой, как наручниками. Пока те пытались расцепиться, он метнул кол ведьме прямо в горло. И это ее замедлило.

Хрипя, подхватила она Златана, швырнула выбежавшему из чащи волколаку. Тому хватило секунды, чтобы оглушить парня ударом задних лап. И тут Малика догадалась: это же сосед их, Евстратий Колычев! Вот кто ведьме донес, что они в лесу.

Меж тем Златан упал на землю, ведьма сторбилась над ним на четырех конечностях, будто хищник, поймавший оленя. Из широкой пасти показался змеиный язык, ощупал лицо.

– То, что ищешь, в себе непременно найдешь... – прошептала Малика.

И вдруг почувствовала, что в сердце совсем нет страха за себя. Только за Златана и за бабушку, которая непременно умрет без корня. Сердце девушки будто расширилось, впуская всю любовь мира.

– Отдай мне свой силу! – что есть мочи прокричала она, и страшное эхо вмиг разнеслось по лесу. В ответ где-то вдалеке грохотнуло, словно Святобор посохом по земле трах-

нул, получив малахит.

Тотчас же хватка вештицы ослабла, волосы встали дыбом, лицо ощерилось, скривилось. Из груди старухи потянулась к Малике еле видимая лазурная ниточка. Она все разгоралась, становилась толще, пока не превратилась в слепящий свет, заливший поляну. И вдруг что-то с размаху ударило Малику в грудь, в то место, где висел на ленточке один-единственный малахит от бабушки.

Поляну окутало зеленым свечением. Злая сила, отприкошетив от Малики, ударила ослабевшую гадину прямо в грудь. Дикий вопль разнесся над деревьями, волколак и упыри пятились к деревьям, готовые вот-вот кинуться наутек.

Не теряя драгоценных мгновений, девушка собрала последние силы, разбежалась и вонзила кинжал ровно в то место, где у Красавы когда-то было сердце. Черная волна отбросила Малику далеко в траву, и больше она уже ничего не слышала.

В ту же секунду из лесу выскочил разъяренный гигантский медведь и попер на исходящую черным дымом ведьму. Зарывав, выпустил он из пасти огненное дыхание.

Очнувшийся Златан увидел, как на том месте, где только что была вештица, взметнулся вверх столб пламени. Упырей медведь разорвал огромными лапами со стальными когтями, а волколак успел-таки рвануть в чашу.

Когда все стихло и дым рассеялся, Златан, пошатываясь,

подошел к избушке и отыскал в траве последний цветок марьяна корня. Бережно вырыл, а потом поднял бездыханную Малику на руки и понес мимо притихшего леса. Не замечая, как на лицо девушки капают его слезы.

Над ельником вставал холодный туман, а за туманом показались первые крыши деревенских домов...

* * *

– Когда вам говорят, что малахита на Урале больше нет, а все украшения сделаны из заирского камня, не принимайте это утверждение за истину. Запасы подземных кладовых Хребта России поистине неисчерпаемы, и богатств в них хватит еще не на один век, – договорила Малика, а покупатели, загудев, ринулись к витринам с уральским малахитом.

И только Златан остался стоять, с любовью глядя на девушку.

– Что, зеленоглазка, теперь можно и в деревню? Там Айви пирогов напекла, бабуля моя звонила. Ждут нас. Марьин корень не зря искали, у старушек теперь силы еще на десять правнуков хватит.

– Надеюсь...

– А если что, мы с тобой еще раз в лес сходим. Там теперь спокойно. Малахитница не даст соврать...

Елизавета Фролова.

МАЛАХИТОВАЯ БРОШЬ

– Мы вам перезвоним для подтверждения участия в выставке, проблем быть не должно, – раздался женский голос в телефоне.

– Хорошо, благодарю, до скорого! – держа двумя руками сотовый, Настя широко улыбнулась.

Девушка медленно отложила устройство в сторону, откинулась на мягкую спинку кресла, мечтательным взглядом окинув свой кабинет. Солнечные летние лучи вливались в помещение сквозь густую крону зелени деревьев и расплывались по стенам.

«Заявка для участия в Международном конкурсе ювелирного искусства наконец-то подана, рисунок в 3Д готов, осталось выполнить изделие к выставке».

Можно было обойтись и без самого изделия, но Насте хотелось, чтобы мир узнал о местных мастерах, которых, к сожалению, с каждым годом становилось все меньше и меньше. Заказы на обработку камней поступали реже, многие уехали на заработки, сменили профессию, и некогда славившийся камнерезами городок стал совсем маленькой деревушкой. Остался только дядя Ваня, папин друг детства, да его ассистент Егор.

«Отец в последние годы мечтал возродить значимость и былую славу этого места, но не смог».

Тень грусти промелькнула на лице Насти при мысли об отце, он бы сейчас гордился дочерью... Если бы не пропал без вести четыре года назад...

Бережно сняв со своего пиджака малахитовую брошь в форме ящерицы, вырезанную самим отцом, девушка принялась ее рассматривать. Темно-зеленые полукруги на камне сменялись светлыми, придавая движения и жизни этой ящерке.

«Несомненно, папа был лучшим в мире, чувствовал камень, разговаривал с ним. Брошь подарил на восемнадцатилетие, а на следующий день ушел в горы и не вернулся».

Настя смахнула упавшую на лицо прядь русых волос: «Грустить некогда, пора действовать и реализовывать шедевр! Дядя Ваня точно не подведет, мастер, каких единицы в этом мире».

Телефон зазвонил вновь.

– Анастасия Викторовна, простите, мы проверяли наличие файла и, к сожалению, заметили, что он пропал с облака. Вы не могли бы вновь загрузить его?

– Да, конечно, – Настя подвинулась ближе к столу, обхватила рукой мышку, открыла папку и замерла... Файла не было. Не было его и в корзине.

– Извините, вы сможете подождать до вечера? – дизайнер приложила вспотевшую ладонь ко лбу и потеряла его, разгла-

живая вмиг набежавшие морщинки.

– Да, но, пожалуйста, успейте до вечера завтрашнего дня, иначе мы вынуждены снять вашу кандидатуру.

В телефоне послышались гудки.

«Точно! – она хлопнула рукой по столу. – Флешка дяди Вани, специально для него скопировала туда файл. Он все еще не научился пользоваться облачным хранилищем, предпочитает флешки по старинке, – и улыбнулась. – Хорошо хоть не дискеты. Осталось навестить мастера, и это маленькое недоразумение разрешится. Надо прихватить с собой медовик – его любимый торт».

В груди приятно потеплело. Разговаривать с дядей за чашечкой чая было излюбленным занятием Насти с детства. А сколько интересных историй он ей рассказывал, пока ее отец заканчивал работать над очередным изделием! Каждый раз слушала затаив дыхание.

К вечеру добралась к дому мастера.

Постучала.

Дверь приоткрылась. На пороге стоял взъерошенный Егор. Лицо его было белее мела, а глаза покрасневшие. Насте было непривычно видеть всегда энергичного парня в таком состоянии.

– Егор, у тебя все в порядке?

– Иван Николаевич не вернулся, – еле слышно прошептал в ответ Егор.

Пакет с любимым тортом дяди Вани плюхнулся на пол.

У Насти закружилась голова, неприятное ощущение дежавю пронеслось по телу. Егор вовремя ее подхватил и помог войти в дом, присесть.

– В смысле не вернулся? – стараясь медленно дышать животом, как научил психолог, который помогал ей справиться с потерей отца, попыталась собраться с мыслями.

– Камень, который ты привезла на обработку, сломался. Не пошел он ему. Сегодня утром вышел на поиски идеального камня. И нет его еще.

Дядя Ваня всегда уходил на рассвете, но к концу дня обязательно возвращался. Его дом стоял у подножия самой горы. Свои места добычи камней никому не раскрывал. Никогда долго в походах не задерживался. Телефон с собой не брал, боялся, что кто-то отследит его секретное место. Но чтобы не вернуться к ночи! Это был знак, что с ним что-то случилось.

– Как ты его одного отпустил?

– Ты же знаешь, что свои места он даже мне не раскрывает!

– Ты полиции, спасателям, звонил?

– Да, звонил, ждут сутки, сказали, если не вернется – тогда начнут искать.

Ясность постепенно возвращалась к Насте. Медлить было нельзя. Отправляться на поиски нужно было прямо сейчас.

– Ты знаешь, была ли у него карта, какой-нибудь блокнот, куда он мог записывать места, на всякий случай?

– Нет, не знаю, свои вещи он запрещает трогать.

– Но это же экстренная ситуация! Чего ты ждешь? – показала головой, встала и двинулась к рабочему столу мастера. Егор последовал за ней.

Настя орудовала быстро, перекладывая с места на место бумажки, рисунки, чертежи, изучала стопку за стопкой. Помощник лишь молча почесывал затылок.

– Готовь снаряжение.

– Что?

– Снаряжение готовь! Скоро выходим. На поиски. По рюкзаку. Аптечка. Воды на каждого по два литра, – в голове Насти всплывали воспоминания долгих поисков ее отца, на которые она отправлялась с волонтерами в надежде его отыскать. – Фонари возьми. Все, что найдешь. И батареи, – повернулась к опешившему Егору, который не привык видеть ее такой. Она всегда казалась ему милой девушкой. Теперь же ее тон не допускал возражения.

Парень дернулся и пошагал прочь.

«Быстрее, еще быстрее», – подгоняла себя Настя. Руки дотянулись до книжной полки. Шорох перелистываемых страниц усилился. Взяла книгу. Пролистала, перевернула, потрясла, поставила на место.

Взяла еще одну.

Наружу вывалился листок.

Наклонилась. Подняла. Сложенная в четыре раза карта с пометками дяди Вани.

Сердце забилося сильнее.

«Оно самое».

Вот они, извилистые линии дорожек, знакомые, по которым водил ее отец в детстве. А здесь и новые тропинки, незнакомые.

«Это что еще за рисунок? Ящерица, что ли?» – она приблизила к глазам карту, достала из кармана свою брошь, поднесла к рисунку. Тот верно повторял форму ящерицы, изображенной на ее украшении.

«Точно оно».

– Егор! – прикрикнула. – Я нашла кое-что, выдвигаемся! – девушка вновь окинула стол мастера и задумалась на мгновение.

«Флешка. Флешка подождет. Конкурс? Да какое он будет иметь значение, если дядя Ваня не найдется?» – рука, сжимающая малахитовую брошь, слегка задрожала.

Парень вскоре показался из-за двери с двумя рюкзаками.

– Я знаю, куда нам надо идти, – Настя накинула на плечи свой рюкзак. – Следуй за мной!

Егор лишь успел кивнуть, как девушка зашагала вперед. Уверенно.

Солнце уже начинало садиться за горизонт.

Тропинка знакомая. Не раз Настя здесь проходила. Хорошо что отец иногда показывал ей все эти дорожки, учил ориентироваться.

Поднимаясь выше и выше, она с легкостью распознавала помеченные камни. Егор послушно шел позади. Еще немного, и гора погрузилась в полумрак. Солнце зашло за горизонт, зелень деревьев стала темно-синей. Надели каски, включили фонарики. Периодически останавливались, прислушивались к горной тишине, звали дядю Ваню, но безрезультатно.

Так прошло три часа их поиска.

– Настя, давай присядем, отдохнем. Впереди еще вся ночь, нужно набраться сил, – пробормотал Егор. – Я взял сухпаек.

Девушка вздохнула: «Как можно отдыхать, когда дядя Ваня где-то здесь рядом и ему может быть нужна помощь?»

Повернулась, хотела высказать, но, увидев бледное лицо Егора, сдержалась.

– Ладно. Но только пятнадцать минут. Не больше.

Парень довольно сглотнул, быстро шагнул к камню, присел, вытащил еду, подал Насте, которая села рядом. Пока ели, Егор спросил:

– Ты слышала про Хозяйку Медной горы?

– Ты про сказку? Да, дядя рас...

– Не сказка это, – прервал ее парень.

Настя удивилась. Егор прежде всерьез про сказки не говорил.

– Да, слышала, – она прожевала последний кусок, стряхнула с себя крошки.

– Ты же знаешь, что она существует на самом деле?

– Нам пора, – избегая ответа, она двинулась вперед.

Сказку о Хозяйке Медной горы она слышала. И не один раз. Но сейчас не время вспоминать сказки.

Еще полчаса, и ребята добрались до места, обозначенного значком ящерицы.

Настя заходила туда-сюда возле каменной стены, в которую упиралась тропинка. Достала фонарь помощнее, бросилась осматривать каждый кустик. Она не сразу заметила, что парень истуканом встал и уставился в эту каменную стену.

– Егор, мы не для этого поднимались, чтобы стоять и гипнотизировать камень, – в голосе слышалось раздражение.

Но спутник не двигался.

Подошла к нему, заглянула в лицо, провела ладонью перед его глазами.

Вздрогнула, когда его рука поднялась и указала пальцем в каменную стенку.

Дыхание замерло. На стене светился значок. Подошла ближе. Значок ящерицы. Той самой, что была на ее броши.

Дрожащими руками достала свое украшение из кармана.

Прислонила к светящемуся знаку.

Раздался щелчок.

Подарок отца словно магнитом приклеило к этой каменной стене.

Сердце ускакало в пятки, она дернулась от неожиданности, чуть не закричав.

Заскрежетало.

Отпрыгнула, сама не понимая как, споткнулась непонятно обо что, оказалась лицом к ботинкам Егора. Подняла глаза на своего спутника, который все еще неподвижно смотрел на стену.

Повернулась назад и убедилась, что каменная стена со скрежетом раздвигалась.

Привстала, отряхнулась. Мысленно поблагодарила, что Егор с ней рядом, иначе она бы уже забралась высоко на ближайшее дерево, понятия не имея, как оттуда слезть.

– Егор, ты знаком с местностью, да? – отдышавшись, она слегка толкнула его в плечо, требуя ответа.

– Мне кажется, что я здесь уже был, – парень приподнял каску.

– Отлично, – сказала сама себе, пытаясь успокоиться. – Раз ты здесь был и остался жив, значит, не все так плохо.

Подошла к своей броши, приклеенной к каменной стене, потянула, напряглась, нависла на обеих руках. Только после таких усилий брошь отсоединилась, а значок погас. «Интересно, что это за технологии здесь встроены? Как найду дядю Ваню, буду его допрашивать. А то он требует флешки ему копировать, а у самого в резерве технологичная пещера».

Обернулась и застыла.

На месте, где ранее стоял Егор, теперь валялся его рюкзак. Сам помощник пропал.

– Только не говори мне... – она заглянула вглубь открыв-

шегоя прохода в пещере, – что ты... пошел внутрь... – она уловила в темноте прыгающий и быстро удаляющийся свет от фонарика.

– Егор, подожди! – закричала, рванулась за ним. – Сейчас же вернись! – страх неведомого не позволял отдавать отчет в действиях. Побежала за очарованным не пойми чем Егором.

Лишь когда она услышала за собой захлопнувшийся механизм, только тогда осознала, что они попали в ловушку.

Пещера сожрала их.

Ринулась за Егором по темноте, он ступал вперед какими-то огромными шагами, будто хорошо зная эту дорогу.

Догнала, толкнула его. Тот наконец-то остановился и повернулся к ней, засветив фонариком в лицо. В крошечной темноте пещеры это особенно раздражало.

– Егор, ты понимаешь, что наделал? – перевела дух. – Ты вообще считаешь, что я оставила свой рюкзак там! – она указала пальцем в темноту. – Ты вообще в своем уме? И твой рюкзак там остался! – она сорвалась на крик.

– Мы у Хозяйки Медной горы, – уверенно сказал он. – Если мы будем делать то, что она требует, то отпустит.

– Звучит обнадеживающе, – ирония осталась непонятой Егором, тот повернулся и пошел вперед.

Они блуждали долго. Нескончаемо. Не было даже намека на выход.

Постепенно глаза привыкли к темноте и все чаще выхватывали каменные выступы и глыбы.

Присели отдохнуть. Тело зудело от усталости.

– Это Хозяйка. Она нас по кругу водит. Недовольна чем-то, – прошептал Егор.

Настя сжала зубы. Снаружи, где-то там, скорее всего, уже наступало утро. Но в эту пещеру не поступало ни капли света. Батареи тоже были невечными, поэтому пришлось оставить включенным только один фонарик. Ни воды, ни еды не было. Все осталось за проходом.

«Как же глупо вышло, – Настя обняла свои коленки руками. – Что теперь нас ждет? Как найти выход? Где дядя Ваня? Найдут ли нас спасатели? Даже телефон остался снаружи. Кто додумается открыть каменную стену? Брошь ведь у меня. Выжить бы».

Несмотря на то что тело требовало отдыха, страх двигал вперед и заставлял искать выход. Дышать с каждой минутой становилось сложнее, грудь сковывало.

Они вновь оказались возле каменной глыбы, похожей на разинутую пасть волка. Пещера водила их по кругу. Настя потихоньку начинала верить в легенду.

– Бро-о-ошь... – проскрежетала глыба.

Девушка подошла к камню, всмотрелась в бездонную глубь. «Показалось», – подумала.

– Бро-о-ошь...

– Настя, чего ты ждешь? Давай! – поторопил ее Егор. Даже

в полутемноте было заметно, сколь напряжены его скулы. – Это она, лучше делать все, что требует!

Но как просто так взять и сбросить в пасть каменного монстра дорогой подарок отца, тот, что носил в себе воспоминания о нем?

Она нащупала в кармане брошь, крепко сжала в руке. Нескончаемые круги по темной пещере измучили, тяжелый воздух душил, ноги подкашивались от изнеможения.

Некуда было отступить. Пещера поглотила их и не вознамеривалась ни показывать выход, ни отпускать дядю.

Что произойдет, если она отдаст брошь – неведомо. Точно одно – это место станет их могилой.

Воспоминания об отце немного согрели ее, а вот брошь все еще оставалась холодной.

Глянув на Егора, позавидовав его надежде на спасение и доверию духу горы, девушка достала брошь из кармана и посмотрела на нее в последний раз. Приблизилась к каменной пасти, зажмурился глаза, сбросила вниз.

Послышалось постукивание изделия по стенкам каменной глотки. Раздался громкий гул. Настя прижалась к камню, схватила руками свой шлем, словно опасаясь, что он может слететь с ее головы, приготовившись к худшему.

Яркий свет ударил в лицо, он ослеплял и больно резал глаза. Пришлось потереть их ладонями несколько раз, чтобы начать хоть что-то выхватывать взглядом из представшего перед ней помещения.

Огромнейшие кристаллы, появившиеся из ниоткуда, резкий блеск, переливающийся разными цветами, окружили ее со всех сторон. Эхом пронесся над ней холодный женский смех.

Оглянувшись, увидела Егора, который еще щурился в попытке разглядеть место, куда они попали.

– Настенька, так вот какая ты! Много о тебе слышала от твоего отца, – тягучий голос прошел сквозь тело девушки, словно дав ей понять, что она никуда не спрячется.

– Кто ты? – Настя выхватила взглядом приблизившуюся к ней фигуру в длинном платье, усыпанном тысячами самоцветов, зрение наконец-то возвращалось.

– Ты знаешь, кто я, – голос отдавал звоном металла.

– Хозяйка Медной горы! – с восхищением сказал Егор, к которому в этот момент вернулось зрение.

Дама улыбнулась, ее улыбка блеснула бриллиантами. Она была словно высечена из камня, но живая и невесомая.

– Егорка. Давно не виделись! Отдохни пока, – щелкнула пальцами, и парень тут же мирно засопел.

Настя опешила. Ладони, опершиеся на холодную каменную поверхность, – вспотели. Блестящие черным ониксом глаза Хозяйки сверлили девушку.

– Кто тебе позволил говорить другим людям о моих мастерах? О моих сокровищах? – прозвенело железом.

– Я... я... – запинаясь девушка, судорожно выкраивая драгоценные секунды, чтобы осмыслить человеческим моз-

гом все то, что происходило с ней сейчас. «Хозяйка. Существует. Вот она»

– Где дядя Ваня? – вырвалось.

Хозяйка хмыкнула, и это ослабило ее каменный взгляд.

– Он здесь. Не могу же я позволить ему раскрыть правду о моих сокровищах! – повела заостренный нос в сторону. – Вон там он, твой дядя.

Знакомая фигурка стояла возле огромного кристалла и бережно что-то выпиливала.

Первоначальный ужас перед духом горы сменился пониманием, что не такой уж дух и коварный. А о мастерах все-таки заботится. «Живой и невредимый», – вздохнула, в груди тонкой паутиной скрутилась надежда.

– Папа... А мой отец? – все вокруг вдруг перестало существовать. Глаза вмиг стали влажными и защипали, в этот раз вовсе не от блеска кристаллов.

Настя ждала только один ответ.

Ответ, который она искала годами.

Вся боль поисков и ожидания вернулась к ней, навалилась гранитной плитой.

Сердце глухо постукивало в груди, отдавая в уши.

Хозяйка отвернулась, показав спину девушке, и замерла, словно обратилась в статую.

Молчание.

Слеза скатилась по щеке Насти.

Вторая.

Тишина все сказала.

– Я не смогла его вылечить, – упало камнем.

Девушка моргнула. Слезы покатались вниз. Она опустила руку в карман, но броши там больше не было.

Время остановилось.

«Его нет в живых».

Мысль, которую она запрещала себе все эти четыре года, все-таки встала на свое место, горечью облив сердце. Правда рвала грудь на части. Но где-то в глубине души она была уже готова это принять и допускала мысль, что ощущает отца живым, пока занимается его делом и несет вперед его идеи и мечты.

– Я отпущу тебя, но только потому, что твой отец был великим мастером, – Хозяйка все еще стояла спиной к девушке. – И пусть тебе в голову больше не приходит рассказывать людям о моих мастерах и сокровищах, – занесла руку, чтобы сделать щелчок.

– Постой, – Настя поняла, что еще момент и Хозяйка сотрет ей память. Папы больше нет, но есть его проект, его мечта возродить деревню. Утерла слезы. – Подожди, Хозяйка. Я хочу тебе сказать. Рассказать, – слова еще путались. – Там, снаружи, мир совсем изменился, мастеров практически не осталось, – Настя с трудом узнавала свой охрипший голос, но продолжала, – никто не хочет становиться здесь мастером. Остались только дядя Ваня и Егор. Люди разъехались. Еще немного, и гора останется без мастеров вовсе.

Хозяйка повернула к девушке белоснежное лицо:

– Что ты имеешь в виду?

– Имею в виду, что совсем скоро о твоей горе забудут все.

– Не забудут! – Хозяйка недовольно вскинула подбородок, сложила на груди белоснежные руки.

– Забудут. Уже забыли. Все переезжают к тем горам, в те места, слава о которых идет по всему миру...

– Не бывать этому! Мастера были и будут!

– Вся деревня разъехалась по заработкам, разве Хозяйка этого еще не заметила? – нервно сглотнула Настя.

Пещера кристаллов погрузилась в молчание. Лишь слышалось легкое постукивание молоточка дяди Вани и сопение Егора, обнимающего двумя руками кристалл.

Настя затаила дыхание.

– Что это за горы такие, которые славятся больше, чем моя гора? – в тягучем голосе Хозяйки смешались нотки и недовольства, и любопытства. – Где они? Знаешь? – шагнула ближе к девушке.

– К-конечно. Знаю, – попятилась, но быстро поняла, что уперлась в стенку: «Все. Пропало. Разозлила Хозяйку».

– Отвезешь меня, – приказала.

«Отвезти Хозяйку горы? Что? Как? Каким образом?» – закрутилась в голове дилемма, но Хозяйка уже протянула девушке ладонь, на которой блестела хорошо знакомая малахитовая ящерица. Настя перевела недоуменный взгляд на Хозяйку.

– Ты повезешь меня по всем горам. В этой броши. Но помни, что, если ослушаешься моих приказов, я вмиг смогу изжить тебя, – звенел голос Хозяйки.

Настя верила. После всего увиденного сомнений не осталось. Взяла в руки брошь отца.

Еще миг, и Хозяйка растворилась прямо перед глазами, прозрачной дымкой влилась в камень, лежащий на руке у девушки, который вдруг ожил. Малахитовая ящерица вильнула хвостиком, потянула лапки и вновь застыла.

Не успела понять, как это произошло. Настю вдруг что-то толкнуло в спину, она потеряла равновесие, а открыв глаза, заметила, что оказалась на той самой тропинке, которая упиралась в каменную стенку.

Солнце светило уже ярко.

Рядом захрустели сухие ветки. Настя оглянулась. Из кустов показался почесывающий голову Егор. За ним – дядя Ваня, оглядываясь по сторонам.

Настя не сдержалась, подбежала к мастеру, обняла.

– Отпустила Хозяйка, выбрались!

– Какая Хозяйка? – недоуменно спросили ее попутчики.

Настя поняла, что успел дух горы стереть память и Егору, и дяде Ване. И сейчас этот могучий дух лежал у нее в кармане.

Вдруг раздался телефонный звон, доносившийся из ее рюкзака. Тот лежал неподалеку от тропинки. Она подошла, вытащила телефон и ответила.

– Добрый день, мы хотели сообщить, что нашли ваш файл и заявка на участие в конкурсе – одобрена! Так что ждем вас...

– Это вы меня извините. К сожалению, я не смогу... Ай! – вскрикнула, ее руку словно обожгло током, телефон выскользнул из рук, из травы донеслось:

– Я вас не слышу, можете повторить?

– Е-зжжжай... – раздалось шипение из кармана, – ежж-жай на выс-с-ставку. Хоч-ч-чу пос-с-смотреть. – Хозяйка теперь требовала посетить выставку.

– Простите, – подхватив трубку, выпалила Настя. – Я хотела сказать, что да, очень рада, что вы нашли мой файл. Благодарю!

Глаза Насти заблестели от счастья.

Отца больше не было в живых, но его мечта продолжала жить дальше.

Анастасия Голованова.

КРОВАВОЕ ЗОЛОТО

«Следующая остановка – площадь Metallургов», – оповестил пассажиров женский голос.

Современный красный высокогорный трамвайчик №3, с желтым пегасом на боку, следовал по обычному маршруту, усыпляя пассажиров в поздний будничньй вечер монотонно приглушенным дребезжанием колес.

Выйдя на остановке у серого десятиэтажного жилого дома, Николай поправил ремень дорожной сумки, оттягивающий плечо. Трамвай, звякнув, повернул направо, двигаясь обратно в центр. Дальше придется идти пешком.

Двадцатиминутная прогулка к пригородным домам всколыхнула воспоминания о детстве. О редких радостных минутах, когда мама добывала сладости на отложенные деньги; строгих замечаниях отца, когда дурачились с братьями или когда Николай ронял инструменты в мастерской. И особенно неприятные дни, когда к ним заваливался обезумевший в пьяном угаре сосед, ища своего сына.

Отец недолюбливал его, но лишь терпел и уговаривал, чтоб тот поменьше пил и сына меньше колотил. Сосед, конечно, не слушал его. В округе считали, что он просто пьянчуга, бредивший жуткой историей, которая якобы случилась

с ним когда-то давно.

Однажды спрятавшись с Маратом, подслушали разговор отцов:

– ...не лгу я, Паша, – сидя за кухонным столом поздней ночью, при скудном освещении наполовину сторевшей свечи, мужчины гневно шептались. Отец с отрешенным выражением слушал отчаянный пьяный бред соседа, размахивающего руками. – Огромный был он, окаянный, красивый такой, сверкал, золотом искрил, ик, но злющий, гад, сожрал, не подавился, з-змеюка ик... треклятый.

– Завязывай, Ильдар, пить, забудь уже о том, что было. Жить нужно каждым днем, а ты все в прошлом, – отец устало лоб потер. – У тебя вон сын один, одет похуже моих трех. Уж лучше б вышел на завод, а то жена везет все на себе, не позорился бы.

– Ты... ты не учи меня-то жить, – вскочил Ильдар. – Тебя там не было! – И стукнув кулаком по столу, шатаясь, к выходу побрел, ругаясь на ходу.

Много раз еще после того дня Марат прятался в их доме. Иногда мальчишки убегали в лес, лазали по горам, делясь своими мечтами и надеждами покинуть город.

* * *

Дом встретил теплом и ароматом жареной картошки с грибами. Живот связало узлом от голода, давно он не ел

сытно. Идя на запах, огляделся: потертые ковры, потускневшие фото и картины, ветхая мебель, стенка с книгами, печь в углу как монумент – все на своих местах. Кроме детского смеха и топота маленьких ног под грозные окрики отца.

– Мам, я дома, – оповестил о своем присутствии Николай, войдя на кухню.

– Приехал-таки, родной, – с улыбкой встретила мать, крепко обнимая сына. Похудела, осунулась, но все такая же бойкая. – Проходи, устал, наверное, я ужин приготовила. Голоден?

– Очень.

Текла беседа за столом, мать расспрашивала сына. Уставший, сытый Николай был скуп и сдержан на слова, сонно упираясь в руку. А мама продолжала разговор: о братьях, занятых собственными семейными заботами; о домашнем хозяйстве и сокращении на работе; о Марате.

И снова он вспомнил о нем. Судьба развела их, как только Николай покинул отчий дом, он и не знал, что друг заботится о матери. Удрученно переведя взгляд в окно, высмотрел в угаснувшем дне очертания неказистого соседского дома, темного и нежилого.

Марат ведь тоже уехал, а все равно навещает. Сам Николай только деньги присылал матери, как на откуп, лишь бы не назад в этот дом.

Николай потер лицо, сглотнув ком в горле.

– Ничего, все будет хорошо, найду работу, заживем, дом

с мастерской подлатаю тоже.

В ту ночь никак не мог уснуть, все думая о прошлом. Уже за полночь раздался телефонный звонок. Марат собирался приехать утром.

* * *

Стоя на пороге осиротевшей мастерской, Николай благоговейно отметил организованность отца: каждая вещь на своих местах, гвоздик к гвоздику, отвертки сложены по размеру, все мелкие дела в контейнерах, у каждого инструмента свой отсек. Деревянное строение отсырело, покрылось пылью, паутина свисала по углам, но отцовский порядок потревожен не был.

Раздумывая о постройке собственной мастерской и работе на самого себя, когда накопит денег, Николай услышал звук подъезжающей машины, хлопанье дверей и скрип калитки.

Обернувшись, увидел идущего к нему друга, узнаваемая ухмылка украшала его лицо.

– Здорово, Колян! – крепко обнялись и пожали руки. – Давно не видел тебя.

– Давненько, я даже удивился, когда ты позвонил, – почесал щетину Николай, осматривая друга.

– Так это ты сюда не приезжал, твоя мама номер мне дала, – усмехнулся Марат, потом бросил взгляд на мастер-

скую. – Ремонт затеял, что ли?

– Нет пока. Денег лишних нет, так, осматриваюсь, что да как. Решил вот маму навестить, раз уж... а ладно, – махнул рукою Николай. – Лучше расскажи, чего сам-то хотел, что аж ночью позвонил.

– Тут такое дело, – замялся Марат, опустив глаза. – Помнишь жуткую историю, что любил рассказывать отец мой?

– Как не помнить, я как-то попытался расспросить своего, а он мне запретил об этом говорить с кем-либо.

– Нашел я дневники отца, похоже, это правда, – измученно наблюдал Марат за другом. Николай хмуро взглянул на бледное лицо, заметил темные круги под глазами, словно тот уже давно не спал нормально. – Будучи подростком, он со своим отцом на золотом прииске работал.

– Да ерунда, Марат. Не сходи и ты с ума, – попытался урезонить друга. – Seriously, что ль, поверил в огромную змеюку?

– Ты прав, забудь, – Марат продолжил, усмехнувшись. – Мне, кстати, не помешала бы твоя помощь в одном очень деликатном деле.

– В чем именно? – удивился смене разговора Николай.

– Надо одну пещерку осмотреть. По моим данным, там находится еще никем не оприходованный прииск золота, и кое-что еще интересное, – темные глаза Марата вспыхнули загадочным блеском. – Мне нужен новый источник, на моем предприятии иссяк старый, а получить разрешение на до-

ступ к известным резервам сложно. Тебе, я смотрю, тоже не помешали бы деньги. Поможешь по старой дружбе?

Николай задумался, но не успел ответить, к ним подошла незнакомая ему девушка. Изучающе осмотрев друзей, обратилась к Марату.

– Долго еще? Мы хотели успеть до темноты.

– Не будь грубой. Николай, познакомься с Аленой, это она помогла мне найти пещеру. Умная, красивая, но очень вреднющая особа, – засмеялся Марат, девушка скрестила руки на груди, одарив его снисходительным взглядом, видимо, привыкшая к его шуткам.

– Приятно познакомиться, – протянул руку Николай. Алена, немного помедлив, ответила на рукопожатие. Мягкая, теплая ладонь слегка сжала грубую жесткую, ясные глаза смотрели с вызовом, длинные светлые волосы переливались в лучах солнца золотым отблеском. Николай залюбовался таинственной аурой девушки, но, опомнившись, отстранился. – Кхм, хорошо, я с вами.

* * *

Ехали долго, почти три часа Николай лениво наблюдал однообразный пейзаж за окном: нестройные ряды деревьев по обе стороны дороги, чьи желтовато-красные листья уже начинали опадать.

Половину пути Марат рассказывал о проблемах на рабо-

те, другую посвятил истории знакомства с Аленой. Впервые встретившись в городской библиотеке, узнали, что учатся в одном институте. В какой-то момент Николай сделал вывод, что друг возможно влюблен в девушку, но от нее ответной теплоты к нему не ощущал.

Николай едва обмолвился парой фраз за всю поездку. Алена всю дорогу задумчиво смотрела в окно.

– Ну а сам-то как? Как работа? Личная жизнь.

– Никак. Уволили меня, – угрюмо ответил Николай.

– За что? – удивился Марат.

– Кто-то украл мое готовое изделие, – начал объяснять Николай, привлекая внимание Алены. – На меня свалили, раз я последний его в руках держал. Баснословный штраф выписали, при этом уволив без отработки.

– Ну дела, братишка, – хмыкнул Марат. – Как закончим тут, что-нибудь придумаем.

– Отец всегда мне говорил, что наше счастье не в деньгах, – нерадостно выдохнул Николай. – Но на пустой желудок грустно.

Марат засмеялся. Алена снова отвернулась с задумчивым и хмурым выражением лица. Николай наблюдал за ней время от времени в зеркале.

Асфальт сменился песчаной дорогой. Припарковавшись неподалеку от кратера, Николай вышел первым из машины. Открывшийся перед его взором вид завораживал своим великолепием. Озеро, расположившееся на дне кратера, отли-

вало бирюзовым сиянием и поражало прозрачностью воды. А ступенчатые склоны, напоминающие амфитеатр, густо поросли хвойно-лиственным лесом.

– Красиво, но опасно, – Николай не заметил, как Алена подошла и встала рядом. – Не стой слишком близко, здесь активны оползни. Сейчас никого нет, но иногда тут ныряют дайверы, хотя это запрещено.

– Откуда знаешь?

– А сам-то как думаешь? – усмехнувшись его ошеломленному лицу, Алена направилась обратно к машине, Николай двинулся следом.

Марат вытащил снаряжение из багажника. Они надели защитные непромокающие костюмы и каски с налобными фонарями. Направились к пещере, прихватив с собой оставшееся снаряжение. Алена привела их к узкой расщелине с пологим склоном. Закрепив спусковые веревки, по одному спустились в темноту пещеры.

Осторожно передвигаясь вперед по узким проходам, освещая налобными фонарями путь, все глубже уходили в холодную тишину. Остановились в просторной галерее перевести дух. Николай осмотрелся, пещера ничем не выделялась. Впереди разветвление, слева – узкий лаз, справа – крутой спуск.

– Наверное, стоит пройти глубже, если хотим найти что-то ценное, – предложил Николай.

Алена недоуменно на него посмотрела.

– Да, я тоже так думаю, – тут же подхватил Марат. – Ну,

двинули.

Но не успели и шагу ступить, как фонари замигали и потухли, громкое шипение оглушило и дезориентировало. Стены и свод пещеры задрожали, потревожив сталактиты, что с характерным звуком стали осыпаться. Что-то огромное проскользнуло рядом с ними, Марат истошно закричал, Алёну швырнуло в Николая, и, не удержавшись на ногах, оба жестко скатились по крутому склону.

* * *

Николай со стоном сел, тело ныло, но, поведив плечами и пошевелив ногами, переломов не обнаружил. Фонарь снова заработал, тускло осветив ближайшую стену. Его спутница взволнованно копошилась рядом в темноте.

Николай осмотрелся, Марат остался наверху, возможно, его кто-то схватил.

– Алёна, что происходит?

– Нашла, – воскликнула девушка, поворачиваясь.

Николай обомлел. В свете налобного фонаря он увидел золотой отблеск острого лезвия. Не может быть.

– Это же...

Алёна попыталась спрятать кинжал, но Николай вскочил, скрипя зубами от боли, и схватил девушку за руку.

– Откуда это у тебя?

– Он мой, – Алёна попыталась вырваться. – Отпусти меня.

– А твоим он стал не после воровства? – процедил сквозь зубы Николай, но все же отпустил девушку. – Ты украла мое изделие!

– Я не виновата, что твой управляющий наглый жмот, завысил цену в последний момент, – Алена пристыженно отвела глаза. – Мне жаль, что тебя уволили, но мне нужен этот кинжал. Это вопрос жизни и смерти.

– Из-за тебя я лишился всего, – Николай недоверчиво смотрел на виноватое лицо девушки. – Это правда того стоит?

– Я могу убить чудовище.

– Что?

– Разве не за этим мы сюда пришли? – сверкнув глазами, спросила Алена.

* * *

Освещая фонариком стены и пол, Николай искал проход, упрямо игнорируя присутствие Алены, которая угрюмо разглядывала кинжал. Ушибленные части тела болели, холод сковывал движения, темнота нагнетала.

– Поможешь мне? – тихо спросила Алена.

– Марата унесло чудовище, о котором ты упомянула? – устало выдохнул пар Николай, девушка спрятала оружие.

– Да.

– Значит, вот о чем он говорил? – пробормотал Нико-

лай, наконец взглянув на девушку. – Ты знала, что его отец сбрендил и все время пил, а напиваясь только и твердил, что об огромном змее?

– Нет. Он об этом не рассказывал. – Алена, отвернувшись, начала искать проход.

– Так, значит, никакого золота?

– Убьем чудовище, и все твоё, – расстроено ответила Алена.

– Зачем это тебе?

– Мне нужно снять проклятие.

– Я не могу в это поверить, чудовище, проклятие, – не унимался Николай, устало жестикулируя. – А дальше что? Как вы вообще собирались убить его простым кинжалом?

– Он не простой – волшебный. Ты ведь смастерил его из материала, что я вам прислала?

– Ты имеешь в виду нити из чистого золота? Откуда ты их раздобыла? – ответа он не получил.

Спустя время обнаружив еле заметный в темноте узкий проход, двинулись дальше. Алена взяла на себя инициативу выбирать направление. Протискиваясь в очередном коридоре, Николай почувствовал одурманивающий сладковато-кислый запах, который почти заставил его запаниковать в тесном пространстве. Наконец-то протиснувшись, он замер на месте с широко раскрытыми глазами.

– Что за чудеса? – прошептал Николай. Они оказались в... лесу? Взглянув наверх, не увидел неба, а только далекий свод

пещеры. Осмотрелся. Деревья как деревья, но растения, грибы и даже растущие на кустарниках ягоды... – Почему все светится?

– Ничего не трогай и не ешь, – шикнула Алена.

– Как будто я хотел, – как замороженный ответил Николай, осматривая местность.

Темный лес освещался только голубовато-фиолетовым сиянием растений и их собственными фонарями. Грибы издавали сладко-приторный аромат, который, смешиваясь, кружил головы путникам. В надежде развеять туман в голове и пелену перед глазами Николай начал разговор:

– Что за проклятие ты хочешь снять?

– Тебе какое дело? – устало потерла глаза Алена.

– Волнуюсь просто за тебя.

– Ну да, конечно.

Николай споткнулся о корягу, но равновесие удержал, ухватившись за дерево. Вздохнул и осмотрелся, да так и замер. Алены рядом не оказалось.

* * *

Еле волоча ноги сквозь застилающий глаза туман, Николай морщился от кислого привкуса во рту. Сначала попытался бежать, но быстро передумал, в темноте все время за что-то цеплялся – ветки, коряги, кусты. Ноги то и дело заплетались.

Похоже, Алену он упустил и теперь остался один. Как скоро и его кто-нибудь схватит и... съест? Позволил другу поймать себя на крючок легкой наживой. Не смог помочь ни ему, ни себе, теперь еще и девушка пропала, недосмотрел, черт.

Зачем на эту авантюру согласился? Почему Марата не отговорил? На кой им золото треклятое, сражение с чудовищем, проклятия. Из-за дурацких дневников отца? К черту месть, к черту золото, жизнь дороже. Нужно найти Марата с Аленой и выбираться отсюда.

Взмыленный и страдающий от жажды, он измученно озирался по сторонам. В изнеможении сорвал защитную каску, прохладный воздух остудил голову. Вытащив флягу, начал жадно пить, вернув ее на место, услышал шорох. Сердце подпрыгнуло к горлу. Обернулся. Никого. Двинулся дальше. Ускорился. Снова споткнулся. Не удержался и рухнул в темноту.

* * *

– Наконец-то очнулся.

– Где мы? – Николай пошевелился, в ушах зазвенело.

– На дне, – отчего-то весело ответила Алена. – Сильно ушибся?

– Нет, – солгал Николай, сел, а в глазах задвоилось.

– Сможешь подняться?

– Угу, как мы тут оказались?

– В яме? – недоверчиво посмотрела на него Алена, так словно он задавал глупые вопросы. – Очевидно – упали.

И внезапно рассмеялась, Николай сначала оторопел, но тоже не смог удержаться от смеха, хоть и голова слегка закружилась.

– Ты как дурак ходил вокруг и кричал мое имя, – Алена не могла сдержать слез от смеха. – Я тебя звала, а ты не слышал. Надышался грибным туманом, дурень, и потом ко мне же свалился. Говорила же быть осторожным.

– Так я ничего и не трогал, – почти обиделся Николай, Алена смягчилась и улыбнулась.

Из ямы выбрались с трудом, ноги скользили по грязи. Цепляясь за торчащие корни деревьев, подтянулись, помогая друг другу. Едва выбравшись, тяжело рухнули на землю, переводя дыхание. Туман развеялся.

– Проклята я, Николай, отцом своим, хоть утверждает он, что это дар. – Алена села. – Какой же это дар, раз не могу семью я завести и земли местные покинуть.

Сняла каску с головы и распустила прическу, золотые локоны явив, осветила путь им.

* * *

Алена, хромавшая после падения, опиралась на Николая, но недолго идти пришлось им. Почти сразу вышли на поля-

ну. Посреди возвышался огромный дуб, к нему и направились.

– Змей действительно злой? – спросил Николай, поддерживая девушку рукой, хотя и сам с трудом передвигал ногами.

– С чего ты так подумал?

– Неспроста же вы хотите загубить его, – пытался понять Николай.

– Не уверена насчет Марата, – призналась Алена. – Но я просто хочу освободиться от магии.

Разговор прервался, когда их внимание привлекло отчаянное бормотание. Марат, сидевший у дерева, вцепился в волосы свои до боли. Огромный змей навис над ним, с широких веток дуба наблюдая за его терзанием.

Стоило Николаю с Аленой подойти, как Марат остановился, разгневанно взглянув на них.

– Предатели, – зло выдохнул он.

Алена отстранилась от Николая, который опешил от странного обвинения друга.

– О чем ты говоришь?

– Ты, – Марат вскочил на ноги, указывая пальцем на Алену. – Обманщица! Все время водила меня за нос, вызвалась помочь, а сама-то его дочь!

– Неправда, я не лга...

– Молчи, – почти задохнувшись от гнева и злости, Марат перевел взгляд на друга. – А ты такой же жалкий и жадный,

как твой дед.

– Что? Я даже и не знал его, он умер задолго до моего рождения. – Николай взглянул на змея, неужели тот все это время сводил его друга с ума.

Огромное тулово обвило ствол и ветки дуба, золотые кольца вдоль тела сверкали холодным светом, ярко-зеленые глаза сияли хитрым блеском, словно в ожидании того, что произойдет.

– Мне все равно, что ты обо мне думаешь, я пришла сюда, чтобы сразить змея, и я сделаю это. – Алена сбросила рюкзак и, выхватив кинжал, решительно посмотрела на Полоза, но тот даже не шевельнулся.

– Нет, лишь я имею на это право. – Марат подбежал к Алене в попытке выхватить кинжал, девушка сопротивлялась, но раненая нога подвела, и она рухнула, не удержав оружие и только пуще растрепав золотые локоны. Марат, возвышаясь над ней, выглядел обезумевшим. Николай, придя в себя, схватил друга за руку.

– Что ты творишь? Успокойся! – почти прорычал он в лицо Марату. – Подлый змей тебя обманул! Брось это, давай вернемся домой вместе.

– Вы все обманщики, и ты, и девка эта, и Полоз, я вас всех... – Марат кричал, пытаясь вырваться из хвата. Локтем ударил прямо в лоб, заставив пошатнуться Николая.

– Твой скупой дед убил моего из-за жалкого куска самородка. – Марат задыхался, то шептал, то рычал. Николай

схватил друга за плечи, еле держась на ногах. – Мой отец стал свидетелем расправы змея на нем, сойдя от ужаса с ума. Он годами изводил себя, меня и маму.

Николай застыл, не зная, что сказать, Марат, воспользовавшись заминкой друга, вырвался и притянул его за ворот защитного костюма.

– Твоя семья всему виной! – прошипел Марат и воткнул кинжал в грудь друга.

Рухнув на колени, Николай не мог понять, что произошло, в грудной клетке клокотало, металлический привкус наполнил рот. Алена подползла к нему, зажав руками рану. Марат стоял над ними, тяжело дыша, сжимая в ладони окровавленный кинжал.

– Так-с, так-с, похоже, ты сделал тот же выбор, – тихо шелестя травой, змей прополз поближе и, скрутившись вокруг тела Марата, под землю его утянул.

Николай, бледный, неподвижно лежал, губы его посинели. Все туманней становился взгляд карих глаз, Алена не знала, что делать.

Ярко-золотистый свет вспыхнул за ее спиной, явив после себя высокого мужчину. Зеленые глаза блеснули хитро.

– Посмотри, во что вылилась твоя непокорность, – заговорил Полоз, вернувшийся в человеческом обличье. – Оставь его и вернись со мною домой. Или решила довести задуманное до конца?

Протянул ей Полоз кинжал золотой, окропленный кровью

невинной.

– Помоги мне спасти его, – всхлипнула Алена.

Окинув строгим взглядом дочь, обратил кинжал, лежащий на ладони, в длинную золотую иглу одним лишь словом.

– Хочешь спасти – справишься сама.

Взяла иголку дрожащей рукой. Продев через ушко волос тонкий золотой, наложила шов узловой. Рана затянулась, оставляя только шрам. Николай открыл глаза, вдыхая полной грудью. Волосы Алены померкли, потеряв свой прежний золотистый блеск.

– Помнишь, что я тебе сказал, когда молила о свободе? – сурово спросил ее отец.

– Что волосы мои не проклятие, а дар, но пойму я лишь тогда, когда в крайний час буду нуждаться в чуде, – прошептала в ответ Алена.

– Теперь магия твоя не вернется более. – Полоз взмахнул рукой, на поляне стало ясно от блеска золотого. – А тебе, Николай, предлагаю золото.

– Не нужно от тебя мне ничего, ты уже забрал все дорогое, – печально посмотрел на него Николай.

– Твой друг давно себя потерял, помышляя мстью, а пролив кровь на золото мое, заслужил лишь наказание, – зло сверкнули зеленые глаза. – Чего тогда пожелаешь?

Николай, поднявшись с земли, взглянул последний раз в змеиные глаза, и, нежно подхватив Алену, забрал свое главное золото.